

ЧИТ. ЗИЛ  
ПРОВ. 1957

# КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ  
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ  
КУЛЬТУРЫ

70



ФРКОМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

К.13(6)

ИИМК Д.П.

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

---

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ  
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ  
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ  
КУЛЬТУРЫ

70



ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР  
МОСКВА—1957

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор член-корр. АН СССР *А. А. Удальцов*  
Зам. ответственного редактора *Т. С. Пассек*

Члены редколлегии:

*А. В. Арциховский, С. Н. Бибилов, М. П. Грязнов, Л. А. Евтюхова,*  
*А. Ф. Медведев (отв. секретарь), Г. Б. Федоров*

## I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

Б. А. ЛАТЫНИН

К ВОПРОСУ ОБ УРОВНЕ РАЗВИТИЯ  
ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ В ЭПОХУ РАННЕЙ БРОНЗЫ

Существующие представления о весьма низком уровне развития производительных сил и о присваивающем еще направлении ведущих отраслей хозяйства племен, населявших в эпоху энеолита и ранней бронзы степи Восточной Европы, сложились давно и почти исключительно на основе изучения древнейшего типа курганных погребений с так называемыми скорченными и окрашенными костяками.

Г. Л. Скадовский впервые особо выделил этот тип погребений еще при раскопках в низовьях Днепра, у Белозерки, и отнес его к «каменному периоду», возможно — к «палеолитическому»<sup>1</sup>.

В отчетах о своих обширных раскопках курганов по Донцу В. А. Городцов описал такие погребения, располагая уже значительно большим материалом и гораздо подробнее. По устройству могильного сооружения и в силу того, что археологическая культура, к которой относятся эти погребения, в периодизации донецких культур эпохи бронзы предшествуют культуре с характерными захоронениями в «катакомбах», он назвал их «древнейшими».

Исходя из изучения погребений и сопровождавшего их очень скудного вещественного инвентаря, в который входят лепная остродонная керамика, кремневые, костяные и лишь очень редко встречающиеся «бронзовые» орудия простейших форм, а также по обнаруженным костным остаткам, главным образом диких животных, В. А. Городцов охарактеризовал «древнеямную» культуру как еще неолитическую и охотничье-рыболовческую. Указав на вероятность весьма длительного существования ее в наших степях, он считал возможным только к концу этого периода относить появление некоторых домашних животных (овцы, быка) и начало распространения «бронзовых» орудий<sup>2</sup>.

Такому представлению не противоречили, как это можно было думать, и результаты раскопок курганов в последующие годы. Казалось также, что оно нашло подтверждение и в дюнных стоянках с кремневым инвентарем микролитического облика и остродонной керамикой, схожей с «древнеям-

<sup>1</sup> Г. Л. Скадовский. Белозерское городище Херсонского уезда, Белозерской волости и соседние городища и курганы между низовьем р. Ингульда и началом Днепровского лимана. «Труды VIII АС», т. III, М., 1897, стр. 88 сл., табл. VI.

<sup>2</sup> В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губ. 1901 г. «Труды XII АС», т. I, М., 1905, стр. 188; В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губ. 1903 г. «Труды XIII АС», т. I, М., 1907, стр. 247.



ной», Такие стоянки обнаружены В. В. Гольмстен, Т. М. Минаевой и И. В. Синицыным в долинах степных речек Нижнего Заволжья<sup>3</sup>.

Подобная характеристика «древнеямной» культуры получила широкое распространение. Она вошла в некоторые сводные работы, в курсы университетских лекций, учебные пособия, в энциклопедии и удерживалась как господствующая до сего времени.

В. А. Городцов сохранил ее и в своей обзорной статье «Бронзовый век на территории СССР» в первом издании Большой Советской Энциклопедии<sup>4</sup>. Без особых изменений эта характеристика осталась в статье, напечатанной и во втором издании<sup>5</sup>. Эту характеристику принял в своем учебнике и В. И. Равдоникас, еще более подчеркнув полуоседлый, охотничье-рыболовческий и собирательский уклад жизни «древнеямных» племен, стоявших, как он полагал, еще на низшей ступени варварства<sup>6</sup>.

А. П. Круглов и Ю. В. Подгаецкий, сделав попытку критического пересмотра вопроса о степных культурах эпохи бронзы, присоединились к существовавшему мнению о весьма низком еще уровне развития «древнеямных» племен и присвоившем направлении их хозяйства, основой которого они считали рыболовство<sup>7</sup>. В учебнике А. В. Арциховского эта культура отнесена к энеолиту, может быть к неолиту. В хозяйстве «древнеямных» племен отмечалось подавляющее преобладание охоты над скотоводством<sup>8</sup>. Такая характеристика сохраняется А. В. Арциховским вплоть до последнего по времени издания его книги в 1955 г.<sup>9</sup>

Едва ли не без прямого влияния этих твердо укоренившихся представлений сложилось мнение и об афанасьевской культуре Сибири. Ошибочные, как это можно теперь утверждать, для Причерноморья и Заволжья, они дали неверную ориентировку и для ранней бронзы Сибири, которая также изучалась пока почти исключительно по погребальным памятникам<sup>10</sup>.

Следует при этом отметить, что изучение «древнеямных» погребений нашего Юга оставалось и остается далеко еще не полным. И хотя до самого последнего времени именно на них основывалось суждение о культурах эпохи энеолита и ранней бронзы степной и лесостепной полосы Восточной Европы, эти памятники ни разу еще не были темой специального монографического исследования, в котором был бы учтен и систематизирован накопившийся и в большей части не изданный материал по «древнеямным» погребениям. До сих пор не выделены их местные варианты. Нет полного описания и типологической систематизации сопровождающего инвентаря, в том числе и такой, несомненно ведущей (в данных условиях) его категории, как керамика<sup>11</sup>. Высказанное еще В. А. Городцовым пред-

<sup>3</sup> В. В. Гольмстен. Археологические памятники Самарской губ. «Труды секции археологии РАНИОН», т. IV, М., 1928, стр. 130; Т. М. Минаева. Кремневая индустрия Нижнего Поволжья. «Труды Нижне-Волжского общества краеведения», вып. 36, ч. 1, Саратов, 1929, стр. 27; Т. М. Минаева и П. Д. Рау. Отчет об археологических разведках по р. Торгуну в 1924 г. Там же, вып. 35, ч. 1; И. В. Синицын. Древние памятники приморского района Калмобласти. «Изд. Саратовск. Нижне-Волжск. ин-та краеведения», т. VI, Саратов, 1933; его же. Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья. СА, XI, 1949.

<sup>4</sup> Большая Советская Энциклопедия, изд. 1, т. VII, 1927, стр. 612—613.

<sup>5</sup> Большая Советская Энциклопедия, изд. 2, т. 6, 1951, стр. 156.

<sup>6</sup> В. И. Равдоникас. История первобытного общества, ч. II. Л., 1947, стр. 258, 355, 356.

<sup>7</sup> А. П. Круглов и Ю. В. Подгаецкий. Родовое общество степей Восточной Европы. «Изд. ГАИМК», вып. 119, М.—Л., 1935, стр. 138—141, 147.

<sup>8</sup> А. В. Арциховский. Введение в археологию. Изд. 3. М., 1947, стр. 40.

<sup>9</sup> А. В. Арциховский. Основы археологии. Изд. 2. М., 1955, стр. 69.

<sup>10</sup> См., например, С. В. Киселев. Древняя история Сибири. МИА, № 9, 1949, стр. 29, 30.

<sup>11</sup> На основании комплексного учета материалов по эпохе бронзы, проводившегося в течение ряда лет совместно Т. С. Пассек и мною в собраниях центральных и местных музеев, был сделан опыт построения общей периодизации и характеристики культур

положение о возможности хронологического подразделения «древнеямных» погребений на ранние и относительно более поздние остается только предположением и дальнейшего обоснования и уточнения не получило<sup>12</sup>.

Только совсем недавно к этому вопросу вернулась О. А. Кривцова-Гракова, которая в первой главе своей работы о поздней бронзе попутно коснулась и «ямной» культуры. На основе не опубликованных еще материалов из раскопок Б. Н. Гракова<sup>13</sup> курганов в районе Никополя в 1937—1940 гг. она считает возможным выделить для Нижнего Днепра два типа «ямных» погребений, отвечающих двум хронологическим периодам, следующим непосредственно один за другим. Сопоставляя затем обряд погребений Никопольских курганов с «ямными» погребениями на Дону и Нижнем Поволжье, Кривцова-Гракова приходит к заключению, что он был одинаковым во всех основных районах распространения «ямной» культуры и что, исходя только из ритуала и устройства могил, нельзя выделить ее локальные варианты. Об экономической основе хозяйства «ямных» племен определенного мнения автор работы не высказывает, хотя им учтены уже новые материалы и, в частности, говорится, что о разведении коров и тем более о мотыжном земледелии этой эпохи можно лишь предполагать<sup>14</sup>.

Необычны и неожиданны для господствовавших представлений о примитивности «древнеямной» культуры, сложившихся на основе изучения только курганных погребений, результаты первых систематических раскопок относящегося к этой культуре селища.

Работы велись Е. Ф. Лагодовской у с. Михайловка на Нижнем Днестре; в результате обнаружена не стоянка бродячих неолитических охотников и рыболовов, а мощный культурный слой большого и долговременного поселения оседлых земледельцев и скотоводов<sup>15</sup>.

Раскопки Михайловского селища — одно из самых значительных за последние годы событий в изучении ранней и средней бронзы степной полосы Восточной Европы. Они еще не закончены, однако уже теперь возникает ряд не полностью разрешенных вопросов. Много, может быть, остается не совсем ясным и в отношении обнаруженных на этом селище каменных кладок, и в стратиграфии отдельных наслоений и т. п. Однако то, что установлено уже сейчас Е. Ф. Лагодовской и ее сотрудниками в Михайловке, достаточно убедительно свидетельствует о совершенно ином, несравненно более высоком, чем обычно предполагалось, уровне развития «древнеямной» культуры. Об этом говорит факт обнаружения такого обширного и долговременного поселения, как Михайловское, мощность куль-

---

ранней, средней и поздней бронзы степей и лесостепи Восточной Европы. Работа на эту тему защищалась мною в Ленинградском университете в 1929 г. при окончании аспирантуры. В ней намечалось выделение локальных вариантов этих культур, в том числе предлагалось территориальное районирование и хронологическое подразделение погребений «древнеямного» типа для Левобережной и Правобережной Украины. Переработанная в 1935 г., эта работа была принята для издания Исторической комиссией Академии наук СССР, а в кратком, тезисном изложении вошла в один из сборников ГАИМК, однако так и осталась ненапечатанной и не могла войти в научный оборот. Установки, отдельные положения и выводы, изложенные в работе, получили, видимо на основе развернутых тезисов 1929 г. и читанных докладов, известное распространение и отражение в некоторых исследованиях последующего времени.

<sup>12</sup> В. А. Городцов. Указ. соч. «Труды XII АС», т. I, стр. 216.

<sup>13</sup> Б. Н. Граков. Археологические раскопки близ Никополя. ВДИ, № 1, 1939, стр. 272.

<sup>14</sup> О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1955, стр. 11—15.

<sup>15</sup> Е. Ф. Лагодовская. Михайловское селище и его историческое значение. КСИА, вып. 4, 1955; Е. Ф. Лагодовская, Л. М. Макаревич, О. Г. Шапошникова. Раскопки Михайловского поселения в 1954 г. КСИА, вып. 5, 1955, стр. 13—18.

турного слоя и остатки вскрытых каменных кладок в основании жилищ и опорных или оборонительных стен.

На земледелие, в его обычном для энеолита и бронзы сочетании с придомным скотоводством, как на ведущую, давно и хорошо освоенную базу общественного производства, указывают найденные при раскопках селища зернотерки, кремневые вкладыши серпов и огромное количество костей основных видов домашних животных: быка, овцы, козы, свиньи, лошади<sup>16</sup>. В Михайловке довольно многочисленны и находки медных орудий, характерных для эпохи ранней бронзы и начальной поры средней ее ступени. Особого внимания заслуживает также сочетание в одном комплексе остродонной и плоскодонной лепной керамики и крупные размеры сосудов хозяйственного назначения.

Принадлежность основного (второго) слоя Михайловского селища к «древнеямной» культуре, полагаю, несомненна.

Однако при всей близости материалов этого слоя, и в первую очередь решающих для определения культурной принадлежности и времени памятника находок керамики с тем инвентарем курганных погребений, которым была представлена «древнеямная» культура ранее, полного тождества ни по составу, ни по многообразию форм нет.

Встает вопрос: чем же обусловлено своеобразие материалов Михайловского селища? Не является ли это селище вообще чем-то исключительным и не получили ли в нем отражение только какие-то особые, местные условия?

Против возможности такого предположения говорит прежде всего уже то, что Михайловское селище — вовсе не единственное в своем роде. Е. Ф. Лагодовская указывает на ряд аналогичных памятников, выявленных в Нижнем Поднепровье. К ним, мне представляется, следует также отнести и селище в Шевченковском (Потемкинском) саду Днепропетровска и, вероятно, значительную часть материалов с песчаных кучугур в районе Алешек. В керамике из сборов Д. И. Эварницкого в Шевченковском саду и В. И. Гошкевича на кучугурах, хранившейся в Днепропетровском и Херсонском музеях, мы находим ближайшие аналогии керамике тех типов, которые Е. Ф. Лагодовская выделяет теперь как характерные для второго и главным образом для третьего (верхнего) слоя Михайловки.

Исключительно интересно в этом отношении и обнаруженное И. В. Синицыным селище на высоком берегу Дона, близ устья р. Иловли. Судя по материалам разведочного обследования, культурный слой поселения с его керамикой «древнеямного» типа чрезвычайно близок к открытому в Михайловке<sup>17</sup>

Обнаружение такого селища на Дону не только раздвигает границы распространения подобных памятников далеко на восток, но и дает основания предполагать, что поселения эпохи ранней («древнеямной») и средней («катакомбной») бронзы будут теперь найдены во всей степной и лесостепной полосе.

Говоря об особенностях материалов Михайловки, необходимо, конечно, учитывать, что находки из культурных слоев поселений вообще никогда не дают и не могут дать, в своей массе, полного совпадения с комплексом погребального инвентаря.

<sup>16</sup> А. И. Шевченко. Фауна поселения эпохи бронзы в сел. Михайловке на Нижнем Днепре. «Краткие сообщ. Ин. археологии АН УССР», № 7, Киев, 1957. Особо следует отметить высокий процент костей крупного рогатого скота.

<sup>17</sup> Информация об этом интереснейшем памятнике давалась в предварительном порядке И. В. Синицыным во время пленума ИИМК в 1955 г. и на VIII Археологической конференции Института археологии АН УССР в Киеве, в 1956 г. См. И. В. Синицын. Памятники ямной культуры Нижнего Поволжья и их связь с Приднепровьем. «Краткие сообщ. Ин-та археологии АН УССР», № 7, Киев, 1957, стр. 34—35 и рис. 2.

Кроме того, на мнении о некотором своеобразии селища у Михайловки не может не сказаться обычная обобщенность и абстрактность наших представлений о том, что называют археологической культурой. В целом она всегда бывает представлена не какой-то совершенно однородной серией памятников и типов вещей, а местными и хронологическими их группами, закономерно отражающими процесс развития данной культуры во времени, иногда очень длительном, и изменения в пределах ее распространения, иногда очень широких.

С учетом сказанного и оставляя пока открытым вопрос о выделяемом Е. Ф. Лагодской в качестве древнейшего первом слое, Михайловское селище во втором, основном его слое вполне уверенно можно отнести к одному из таких местных (среднеднепровскому) вариантов «древнеямной» культуры на каком-то определенном и, видимо, не очень позднем этапе ее развития.

Что касается третьего, верхнего слоя селища, то типы относимой к нему керамики и медных орудий, полагаю, представляют переходный этап от «древнеямной» к одному из местных, днепровских же вариантов «катакомбной» культуры средней бронзы.

При несомненной близости керамики второго и третьего слоев Михайловского селища такое соотношение этих слоев представляется особенно интересным и важным для вопроса о генетической преемственности в развитии «древнеямной» и «катакомбной» культур. О взаимосвязи их можно было судить уже на основе изучения курганных погребений.

Столь же необычным и неожиданным для прежних представлений о низком уровне развития хозяйства племен эпохи начала бронзы было обнаружение в курганных погребениях этой ранней поры повозок, и притом, как оказалось, конструктивно довольно совершенного типа — двухколесных «арб» с дышловой запряжкой и ярмом.

Хорошо сохранившиеся остатки колес и других деревянных частей трех таких повозок встречены в 1935 г. И. В. Синицыным при раскопках курганной группы «Три брата» близ Элисты (г. Степной), в погребении 8, кургана № 9<sup>18</sup>. «Модель» из обожженной глины четвертой повозки, позволяющая реконструировать их как двухколесные крытые «арбы», найдена у каменной плиты «жертвенника», обнаруженной в насыпи кургана над погребением и несомненно с ним связанной. Здесь же, у плиты и под ней, лежали черепа и кости ног трех коров, кости трех овец, два глиняных сосуда, 32 нарезанных из трубчатой кости кольца и две костяные рубчатые пронизки.

Особые условия позволили хорошо расчистить колеса повозок и получить гипсовые отливки с их отпечатков во влажной глинистой почве. На одной из стенок могильной ямы сохранился отпечаток парного ярма. Колеса повозок были 0,7 м в диаметре, сплошные, без спиц и составлены из трех частей (расколотых плах) каждое. Их сильно выступающие ступицы, с отверстием в 7 см, тщательно вырезаны из толщи средней составной части и вращались на оси.

Погребение, при котором обнаружены остатки повозок, совершенно в большой материковой квадратной яме, окруженной камнями и покрытой деревянным настилом, циновками и узорчатым ковром. Их отпечатки хорошо сохранились над краями могильной ямы, по углам которой лежали плашмя четыре колеса. Повозки, очевидно, положены в погребение в разобранном виде. Еще пара колес и остатки других деревянных частей обнаружены в земле, заполнившей могильную яму. Они, видимо, находились на настиле и потом провалились внутрь.

<sup>18</sup> И. В. С и н и ц ы н. Памятники предскифской эпохи в степях Нижнего Поволжья. СА, X, 1948.

При устройстве погребения первоначальные насыпи двух небольших находившихся здесь курганов были соединены вместе и увеличены. Костяк лежал на спине, ноги согнуты в коленях и приподняты (впоследствии они свалились влево); голова обращена на юг, с легким отклонением к ЮЮЗ. На черепе и костях ног — следы красной краски. При костяке найдены: небольшой, орнаментированный оттисками поперечно-перевитой веревочки горшок, чаша на поддоне, сплошь орнаментированная снаружи и по дну оттисками косой веревочки, кремневый отщеп, медные листовидный нож с черешком, два небольших четырехгранных шила и обломки «проколки», остатки деревянного «шаровидного сосуда и еще какого-то деревянного предмета с четырьмя медными пластинчатыми скрепками.

В датировке этого интереснейшего памятника едва ли можно согласиться с И. В. Синицыным, который относит всю большую (до 40) группу подобных, как он считает, погребений в курганах района Элисты к весьма позднему, «предскифскому» времени, ссылаясь на найденный в одном из них железный наконечник копья или нож<sup>19</sup>.

На основании предварительного сообщения, в котором не дается еще ни описания погребений в отдельности, ни обоснований для объединения их и общей для всех поздней датировки, судить о памятнике в целом невозможно. Опубликованные в статье И. В. Синицына данные скорее говорят о том, что в эту «группу» включены памятники не одного, а разного времени, в том числе, несомненно, ранние. Бронзовые спиральные височные подвески из погребения 2, кургана № 28 у «Трех братьев», бронзовая согнутая булавка из погребения 5 кургана № 17 той же группы, бронзовый проушный топор из кургана № 6 у Бичкин-Булука<sup>20</sup>, т. е. все опубликованные в работе вещи, находят ближайшие аналогии в ряде памятников первой половины II тысячелетия до н. э. и никак, конечно, не могут быть отнесены к «предскифскому» времени и к началу века железа. Для этого стоит напомнить хотя бы булавки из Ульского кургана № 5 в раскопках Н. И. Веселовского<sup>21</sup>. Никак не согласуется с поздней датировкой, конечно, и обряд погребения, а именно: положение костяка на спине с поднятыми коленями, присутствие в захоронении красной краски и пр.<sup>22</sup>

То же надо сказать и о погребении в кургане № 9 у «Трех братьев», в котором обнаружены остатки повозок.

Устройство погребального сооружения, положение костяка, красная краска, сопровождающий инвентарь — решительно не позволяют отнести это погребение к столь позднему времени. Наоборот, все это дает комплекс признаков, очень характерных для более ранней эпохи.

Уже один обнаруженный в погребении медный нож с плоским листовидным лезвием и черешком совершенно не совместим с поздней датировкой и объединением этого погребения в одну группу с тем, где найден железный наконечник копья в кургане у Бичкин-Булука.

Нет никаких оснований относить к поздним типам и керамику, обнаруженную в погребении и у «жертвенного» камня над ним. Горшки с высокими краями, плоская петельчатая ручка на одном из них, густо располагающийся, веревочный орнамент, в том числе ряды подковообразных арочек, так же как и форма орнаментированной чаши на поддоне (курильницы), во все не характерны для позднейших типов керамики юго-восточного, или «предкавказского», варианта «катакомбной» культуры, теперь выявленного

<sup>19</sup> И. В. С и н и ц ы н. Памятники предскифской эпохи. . стр. 147, рис. 8. Бичкин-Булук, курган № 6.

<sup>20</sup> И. В. С и н и ц ы н. Там же, стр. 146, рис. 5, 6; стр. 147, рис. 7.

<sup>21</sup> ОАК за 1909—1910 гг., стр. 153, 154.

<sup>22</sup> Ср., например, описание «древнейших» погребений Поднестровья и Нижнего Поволжья у О. А. К р и в ц о в о й - Г р а к о в о й. Указ. соч., МИА, № 46, стр. 12, 14.

дсвольно хорошо<sup>23</sup>. Хотя эта форма горшков и петельчатые ручки удерживаются видимо, долго, но в поздних комплексах им присущи свои типичные особенности. В частности, подобные горшки, как и курильницы, не имеют веревочной орнаментации.

Для определения времени этого погребения, кроме обряда, ранних типов медных орудий и керамики, решающее значение имеют костяные кольца и пронизки. Нарезанные из трубчатой кости кольца относятся к довольно ранней поре «катакомбной культуры»<sup>24</sup>, но в Нижнем Поволжье они известны для памятников более древних, видимо переходных от «древнеянных» к полтавкинским<sup>25</sup>. Сочетание же их с рубчатými пронизками более удлиненных и узких форм, отделанными винтообразной или поперечной нарезкой, которые встречаются только в «древнеянных» погребениях, дает основание вполне уверенно датировать погребение с повозками из кургана № 9 у «Трех братьев» началом не I, а II тысячелетия до н. э. и рассматривать его не как «предскифское», а как переходное от «древнеянных» к «катакомбным».

Преемственная связь «древнеянной» и «катакомбной» культур становится теперь все более очевидной, и предлагаемая поправка в датировке приведенного выше погребения не имеет сама по себе решающего значения для темы настоящей работы. Конструкция найденных в нем двухколесных повозок настолько, относительно, уже совершенна, что появление ее было возможным лишь в результате длительного пути развития, время которого падает еще на эпоху ранней бронзы.

Если предлагаемая поправка верна (а на ней можно настаивать) и погребение является «раннекатакомбным», а не предскифским, то она только подтвердит и уточнит генетическую близость культур ранней и средней бронзы нашего степного Юга.

О том, что двухколесные повозки-арбы из кургана у «Трех братьев» самым тесным образом связаны с материальной культурой эпохи ранней бронзы, свидетельствуют и находки в погребениях обычного «древнеянного» типа на Украине<sup>26</sup>.

Так, остатки двухколесной «арбы», видимо совершенно аналогичной по конструкции и размерам повозкам из кургана у «Трех братьев», обнару-

<sup>23</sup> Как на близкую аналогию можно было бы, например, указать на горшок с петельчатой ручкой из насыпи кургана № 2 и сосуд из раннего погребения 10, в кургане № 3, у хут. Веселого. (М. И. Артамонов. Раскопки курганов на р. Маныче в 1937 г., СА, XI, 1949, стр. 328, 329, рис. 5—4 и рис. 7—1).

<sup>24</sup> См., например, В. А. Горюнов. Указ. соч. «Труды XII АС», т. I, стр. 276—Стратилатовка, курган 5, погребение 5; стр. 299—Ковалевка, курган 3, погребение 2.

<sup>25</sup> Археологические исследования в РСФСР 1934—1935 гг. М.—Л., 1941, стр. 184 и табл. XXVIII, рис. 9—11. Карповка Сталинградской обл., курган 2, погребение 8. Вместе с низкой таких колец в этом погребении находился горшок, который по типологическим признакам должен быть отнесен к ранним полтавкинским. В то же время его нельзя не сопоставить и с такими сосудами из «древнеянных» еще погребений, как сосуд № 538 собрания Саратовского областного музея из раскопок П. С. Рыкова в 1925 г. у Покровска, курган 12, погребение 6, Юго-восточная группа, и № 926 из раскопок 1927 г., курган 1, Южная группа. (П. С. Рыков. Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье и Уральском крае летом 1925 г. «Изв. Краеведч. ин-та изучения Южно-Волжской фл. при Саратовск. ун-те», т. I, 1926, стр. 129).

<sup>26</sup> Довольно близкими, видимо, по времени и конструкции, но существовавшими в иных общественно-исторических и природных условиях, будут и повозки «арбы» из кургана XXIX в Триалети и кургана, раскопанного Е. Лалаяном у Севанского озера в Армении. (Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, т. I. Тбилиси, 1941, стр. 95 и табл. CVII). Принадлежность глиняных «колесиков» из Балановского фатьяновского могильника «моделям» повозок мне представляется неустановленной. (О. Н. Бадер. Могильник в урочище Карабай близ д. Баланово и Чувашии. СА, VI, 1940, стр. 76, рис. 14 и рис. 21—5, 6). То же надо сказать и об известной находке Н. И. Веселовского в пятом Ульском кургане. Она, вероятно, изображает жилище, а не повозку (ОАК за 1909—10 гг., стр. 154, рис. 228).

жены в 1949 г. А. И. Тереножкиным в кургане «Сторожевая могила» близ Днепропетровска.

Погребение совершено в четырехугольной могильной яме с уступами по краям и бревенчатым накатом. Яма была впущена в материк через существовавшую уже насыпь. Костяк лежал на спине, ноги приподняты в согнутых коленях, голова обращена на СЗ. На костях — следы красной краски. С одной стороны уступа ямы лежали два колеса, на противоположной — другие деревянные части повозки, видимо остатки дышла и кузова. Колеса диаметром около 0,5 м, сплошные, из одного расколотого вдоль куска дерева, с вырезанными из его толщи выступающими ступицами и круглым отверстием для оси.

И основное погребение в «Сторожевой могиле» и оба впускных, при одном из которых найдены остатки «арбы», вполне типичны, как это и подчеркивает А. И. Тереножкин, для «древнеямных» погребений Поднепровья. Они датируются им началом II тысячелетия до н. э.<sup>27</sup>

В 1952 г. А. И. Тереножкиным были обнаружены пара колес и остатки других деревянных частей повозки (видимо, совершенно подобной найденной в «Сторожевой могиле») в «древнеямном» погребении одного из курганов у с. Аккермень, в районе Мелитополя. Колеса тоже сплошные, из одного куска дерева, с вырезанными в его толще массивными выступающими ступицами и круглым отверстием для оси. Они лежали, как и в «Сторожевой могиле», на уступах краев могильной ямы<sup>28</sup>.

В своих сообщениях о раскопках А. И. Тереножкин отмечал большую важность обнаруженных повозок для выяснения вопроса об уровне культуры племен эпохи ранней бронзы, однако особых изменений в привычных представлениях ни его находки, ни находки И. В. Синицына еще не вызвали.

Оценку культурно-исторического значения находки повозок в кургане у «Трех братьев», видимо, затруднила слишком завышенная датировка памятника «предскифским» временем. Повозки из несомненно ранних, «древнеямных» погребений «Сторожевой могилы» и кургана у с. Аккермень также еще не оценены в той степени, какой они безусловно заслуживают.

Оценка их осложнилась еще и тем, что в последние годы делались попытки называть племена, населявшие Причерноморские степи в эпоху ранней и средней бронзы, «пастушескими».

Конкретное содержание, вкладывавшееся в весьма неопределенный термин «пастушеские», при этом не раскрывалось. Оставалось неясным, подразумевается ли в нем возвращение к прежним взглядам на «пастушество» (скотоводство) как на период, сменивший в развитии хозяйства первобытного общества охоту и предшествовавший возникновению земледелия, или в нем скрыта какая-то новая, столь же смелая, сколь и необоснованная гипотеза о существовании в III тысячелетии «пастушеского» — «отгонного», т. е. кочевого, скотоводства? Можно было предполагать также и что «пастушество» — это какая-то еще ранее не известная для бронзы форма хозяйства, когда «пастушеское», придомное, скотоводство являлось единственной или господствующей его отраслью.

Неопределенным термином «пастушеские» покрывались такие, видимо, представления об уровне развития и профиле общественного производства, которые, не укладываясь в слишком тесные рамки прежнего канона, сами оставались еще весьма неясными. Не определяя ничего конкретно, он все-таки как бы подсказывал ничем не оправданную возможность кочевого скотоводства в эту раннюю эпоху.

<sup>27</sup> А. И. Тереножкин. Скифская днепровская правобережная экспедиция. КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 117, 118, рис. 41.

<sup>28</sup> А. И. Тереножкин. Раскопки курганов в долине реки Молочной в 1952 г. КСИИМК, 63, 1956, стр. 71 и рис. 28.

Находки двухколесных повозок-«арб» в курганах ранней бронзы дали повод лишний раз вспомнить и применить термин «пастушеские» для племен, населявших в это время степи Причерноморья, также, впрочем, не уточняя того, понимается ли под ним кочевой их образ жизни или что-то другое.

Не входя в рассмотрение вопроса о вероятности кочевого скотоводства в III и II тысячелетиях, следует все же отметить, что существование двухколесных повозок типа «арбы» отнюдь, конечно, еще не свидетельствует о кочевом, «пастушеском» хозяйстве и быте. Они известны, например, для древних оседлых земледельческих культур Передней Азии, Мохенджо-Даро<sup>29</sup> и Китая, где, так же как и в древних земледельческих областях Средней Азии, двухколесная «арба» сохраняется у оседлого земледельческого населения и до настоящего времени.

В этой связи особо интересна для вопроса об уровне развития культуры и установления производственного назначения колесных повозок в эпоху ранней бронзы недавняя находка глиняной (керамической) «модели» повозки в Будакаласском могильнике близ Будапешта.

Могильник датируется венгерскими археологами второй половиной III тысячелетия (2400—2000) и относится к так называемой печельской (баденской) энеолитической культуре, являющейся одним из дунайских вариантов культур ленточной керамики, родственным нашему Триполью.

«Модель» (ее высота 10 см) хорошо сохранилась, прекрасно, в деталях, воспроизводит четырехколесную повозку со сплошными, без спиц, колесами, высоким расширяющимся сверху четырехугольным кузовом и дышлом<sup>30</sup> (рис. 1).

Четырехколесные повозки, которые изображает «модель» из энеолитического Будакаласского могильника, как и двухколесные «арбы» древних земледельческих культур Китая, Синда и Средней Азии, пережиточно сохранялись в этнографических параллелях в некоторых дунайских областях чрезвычайно долго. Это, видимо, может дать интересный материал, чтобы судить о назначении и производственном использовании таких повозок в древности.

Так, например, в крестьянском хозяйстве Болгарии еще в середине прошлого столетия, и вероятно позже, аналогичной конструкции повозки с большим открытым, расширяющимся кверху кузовом и парой быков или буйволов в яре служили для перевозки сельскохозяйственных грузов. Такое использование их было настолько обычным и характерным, что основоположник современной болгарской живописи Н. Павлович изобразил в центре своей насыщенной национальными этнографическими мотивами картины «Гроздобер» наполненную виноградом повозку именно этого типа<sup>31</sup> (рис. 2).

Если бы не спицы в колесах, ее можно было бы принять за увеличенную копию будакаласской энеолитической «модели».

То, что, просуществовав несколько тысяч лет без существенных конструктивных изменений, подобные повозки применялись в этих целях в крестьянском земледельческом хозяйстве и в позднейшее время, указывает, что они целесообразны по своей конструкции и вполне соответ-

<sup>29</sup> G. Childe. The first Waggons and Carts from the Tigris to the severa. «Proc. of the Prehist. Soc.» for 1951, new series, т. XVII; ч. 2, стр. 177 сл., где собран обширный материал по вопросу о древнейших повозках в Передней Азии и Европе. Обнаружение колесных повозок в курганах «древнейшей» культуры III—начале II тысячелетий в Причерноморье и Нижнем Поволжье, а также в Будакаласском могильнике на Дунае, о котором см. ниже, несколько нарушает, однако, хронологическое построение Чайлда о последовательности их появления.

<sup>30</sup> S o r g o n i S á n d o r. A Budakalasz i kocsi. «Folia Archeologica», т. VI, Budapest, 1954, стр. 28—36. Французское резюме, стр. 198—199.

<sup>31</sup> Водач за Народних музей в София. София, 1923, стр. 298, рис. 146 (картина Николая Павловича «Гроздобер» — праздник сбора винограда).



ствуют производственному использованию. Очевидно, что и возникнуть и столь долго сохраниться эти повозки могли только в условиях земледельческого хозяйства.

Находки повозок, относящихся к энеолитической печельской культуре, синхронной, а также близкой и территориально и по природным условиям венгерской пушты, в которых она развивалась, к культурам энеолита и

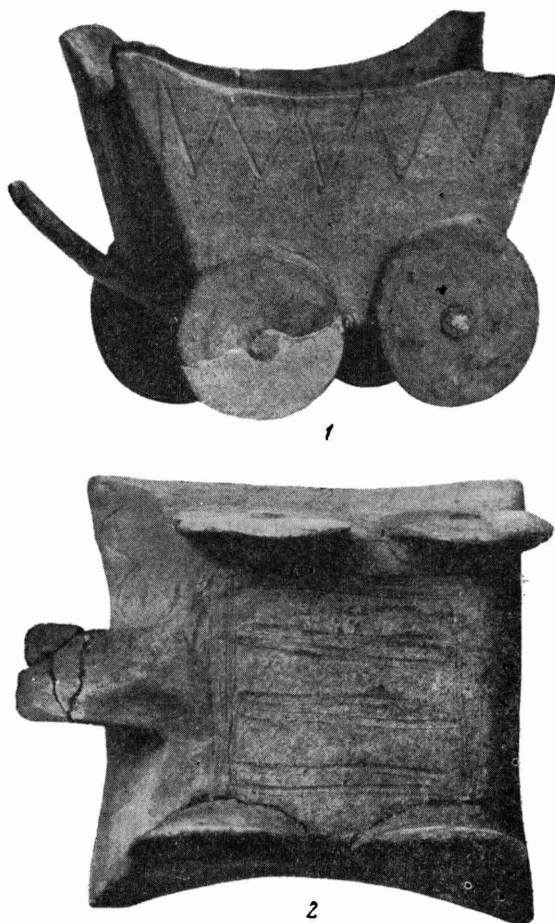


Рис. 1. Глиняная модель повозки из Будакаласского могильника (по фотографии национального музея в Будапеште).

1 — вид сбоку; 2 — вид снизу.

ранней бронзы нашего Юга, не могут не быть сопоставлены с находками повозок в кургане у «Трех братьев», в «Сторожевой могиле» и кургане у с. Аккермень.

Как и результаты раскопок Михайловского селища, все эти находки настоятельно требуют коренного пересмотра прежних представлений об уровне развития производительных сил и об основных отраслях хозяйства племен «древнеямной» и других культур энеолита и ранней бронзы в степях и лесостепи Восточной Европы, а возможно и Южной Сибири.

На основе новых материалов становится несомненным, что этот уровень был вовсе не таким низким и примитивным, как это обычно предполагалось. Достаточно хорошо и, вероятно, давно уже освоенной базой

общественного производства являлось земледелие в его сочетании с при- домным скотоводством<sup>32</sup>.

Оно было уже настолько развитым и продуктивным, что создавалась настоящая необходимость в транспортировке значительных сельскохозяйственных грузов. Существовала уже и техническая возможность применить для этого сложные, конструктивно довольно совершенные колесные повозки и тяговую силу быков в ярме.

У полуседлых, как предполагалось неолитических племен, стоявших на низшей ступени варварства, с их собирательским и охотничье-рыболовческим хозяйством, в котором будто бы только начали появляться первые домашние животные и которые потом стали «пастушескими», на самом деле были, оказывается, и обширные долговременные оседлые поселения, и земледелие, и разводились все основные виды домашних животных. В хозяйстве было на чем и на ком возить, известно, как возить, и главное — было что возить.

Нельзя, видимо, в связи с новыми материалами не поставить вновь вопроса и о возможности применения в эту эпоху тяловой силы быков в ярме для пахоты каким-то бороздящим землю деревянным пахотным орудием.

В обобщенной форме наши выводы подтверждают и хорошо известное, но не всегда последовательно применяемое положение, что суждения об уровне развития производительных сил, о технике, направлении и формах хозяйства на основе изучения одних лишь погребений могут привести к ошибочным заключениям.

Устройство могильного сооружения, погребальный обряд, сопутствующие инвентарь и пища обычно только в ограниченных пределах, в искусственно искаженном виде и почти всегда в более архаичных, давно уже ставших пережиточными, чертах, отражают действительное состояние и уровень культуры.



Рис. 2. Прорисовка повозки с картины болгарского художника Н. Павловича.

<sup>32</sup> Кроме всего остального, на этот тип скотоводства указывают находки костей свиньи на Михайловском селище. Свинья, как известно, в состав стада кочевников входить не может. (См. Е. Ф. Лагодовская. Указ. соч., стр. 119).

В. А. ИЛЬИНСКАЯ

## О ПРОИСХОЖДЕНИИ КУЛЬТУР РАННЕЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НА ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ СРЕДНЕГО ДНЕПРА

В скифское время в левобережной части Среднего<sup>4</sup> Поднепровья существовали три основные культуры раннежелезного века: на севере, в бассейне р. Десны, от Сосницы до Брянска, — юхновская, или деснинская культура, на остальной территории две крупные культурные группировки — ворсклинская и посульско-донецкая.

Поселения и курганы среднего течения р. Ворсклы очень близки по своей культуре памятникам, находящимся на территории к западу от Днепра, на Тясмине и в Поросье. Для ворсклинской и правобережной культур скифского типа характерна чернолощенная посуда: черпаки, кубки с округлым корпусом и цилиндрической шейкой, с резным геометрическим орнаментом, заполненным белой инкрустацией, а также миски и высокие горшки, украшенные под краем венчика сквозными проколами и наlepным валиком с зашипами.

М. Я. Рудинский высказал предположение о том, что появление скифских памятников на Ворскле связано с передвижением сюда каких-то групп населения из среднеднепровского Правобережья<sup>1</sup>. Это мнение получило подтверждение в результате новых исследований памятников ворсклинского бассейна, произведенных за последние годы Г. Т. Ковпаненко, которая пришла к следующим важным для нас выводам:

1. Памятники с лощенной керамикой появились на Ворскле в конце VIII или начале VII вв. до н. э. (поздняя пора чернолесского периода).

2. В VII, VI и, по-видимому, в V в. до н. э. памятники, расположенные на Ворскле, сохраняют культурную близость с обнаруженными на Правобережье.

3. Местной генетической основы для сложения этой культуры нет. В период поздней бронзы на Ворскле была распространена культура бондарихинского типа, отличающаяся от белогородовско-чернолесской, не связанная с ворсклинскими памятниками скифского типа<sup>2</sup>.

На остальной территории лесостепного Левобережья, в бассейнах рек Сулы, Псла, Сейма, Северного Донца, распространена культура скифского посульско-донецкого типа, отличающаяся от правобережной и ворсклинской. Разница между ними выступает в отдельных элементах погребального

<sup>1</sup> М. Я. Рудинський. Археологічні збірки Полтавського музею. Збірник I присвячений 35-річчю Музею. Полтава, 1928 р., стр. 48.

<sup>2</sup> Г. Т. Ковпаненко. Поселение поздней бронзы и раннего железа в окрестностях Ахтырки. Археологія XI, Київ, 1957.

обряда, некоторых особенностях материальной культуры и более всего — в своеобразии местной лепной керамики.

Наиболее распространенными формами посуды, относящейся к скифской культуре Левобережья, следует считать простые высокие горшки с корпусом, расширяющимся у пояса, реже у плечиков, суженной невысокой шейкой, мягко отогнутым венчиком (рис. 3—12, 15). В качестве орнамента наиболее обычен волнистый рельеф наружного края венчика, сделанный при помощи пальцевых вдавлений или отпечатков косо поставленной палочкой (рис. 3—13). Часто этот орнамент встречается вместе со сквозными проколами под венчиком. Иногда сосуды украшались только проколами (рис. 3—16), обычно же горшки не орнаментировались (рис. 3—14). Встречаются также открытые миски на высоких днищах с округло расширяющимися стенками, прямым и слегка загнутым внутрь венчиком (рис. 3—18), большие кувшинообразные сосуды с высокой шейкой, резко отогнутым венчиком, образующим как бы козырек, широким округлым туловом и небольшим высоким дном (рис. 3—17). К особому типу следует отнести горшки, имеющие носик для слива (рис. 3—11) и глубокие кружки с петельчатыми ручками. Выделка сосудов довольно грубая, особенно на Суле и Псле, где в глину примешивался грубо толченый шамот.

Варианты форм и орнаментации посуды для различных групп памятников Левобережья незначительны<sup>3</sup>. Типы керамики очень устойчивы, появление основных форм относится к ранней поре, начиная с VI в. до н. э. До настоящего времени не удается установить определенные признаки, на основании которых можно было бы отличать раннюю керамику от более поздней.

Своеобразны небольшие горшочки и мисочки очень простых форм и довольно грубой выделки (рис. 3—1—10), нередко встречающиеся при раскопках городищ, но чаще в могилах, куда ставились с пищей. Интересно отметить, что они не повторяют форм обычной кухонной посуды и редко бывают орнаментированы. Наиболее обычны сосуды баночного типа (рис. 3—2, 5, 6, 9) и горшочки со слабо отогнутым венчиком и слегка выпуклым туловом (рис. 3—3, 10); мисочки двух типов: в форме широких баночек с прямыми расширяющимися стенками (рис. 3—7) и в виде вазочек на высокой ножке (рис. 3—4). Небольшие горшочки и мисочки встречаются в ранних погребальных комплексах (VI, начало V вв. до н. э.) и в более поздних (V—IV вв. до н. э.). При всей своей простоте они составляют вполне определенную группу керамики Левобережья, не свойственную другим локальным группам скифской культуры в украинской лесостепи<sup>4</sup>.

Чернолощеные<sup>2</sup> сосуды не характерны для скифской культуры Левобережья, в том числе и для памятников, относящихся к VI—V вв. до н. э. Горшки с вадиковым налепом тоже очень редки. Несмотря на то, что встречаются в ранних памятниках Северного Донца, однако и здесь количество их по отношению к основной массе керамики очень невелико.

Глиняная посуда, распространенная на скифских памятниках Левобережья, существенно отличается от керамики, формы которой сложились в Правобережье и на Ворскле на основе культуры белогрудовско-чернолес-

<sup>3</sup> Б. А. Шрамко. Памятники скифского времени в бассейне Северного Донца. Автореф. диссертации, М., 1953; е го же. Новые поселения и жилища скифского времени в бассейне Северного Донца. КСИИМК, 54, 1954, стр. 105—114; В. А. Іллінська. Памятки скифського часу на Посуллі. «Археологія», т. IV, Київ, 1950, стр. 184 и сл.; е е же. Городище скифського часу на р. Сеймі. «Археологія», т. VIII, Київ, 1953, стр. 109 и сл.; е е же. Памятники скифского времени в бассейне р. Псла. СА, XXVII, 1957.

<sup>4</sup> В. А. Іллінська. Керамика скифських погребеній Посулья. Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954, стр. 168—185.

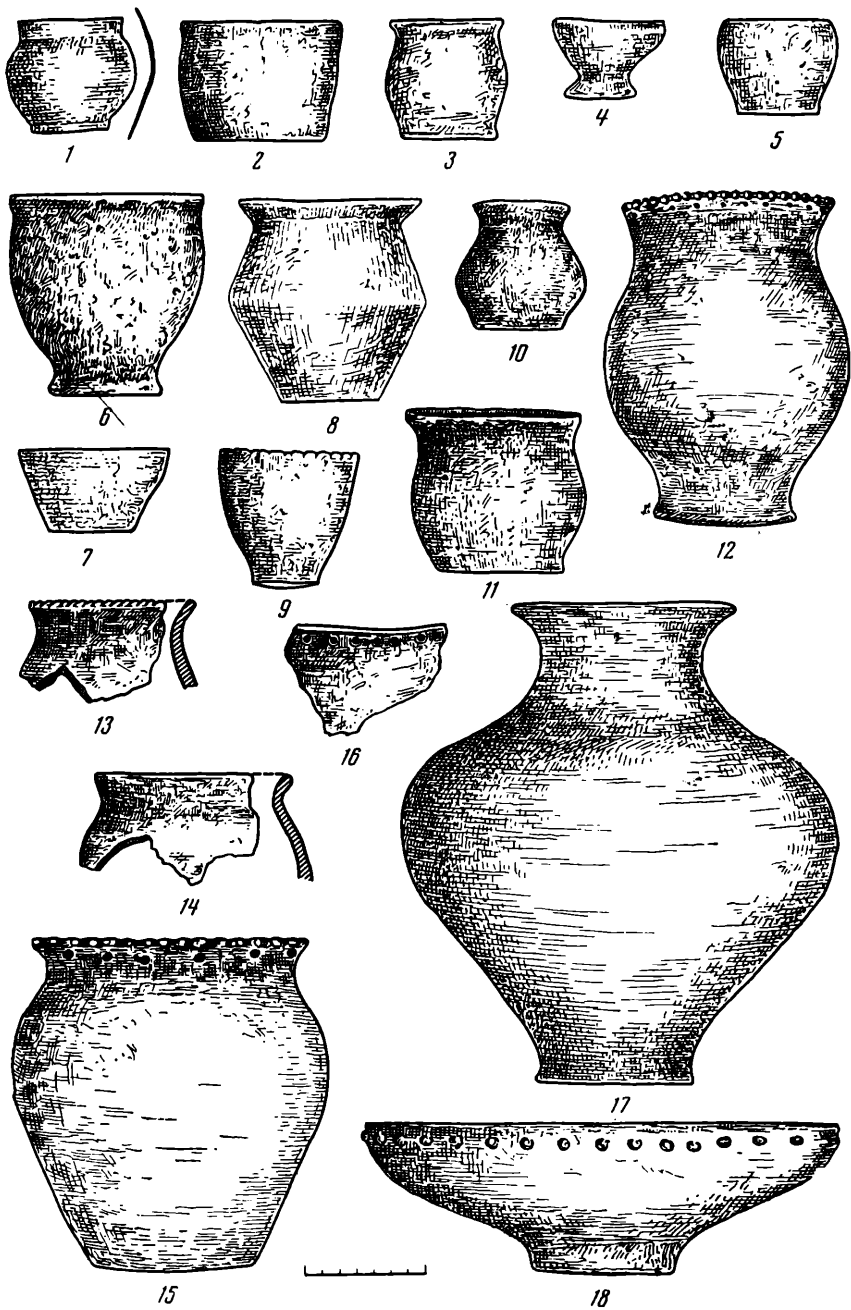


Рис. 3. Керамика посульско-донецкого типа лесостепного Левобережья (VI—IV вв. до н. э.).

1—10 — небольшие горшочки и мисочки из кургана № 9 у с. Волковцы; 11 — горшочек с воском для сала; 12 — горшок с Басовского городища на Суле; 13, 14—16 — обломки керамики с городища у с. Кышевка на Псла; 17 — кувшинообразный сосуд отсюда же; 15 — горшок из погребения в кургане у с. Коровинцы на р. Суле; 18 — миска из погребения в кургане № 3 у с. Поставмуки на Суле.

ского типа. Независимость происхождения скифской левобережной культуры от выше упомянутых групп определяется не только своеобразием керамики, но и наличием ряда других особенностей, не свойственных памятникам Правобережья и бассейна Ворсклы. Отметим обычай сопровождать погребения шумящими наверхиями со звериными изображениями, широкое распространение разнообразных резных изделий из кости, находки ножных браслетов особых типов<sup>5</sup> и своеобразных бронзовых булавок.

Совокупность имеющихся данных позволяет прийти к заключению, что культура лесостепного Левобережья по своему генезису не может быть связана с белогрудовско-чернолесской и что возникла она не в результате расселения на Сейме, Суле, Псле и Северном Донце населения с Правобережья и бассейна Ворсклы.

Выяснение путей формирования скифской культуры посульско-донецкого типа представляет большой интерес для понимания путей исторического развития и этнических связей племен левобережной лесостепи в эпоху раннего железа.

Для решения этих вопросов необходимо обратиться к местным памятникам бронзового века, пока еще мало изученным. Сейчас еще только выявляются основные типы культур, их хронология, взаимосвязи и ареал распространения. В результате работ, произведенных за последние годы, сотрудниками Института археологии АН УССР (Н. П. Амбургер, Д. Т. Березовцом, Е. В. Махно, С. С. Березанской, Д. Я. Телегиным, Г. Т. Ковпаненко и др.) собраны новые материалы о памятниках периода бронзы на этой территории. Открыты новые, ранее неизвестные культуры.

Не касаясь характеристики всех культур периода бронзы, известных в левобережной лесостепи, остановимся только на тех из них, для которых можно наметить определенный путь развития в период от эпохи бронзы до начала раннежелезного века, что представляет наибольший интерес для понимания истоков происхождения интересующих нас культур.

В 1929 г. у с. Марьяновки, Путивльского района Сумской области, на большой песчаной гряде, находящейся в долине р. Сейма, М. Я. Рудинским была открыта культура, которую автор назвал «неолитической» (в кавычках) и которую теперь принято называть марьяновской<sup>6</sup>. Разведка, произведенная в 1950 г. Н. П. Амбургер, существенно дополнила материалы Марьяновского поселения<sup>7</sup>. Несколько позднее поселения с культурой марьяновского типа исследованы у с. Волынцева в урочище «Городок»<sup>8</sup> и у с. Ивановки<sup>9</sup> на Сейме, в том же Путивльском районе.

Для керамики, относящейся к марьяновской культуре, типичны открытые горшки с вертикальными стенками, которые с середины высоты сужаются к маленькому плоскому дну (рис. 4—1). Имеются сосуды со слабо намеченной шейкой и слегка отогнутым венчиком (рис. 4—2). Цвет наружной стороны чаще всего коричневато-серый или желтый. Глина с примесью медкого песка, поверхность шероховатая, черепок тонкий. Сосуды от обреза венчика до самого дна сплошь покрыты горизонтальными поясами орнамента, состоящего из рядов параллельных косых отпечатков

<sup>5</sup> В. А. Ильинская. Курганы скифского времени в бассейне р. Сулы (по раскопкам И. А. Линниченко). КСИИМК, 54, 1954.

<sup>6</sup> М. Рудинський. Мар'яновська стація. «Антропологія», т. III, Київ, 1930, стр. 179 сл.; Я. Морачевський. Кераміка Мар'яновської стації. Там же, стр. 191 сл.

<sup>7</sup> Н. П. Амбургер. Нові дані про пам'ятки доби бронзи на Сеймі. «Археологічні пам'ятки УРСР», т. VI, Київ, 1956.

<sup>8</sup> С. С. Березанська. Исследования поселений эпохи бронзы и раннего железа на Сейме. КСИА, вып. 4, Киев, 1955, стр. 111; е е же. Отчет о работе Левобережной Сейминской экспедиции 1953 г. Архив Ин-та археологии АН УССР.

<sup>9</sup> Д. Я. Телегин. Отчет о работе неолитического отряда Левобережной Сейминской экспедиции. Архив Ин-та археологии АН УССР.

зубчатого штампа, сделанного при помощи веревочки, обвитой вокруг стерженька (рис. 4—1—4). На большинстве сосудов пояса такого орнамента чередуются с горизонтальными рядами ямок небольшого диаметра, сделанных круглой палочкой. С обратной стороны местам наколов соответствуют выпуклины.

Оттиски верхнего и нижнего рядов расположены обычно под углом друг к другу, «в елочку», но иногда они параллельны. В некоторых случаях ряды отпечатков зубчатого штампа составлены из горизонтально или вертикально расположенных отрезков. Варианты орнамента зависят от длины и толщины стерженька, использованного в качестве основы для штампа, толщины перевитой нити, густоты витков, степени глубины и частоты расположения оттисков.

Верхний край венчика обычно украшался косыми отпечатками такого же штампа.

Рассматривая материалы Марьяновского поселения, М. Я. Рудинский пришел к заключению, что несмотря на архаический, «неолитоидный» облик и несомненные пережитки неолитических традиций в форме и орнаментации керамики, памятники марьяновского типа датируются уже периодом бронзы. На это указывает плоскодонность горшков, наметившееся сужение шейки и отгиб венчика. На неолитических поселениях Сейма и Десны, где встречаются кремневые изделия неолитических типов, отсутствует керамика, встречающаяся в Марьяновском поселении. С другой стороны, на памятниках, относящихся к марьяновской культуре, неолитические орудия не обнаружены<sup>10</sup>.

Точку зрения С. Я. Рудинского и Я. Морачевского разделяет А. Я. Брюсов. «Стоянка эта, — пишет он, — относится уже к эпохе бронзы, но собранная на ней керамика, как справедливо отмечают оба автора, обладает определенными особыми чертами, развивающимися на базе более древней керамики неолитической эпохи. Это преимущественно керамика со шнуровой орнаментацией, сохраняющая в покрытии узором всего сосуда до самого дна и в строгой зональности орнамента традиции более древнего времени»<sup>11</sup>.

По мнению Д. Я. Телегина, марьяновская культура, по-видимому, генетически связана с неолитическими культурами (с ямочно-гребенчатой керамикой) Сейма и Десны<sup>12</sup>. Конец неолита на этой территории падает на последние века III—начало II тысячелетия до н. э.<sup>13</sup>, следовательно марьяновскую культуру можно предварительно датировать первой половиной II тысячелетия до н. э., что для более южных широт соответствует периоду среднего бронзового века.

В 1953 г. у с. Малые Будки Недригайловского района Сумской области, в бассейне р. Сулы, открыто поселение, керамика которого во многом напоминает марьяновскую, но в то же время отличается от нее рядом особенностей<sup>14</sup>. Руководствуясь типологией форм и орнаментации керамики, мы относим это поселение к следующей хронологической ступени развития марьяновской культуры. Селища с подобной керамикой обнаружены у с. Алексеевка на Сейме, неподалеку от Марьяновки<sup>15</sup>, и на Северном Донце, около с. Студенок Шуровского района Сталинской области

<sup>10</sup> М. Рудинський. Мар'яновська статія...

<sup>11</sup> А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 211.

<sup>12</sup> Д. Я. Телегін. Неолітичні пам'ятки лісостепового Лівобережжя Полісся України. «Вісник Академії наук УРСР», 1954, № 8, стр. 66.

<sup>13</sup> Д. Я. Телегін. Неолитические памятники на Среднем Донце. Автореф. диссертации. Киев, 1953 г.

<sup>14</sup> В. А. Ильинская. К вопросу о происхождении культур раннежелезного века на территории лесостепного Левобережья. КСИА, вып. 4, Киев, 1955.

<sup>15</sup> Н. П. Амбургер. Указ. соч.

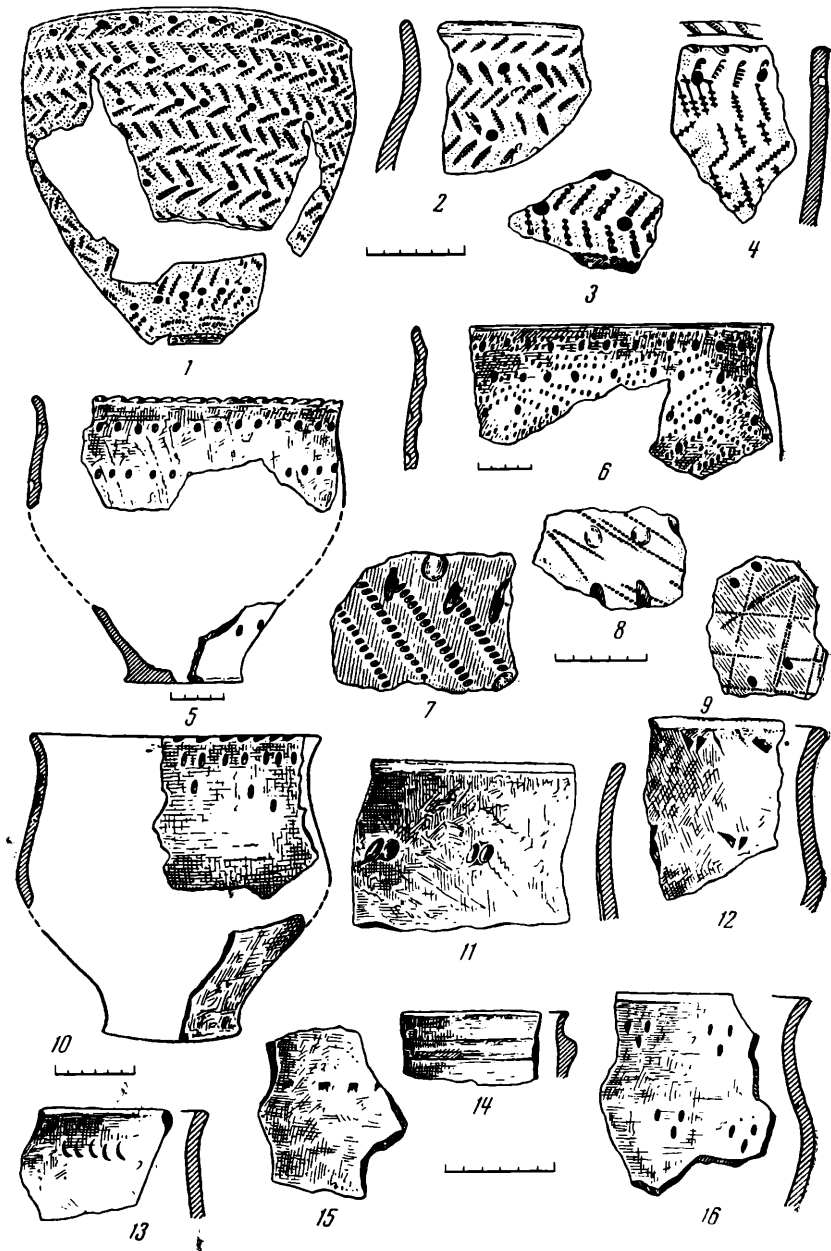


Рис. 4. Керамика марьяновского, малобудковского и бондарихинского типа.

1—4—марьяновского типа (1—с поселения у с. Волинцева, уроч. Городок. 2—4—с поселения у с. Марьяновки); 5—9—малобудковского типа (поселение у с. Малые Булки на Суле); 10—16—бондарихинского типа (поселение в уроч. Бондариха у г. Изюм).



(пункты Студенок 2 и 5)<sup>16</sup>. Некоторое количество обломков такой же посуды обнаружено в насыпях второго и третьего курганов у с. Черемушны Валковского района Харьковской области, куда они попали, по-видимому, из культурного слоя находившегося где-то вблизи поселения<sup>17</sup>.

Таким образом, удается установить, что памятники типа поселения у с. Малые Будки были распространены на всей территории Левобережья от Сейма до Северного Донца.

К основным видам посуды, характерной для этих памятников, следует отнести открытые горшки с днищем небольшого диаметра, корпусом, расширяющимся примерно на половине высоты сосуда, прямыми стенками, слабо намеченной шейкой и отогнутым венчиком с плоским или слегка скругленным краем (рис. 4—5). По формам сосуды напоминают марьяновские, но отличаются от них более крупными размерами, четкостью профилировки. Днище более высокое, с выступающей закраиной, стенки толще, к глине примешан более крупный песок. На поверхности заметны штрихи от заглаживания. Цвет посуды чаще всего коричневато-серый или рыжеватый. Сосуды сплошь покрыты орнаментом. Основным элементом его являются овальные ямки, сделанные концом круглой, косо поставленной палочки; реже орнамент наносился плоской лопаточкой или щепочкой, дающей прямоугольные и треугольные отпечатки.

Ямочки чаще всего располагались на тулове сосуда горизонтальными рядами, начиная с шейки (рис. 4—5). В других случаях они наносились по всему корпусу без определенного порядка. Местам вдавлений на противоположной стороне соответствуют овальные выпуклины. Часто ямочный орнамент являлся единственным украшением, в других случаях он встречается в комбинации с оттисками гребенчатого штампа, заполняющего пространство между ямками (рис. 4—6—9). В расположении гребенчатых оттисков не наблюдается строгой определенности.

На сосудах с поселения у с. Алексеевка гребенчатые отпечатки сделаны при помощи довольно толстого шнура, перевитого на стержне. На посуде, собранной у с. Малые Будки, наряду с отпечатками перевитой веревочки встречаются оттиски штампа с твердыми зубцами и мелкозубчатый чекан (рис. 4—8, 9). На поселениях Студенок 2 и Студенок 5 посуда украшена только отпечатками гребня с широкими твердыми зубцами. С применением штампа с твердыми зубцами появляется также орнамент в виде сплошной заштриховки поверхности рядами параллельных углубленных полос, отчего наружная сторона становится как бы рифленой (рис. 4—7).

Культурная близость малобудковских и марьяновских памятников не вызывает сомнений. Общими для керамики тех и других является форма сосудов, сплошное покрытие поверхности орнаментом, состоящим в основном из ямочных и гребенчатых оттисков.

Дальнейшее развитие сказалось в выработке более четкой профилировки и нарушении строгой зональности расположения орнамента. Для марьяновской керамики преобладающим элементом орнамента были зубчатые отпечатки; в малобудковской они второстепенны, а главное место занимает ямочный узор. Изменяется форма ямок и их размер. Появляются отпечатки косо поставленной плоской палочки. Вместо оттисков перевитой веревочки распространяются отпечатки штампа с твердыми зубцами, появляется сплошная гребенчатая заштриховка поверхности сосудов. Эти новые приемы орнаментации свойственны более поздней поре бронзового века.

Керамика типа малобудковской находит параллели в памятниках Верхней Волги, относящихся к периоду перехода от неолитической культуры

<sup>16</sup> Д. Я. Телегин. Дослідження поселень епохи бронзи на Дінці. «Археологічні пам'ятки УРСР», т. VI, Київ, 1956.

<sup>17</sup> П. Д. Либеров. Курганы у села Черемушны. КСИИМК, 63, 1956.

с ямочно-гребенчатой керамикой к раннедьяковской (конец II тысячелетия до н. э.). По мнению П. Н. Третьякова, в этот период наряду с сохраняющимися еще круглодонными сосудами преобладающей формой становятся плоскодонные цилиндрические горшки с расширяющимися кверху стенками, слегка суженной шейкой и слегка отогнутым наружу венчиком<sup>18</sup>. В орнаментации преобладают овальные или угловатые ямки, сделанные концом косо поставленной палочки, между которыми размещены оттиски гребенчатого штампа; встречаются черепки с заштрихованной поверхностью.

Не менее интересно некоторое сходство сосудов малобудковского типа по форме и орнаментации с керамикой позднего этапа каргопольской культуры (первая половина I тысячелетия до н. э.), развивавшейся на основе одной из северных групп памятников неолитической культуры с ямочно-гребенчатой керамикой<sup>19</sup>.

Следующая ступень развития этих связанных преемственностью культур представлена поселением в урочище Бондариха у г. Изюм на Северном Донце<sup>20</sup>. В настоящее время памятники этого типа известны также под Харьковом<sup>21</sup>, по течению р. Оскол<sup>22</sup>, на Ворскле и в окрестностях Грайворона<sup>23</sup>, у с. Кириковки, у хут. Марки<sup>24</sup>. Поселение, относящееся, по видимому, к наиболее позднему этапу этой культуры исследовано в 1955 г. Г. Т. Ковпаненко у с. Хухры<sup>25</sup>. На Суле керамика бондарихинского типа найдена Е. В. Махно при раскопках поселения у с. Беседовка.

Время поселения в урочище Бондариха определяется началом I тысячелетия до н. э. по находкам кремневых вкладышей для серпов белогрудовского типа, а также костяных изделий (скобели, тупики, костяные пряслица), типичных для поселений позднесрубной культуры в Приазовье и северном Причерноморье. При раскопках, произведенных на поселении Д. Я. Телегиным в 1951 г., обнаружено несколько обломков каменных литейных форм и одна половина формы для отливки шестигранных двушковых кельтов. Интересно четырехгранное железное шильце, точно повторяющее форму бронзовых шильев конца бронзового века. Эта находка свидетельствует о том, что собранные материалы относятся к периоду переходному от эпохи бронзы к раннежелезному веку.

Изучение состава керамики показало, что бондарихинское поселение принадлежит к особому варианту культуры позднего бронзового века, отличающемуся как от срубной культуры Северного Донца и степного юга, так и от белогрудовско-чернолесской, распространенной на Правобережье.

Среди посуды бондарихинского типа преобладают высокие открытые горшки со стенками, расширяющимися от небольшого в диаметре плоского дна к поясу (рис. 4—10), реже — к плечу. Верхняя часть сосудов слабо профилирована, шейка и венчик слабо намечены. Стенки довольно тонкие, особенно в верхней части. Черепок плотный, крепкий; в глине —

<sup>18</sup> П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья. МИА, № 5, 1941, стр. 17—18, рис. 3.

<sup>19</sup> М. Е. Фосс. Древнейшая история племен севера Европейской части СССР. МИА, № 29, 1952, стр. 91—99, рис. 43—46.

<sup>20</sup> Д. Я. Телегин. Дослідження поселень епохи бронзи на Дінці. «Археологічні пам'ятки УРСР», т. VI, Київ, 1956; В. А. Ильинская. К вопросу о происхождении культуры.

<sup>21</sup> Поселения у сс. Шмаровка и Данилова Балка, разведки и раскопки Б. А. Шрамко. Материал частично опубликован. См. Б. А. Шрамко. Новые поселения и жилища скифского времени в бассейне Северного Донца. КСИИМК, вып. 54, 1954, стр. 114.

<sup>22</sup> Разведки Д. Я. Телегина и П. Д. Либерова по Осколу в 1955 г.

<sup>23</sup> Разведка С. Н. Одинцовой. Материал хранится в Институте археологии АН УССР.

<sup>24</sup> Разведка В. А. Товкачевского. Материал хранится в Институте археологии УССР.

<sup>25</sup> Г. Т. Ковпаненко. Поселение поздней бронзы и раннего железа.

примесь песка. Цвет наружной поверхности чаще всего темный или коричневатый. Поверхность слегка шероховатая, со следами заглаживания. Встречаются черепки с подлощенной поверхностью.

Наиболее обычен орнамент из неглубоких вдавлений, сделанных концом круглой палочки или плоской щепочки, поставленной под углом. Полученные таким образом отпечатки в виде овала, кружка, прямоугольника, зубчика и др. различны по величине. Орнамент чаще всего располагается по шейке или тулову сосуда одним или несколькими горизонтальными рядами. Из этих же элементов орнамента составляются треугольники, обращенные острым концом вниз, опускающиеся от шейки сосудов. Встречается узор в виде опрокинутого на бок знака «8» или «бантика» (рис. 4 — 11), сделанного при помощи щипка двумя пальцами, серповидные ногтевые оттиски (рис. 4 — 13), уголки в виде «птичек» из соединенных под углом прочерченных линий. Верхний обрез края венчика украшался косыми насечками, ямками, отпечатками круглой палочки или щепочки. Найдено несколько обломков, украшенных под венчиком наклепным валиком, гладким (рис. 4 — 14) или расчлененным пальцевыми защипами, — орнамент, характерный для широкого круга культур конца бронзового века Восточной Европы. Встречаются неорнаментированные сосуды.

Для памятников типа бондарихинских и малобудковских характерны близость основных форм сосудов (хотя в целом бондарихинская керамика более разнообразна), сходство состава глиняного теста и наружной отделки посуды. Для той и другой обычным приемом орнаментации являются ямки, сделанные концом круглой или плоской косо поставленной палочки, расположенные горизонтальными рядами, а в отдельных случаях беспорядочно разбросанные по поверхности сосуда. Однако в орнаментации керамики, типа найденной у Бондарихи, исчезает зубчатый штамп и гребенчатая штриховка. Узоры не покрывают всей поверхности сосудов, формы штампа становятся более разнообразными. Появляются новые элементы орнамента и иные композиции узоров.

Более точное определение времени поселения в Бондарихе помогает установить относительную хронологию памятников малобудковского типа, представляющих собой как бы промежуточное звено между марьяновским и бондарихинским культурными этапами. Вероятная датировка памятников малобудковского типа — вторая половина, может быть последняя четверть II тысячелетия до н. э.

Дальнейшая эволюция форм керамики периода поздней бронзы, представленных в левобережной лесостепи сосудами бондарихинского типа, определеннее всего прослеживается в керамике юхновских городищ раннежелезного века на Десне.

Для юхновской культуры характерны большие открытые горшки удлиненных пропорций, с широкой горловиной, узким дном, прямыми или слегка выпуклыми стенками, слабо намеченным сужением шейки у отгиба венчика, имеющего плоско срезанный или округленный край. Глина с примесью мелкого песка, цвет темный, серый или коричневатый. Стенки сосудов шероховатые, часто со следами заглаживания. Черепок плотный, довольно тонкий<sup>26</sup>.

Наиболее обычен орнамент в виде ямок, сделанных концом косо поставленной круглой палочки, плоской лопаточки или простой щепочки неправильной формы. Ямки расположены горизонтальной полосой по шейке сосуда; иногда они образуют равнобедренные треугольники, обращенные

<sup>26</sup> Н. В. Трубникова. К вопросу о юхновском городище. «Труды ГИМ», VIII, М., 1938, стр. 123—128; М. В. Воеводский. Городища Верхней Десны. КСИИМК, XXIV, 1949, стр. 67 и др.; Е. И. Горюнова. Городище Торфель. КСИИМК, XXXI, 1950, стр. 148—156; П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 86—91.

вершиной вниз. Верхний край венчика бывает украшен отпечатками такого же штампа, каким наносился орнамент на шейке, или косыми насечками.

Исключительная близость керамики бондарихинского типа периода поздней бронзы и юхновской эпохи раннего железа, служит указанием на то, что эти культуры генетически связаны между собой и что между ними существовала преемственность.

Исследователи, изучавшие юхновскую культуру, отмечают черты определенного сходства между нею и культурой ранних городищ верхнего течения Оки и Волги. П. Н. Третьяков указывает, что керамика деснинского типа встречается на верхневолжских городищах дьяковской культуры у с. Городок и у с. Городище<sup>27</sup> Т. Н. Никольская, исследовавшая группу городищ в верховьях Оки, у деревень Свиногово<sup>28</sup>, Жилино, Надежда<sup>29</sup>, приходит к заключению, что эти поселения, так же как и городище у деревни Гремячей<sup>30</sup>, по формам и орнаментации керамики очень близки юхновским городищам Десны.

На юхновских городищах встречаются глиняные грузики дьяковского типа, характерные лячки<sup>31</sup>, рогатые кирпичи<sup>32</sup>, подобные найденным на раннедьяковских городищах. При этом, однако, следует отметить, что характерная для городищ Волги и Оки сетчатая керамика с отпечатками ткани встречается на юхновских памятниках очень редко.

Выше мы пытались наметить путь сложения юхновской культуры на протяжении предшествующего периода поздней и средней бронзы, привлекая памятники бондарихинского, малобудковского и марьяновского этапов.

Намечаемая линия генезиса юхновской культуры противоречит высказанному П. Н. Третьяковым мнению относительно древне-славянской принадлежности юхновских племен<sup>33</sup>. Сложение этой культуры, в той мере, в какой это удастся проследить, весьма своеобразно и не имеет ничего общего с линией развития культур периода средней и поздней бронзы на территории к западу от Днепра, в Польше и Чехии, древнее славянство которых наиболее вероятно (культуры: комаровская, тшинецкая, лужицкая, белогрудовско-чернолесская).

С другой стороны, вероятная связь поселений марьяновского типа с неолитической культурой, для которой характерна ямочно-гребенчатая керамика, так же как и известный параллелизм малобудковских, бондарихинских и юхновских памятников с культурами Верхней Волги и Оки, развивавшимися в конце II—начале I тысячелетия до н. э., указывает на определенную культурную, а весьма вероятно и этническую близость племен — носителей юхновской культуры с финно-угорскими племенами Волго-Окского бассейна, создавшими в период раннего железа городища дьяковского типа. Очевидно, население марьяновских и малобудковских поселений довольно рано отделилось от основного ядра племен неолитического времени

<sup>27</sup> П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 90; его же. К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э. МИА, № 5, 1941, стр. 22—27, 101—107.

<sup>28</sup> Т. Н. Никольская. Городище у деревни Свиногово. КСИИМК, XLIX, 1953, стр. 86—96; ее же. Археологические исследования в Орловской области. КСИИМК, 53, стр. 101, 195 и др.

<sup>29</sup> Н. И. Булычев. Журнал раскопок 1898 г. по берегам Оки. М., 1899, стр. 13.

<sup>30</sup> Е. И. Горюнова. Городище Торфель. КСИИМК, вып. XXXI, 1950, стр. 152.

<sup>31</sup> Е. И. Горюнова. Там же, стр. 155; Н. В. Трубинова. Указ. соч., стр. 123—128; М. В. Воеводский. Городища верхней Десны. КСИИМК, XXIV, стр. 67.

<sup>32</sup> В. А. Городцов. Старшее Каширское городище. Изв. ГАИМК, вып. 85, М.—Л., 1933, стр. 11.

<sup>33</sup> П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, стр. 83 и сл.; его же. Вопросы происхождения славян в свете трудов И. В. Сталина. Тезисы докладов VI научной конфер. Ин-та археол. АН УССР. Киев, 1951, стр. 29 и сл.

(носителей культуры ямочно-гребенчатой керамики) и пришло в соприкосновение со многими другими племенами периода поздней и средней бронзы, обитавшими в левобережной лесостепи и по соседству. При этом, однако, они сохранили своеобразие, определенную устойчивость культуры и последовательность в развитии от одной ступени к другой.

В начале раннежелезного века в левобережной лесостепи, очевидно, произошла перегруппировка культур. В конце VIII—начале VII в. до н. э. племена — носители чернолесской культуры проникают из области Правобережья на Среднюю Ворсклу, а вскоре после этого по всей остальной

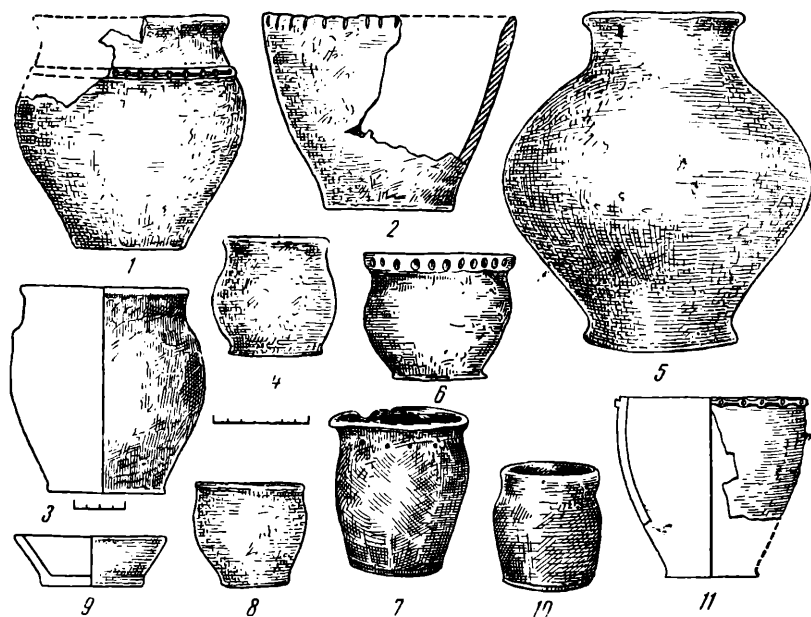


Рис. 5. Позднесрубная керамика.

1 — из погребения 1, курган № 5 у с. Первомаевка, Нижний Днепр; 2, 6 — на позднесрубных погребениях в кургане № 1, 1953 г., у с. Марьяновского, Нижний Днепр; 3 — из поселения поздней бронзы у с. Нижний Рогачик; 4 — из поселения поздней бронзы у с. Бабино (пункт IV), Нижний Днепр; 5 — кувшинообразный сосуд из позднесрубного погребения 1, курган № 17 у совхоза Аккермень; 7 — горшочек со сливом из погребения 5, курган № 19 у совхоза Аккермень; 8 — из погребения в кургане № 2 на реке Юшанлы у совхоза Аккермень; 10 — из погребения 6, курган № 7, у совхоза Аккермень; 9, 11 — из поселения поздней бронзы у с. Мерефа.

территории распространяется скифская культура посульско-донецкого типа. С появлением скифских памятников здесь прекращается существование местной доскифской линии развития.

Скифская культура Левобережья генетически не связана с местными памятниками времени поздней бронзы. В составе керамики поселений бондарихинского типа отсутствуют прототипы тех форм сосудов, которые получили распространение в памятниках скифского времени, — горшков определенного профиля, кувшинов, мисок и др. Различна манера украшения и размещения орнамента, различны состав глиняного теста и фактура черепка.

Появление скифских памятников посульско-донецкого типа на Левобережье относится ко времени не ранее начала VI в. до н. э. Скифская культура здесь выступает сразу в готовых, издавна сложившихся формах. Для нее характерны типичные предметы вооружения, конского снаряжения, изделия в зверином стиле, всевозможные предметы обихода из кости и металла и своеобразная скифская керамика, новая для этой территории,

не связанная с местной доскифской керамикой. Памятники более раннего периода, которые составляли бы промежуточное, переходное звено между местными памятниками поздней бронзы и скифской культуры, здесь не известны.

Все это свидетельствует о том, что распространение скифских памятников на территории левобережной лесостепи, вероятнее всего, было обусловлено проникновением сюда в начале VI в. до н. э. каких-то новых групп населения. По-видимому, в результате продвижения этих воинственных, хорошо вооруженных племен местное население оказалось вытесненным в Полесье, на Десну, где этой группой населения были созданы городища, относимые нами к юхновской культуре.

Откуда могли прийти племена — носители культуры посульско-донецкого типа и каковы истоки, каково происхождение этой культуры? Мы уже отмечали, что она (судя по керамике) не может быть связана генетически ни с белогрудовско-чернолесскими памятниками Правобережья, ни с местными памятниками типа поселения у Бондарихи поздне-бронзового века.

Исследуя срубную культуру юга Европейской части СССР, О. А. Кривцова-Гракова установила, что в начале I тысячелетия до н. э. происходит заметное изменение основных форм свойственной этой культуре керамики. Баночные и острореберные сосуды постепенно видоизменяются и вырабатываются формы, ставшие впоследствии характерными для скифской степной керамики<sup>34</sup>. На основании этого наблюдения О. А. Гракова и другие исследователи пришли к заключению, что скифская степная культура сложилась на основе поздне-срубной, распространенной в Нижнем Поволжье и Северном Причерноморье<sup>35</sup>. Новые исследования могил и поздне-срубных поселений в степной полосе УССР подтверждают правильность выводов О. А. Кривцовой-Граковой и значительно расширяют представление о переходных формах поздне-срубной керамики, постепенно преобразующейся в скифскую.

В начале I тысячелетия до н. э. на поселениях и в могилах поздне-срубного типа появляются высокие горшки с округлыми плечиками, суженной шейкой, мягко отогнутым венчиком и небольшим высоким днищем с выступающей закраиной. Распространен невысокий валик-налеп на шейке под венчиком или на месте перехода шейки в плечики. В более раннее время валик обычно делался гладкий, позже — расчлененный косыми насечками или пальцевыми нажимами (рис. 5 — 1). Сужение шейки и увеличение выпуклости плечика приводит к появлению узкогорлых, кувшинообразных сосудов (рис. 5 — 5). Горшки баночного типа становятся более разнообразными по профилировке. Среди них могут быть выделены сосуды с прямыми стенками, расширяющимися от днища к венчику (рис. 5 — 2), и сосуды с намечающейся округлостью плеча и отгибом венчика (рис. 5 — 3, 4). Встречаются горшки со слегка суженным верхним краем и горшки с выделенным плечом и вертикально направленным венчиком (рис. 5 — 10). В орнаментации их обычны пальцево-ногтевые отпечатки (рис. 5 — 6), косяя насечка по наружному краю венчика (рис. 5 — 2), налепные валики, гладкие или разделенные пальцевыми вдавлениями (рис. 5 — 11). Характерную группу керамики составляют низкие открытые, с прямыми расширяющимися стенками миски (рис. 5 — 9) и глубокие мисочки с округлыми стенками и небольшим отгибом венчика. При раскопках поздне-срубных

<sup>34</sup> О. А. Кривцова-Гракова, Алексеевское поселение и могильник. «Труды ГИМ», XVII, М., 1948, стр. 153; ее же. Поселение бронзового века на Белозерском лимане. КСИИМК, XXVI, 1949, стр. 76; ее же. Степное Поволжье в Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1955.

<sup>35</sup> О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч.; А. И. Тереножкин. Памятники предскифского периода на Украине. КСИИМК, XLVII, 1952, стр. 3—14; Т. Б. Попова. Этапы развития и локальные варианты катакомбной культуры. СА, XXII, 1955, стр. 21 и сл.

погребений на р. Молочной у совхоза Аккермень найдены горшочки с носиком для слива (рис. 5—7).

Как показали исследования И. Ф. Левицкого на поселении у с. Мерефа под Харьковом, такая же эволюция форм сосудов происходит и на памятниках срубной культуры в бассейне Северного Донца. Изучая материалы Мерефянского поселения, относящиеся к срубному, позднесрубному и скифскому типам культур, И. Ф. Левицкий пришел к заключению, что основные формы срубной керамики постепенно перерастают в местные скифские. Промежуточное звено составляют памятники позднесрубного, или, как называет автор, киммерийского времени (IX—VIII вв. до н. э.). «Оригинальность форм керамики, их непосредственная связь с исходными формами срубного времени и с последующей скифской стадией, вполне очевидны», — пишет он<sup>36</sup>.

Сравнение скифской керамики посульско-донецкого типа с позднесрубной подтверждает правильность такого заключения. Особенно близки часто встречающиеся в скифских памятниках Левобережья небольшие горшки и мисочки (рис. 3—1—10). Многие из них по существу не отличимы от сосудов, известных в срубных поселениях и в погребениях в насыпи и на горизонте. К их числу относятся баночные горшки с прямыми стенками и широким днищем (рис. 3—2), со стенками, расширяющимися от дна к верхнему краю (рис. 3—9), горшочки со слегка суженным верхним краем (рис. 3—5) и с выпуклым плечом и цилиндрическим венчиком (рис. 3—1). Не менее близки к позднесрубным небольшие открытые мисочки с прямыми расширяющимися стенками (рис. 3—7) и горшочки с округло выпуклым туловом, суженной шейкой, отогнутым наружу венчиком (рис. 3—3, 6). Некоторые из горшков сохраняют угловатые очертания острореберных сосудов (рис. 3—8). Интересно отметить, что эти типы керамики, сохранившие сильные пережиточные черты, особенно часто использовались в качестве ритуальной посуды при погребениях.

Высокие кувшинообразные сосуды (рис. 3—17) близки подобным же позднесрубным сосудам с суженной шейкой, широким округлым туловом и высоким днищем небольшого диаметра (рис. 5—5). В позднесрубное время встречаются также горшочки с носиками для слива, столь обычные для скифских памятников Левобережья (рис. 3—11; рис. 5—7).

С позднесрубной посудой связывается также наиболее распространенная форма простых кухонных горшков с корпусом, расширяющимся у наибольшего диаметра или у плечиков, суженной шейкой и отогнутым венчиком (рис. 3—12, 15; рис. 5—1).

Кувшины и простые горшки, неорнаментированные или же украшенные волнистым рельефом по краю венчика, близки сосудам, найденным в степных скифских курганах, у с. Кут на Каменском городище, на поселении у с. Нижний Рогачик. По мнению Б. Н. Гракова, эти типы скифской посуды восходят к соответствующим формам позднесрубной керамики<sup>37</sup>.

Отличительной чертой скифской керамики посульско-донецкого типа является сравнительно раннее исчезновение валиковых налепов в орнаментации горшков и широкое распространение сквозных проколов. Причины этого пока еще недостаточно ясны. Можно предположить, что орнамент в виде сквозных проколов распространился здесь в результате культурных взаимосвязей с племенами Правобережья и Ворсклы.

Приведенные сравнения и аналогии не исчерпывают, конечно, всего многообразия форм и особенностей орнаментации керамики скифского лево-

<sup>36</sup> И. Ф. Левицкий. Мерефянское поселение. Рукопись, стр. 64. Архив Ин-та археологии АН УССР.

<sup>37</sup> Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА. № 36, 1954, стр. 71, табл. III, рис. 1, 2, 4, 5, табл. IV, рис. 1—4.

бережного типа. Специальный анализ позволяет установить наличие и иных влияний и культурных заимствований. Однако в основных, наиболее распространенных формах посуды видна близость ее с керамикой позднерубного типа. Эти данные позволяют нам высказать предположение о том, что скифская культура лесостепного Левобережья генетически связана с позднерубной культурой бронзового века степного юга и Северного Донца, то есть с той же культурой, на основе которой, как предполагают многие исследователи, произошло сложение культуры собственно скифских племен.

Представляется вероятным, что в период раннего железа в бассейне рек Сулы, Псла, Северного Донца обитали племена, родственные в этническом отношении степным кочевым скифам, передвинувшиеся вглубь Лесостепи из более южных и юго-восточных районов степной полосы в конце VI в. до н. э.

---



О. Н. МЕЛЬНИКОВСКАЯ

ДРЕВНЕЙШИЕ ГОРОДИЩА ЮЖНОЙ БЕЛОРУССИИ<sup>1</sup>

Археологические памятники I тысячелетия до н. э. на территории Южной Белоруссии до последнего времени были изучены крайне слабо. До Октябрьской революции работы на этих памятниках не производились. В результате небольших разведок, проведенных археологами БССР в двадцатых и тридцатых годах, было отмечено, что южно-белорусские городища в поречье Днепра и Сожа отличны по общему облику материальной культуры от так называемых «городищ со штрихованной керамикой», занимающих более северные территории. Краткая характеристика группы ранних городищ, приведенная А. Н. Лявданским, относится ко всем укрепленным поселениям, возникшим до периода Киевской Руси. В основном хронологические рамки ранней группы определялись им в пределах первых веков н. э.<sup>2</sup>

Начиная с 1951 г., изучение территории Южной Белоруссии систематически проводится Славянской экспедицией ИИМК АН СССР под руководством П. Н. Третьякова<sup>3</sup>. Работами охвачен участок по Днепру от г. Могилева до Припяти, по Припяти и Сожу. В результате разведок Верхне-Днепровского отряда Славянской экспедиции 1951 г. в Южной Белоруссии выявлены две группы памятников раннего железного века: городища и могильники, относящиеся к культуре полей погребений зарубинецкого типа, и предшествующая им группа городищ с весьма своеобразным обликом материальной культуры. На основе разведок 1951 г. ежегодно производились раскопки, причем, наряду с изучением памятников культуры полей погребений зарубинецкого типа, большое внимание уделялось также изучению предшествующих им городищ.

В 1952 г. производились раскопки в четырех пунктах. Городища в д. Чаплин и у д. Мохов (Моховское II) Лоевского района Гомельской области исследовались П. Н. Третьяковым. Верхние слои этих городищ содержат материалы, относящиеся к культуре полей погребений зарубинецкого типа, нижние — материал, характерный для древнейшей группы городищ. У д. Милоград и в д. Горошков Речицкого района Гомельской области, на однослойных городищах, содержащих только ранний материал, небольшие раскопки произведены Ю. В. Кухаренко (100 кв. м) и автором настоящей статьи (200 кв. м).

<sup>1</sup> Доклад, прочитанный на заседании Славяно-русского сектора ИИМК АН СССР, 1956 г.

<sup>2</sup> А. Н. Лявданский. Археологические исследования в БССР после Октябрьской революции. «Сообщ. ГАИМК», 1932, №№ 7—8, стр. 54—61.

<sup>3</sup> П. Н. Третьяков. Восточно-славянские племена. М., 1953, стр. 88, 116, 123—125.

В 1953 г. П. Н. Третьяковым были продолжены раскопки Чаплинского и Моховского II городищ.

В 1954 г. автором статьи проводились раскопки в основном на Горошковском городище (вскрыто 1500 кв. м).

В 1955 г. нами же исследовалось 6 городищ — Милоградское, Горошковское, Глыбовское, Колочинское II, Асаревичское<sup>4</sup> и Моховское I, все однослойные, вскрыто на них примерно 1500 кв. м.

Таким образом, раскопки велись на 8 городищах, кроме того произведены шурфовка и обследование многих памятников. В настоящее время вскрытая площадь на городищах древнейшей группы превышает 4600 кв. м, обнаружено около двадцати жилищ, собран обильный датирующий материал, благодаря чему появилась возможность наметить внутреннее хронологическое членение памятников. Металл представлен не менее, чем пятьюдесятью находками, в том числе кладом из одиннадцати бронзовых и серебряных браслетов. Среди керамических изделий восстановлено около тридцати полных форм сосудов и т. д.

Своеобразие и устойчивость целого комплекса культурных явлений на довольно обширной территории позволяют выделить южнобелорусскую группу памятников, отнеся ее к особой археологической культуре, названной по одному из типичных городищ — у д. Милоград — милоградской. Накопленного материала в настоящее время достаточно для того, чтобы попытаться дать краткую характеристику этой культуры.

Основной областью распространения памятников милоградской культуры в Южной Белоруссии являются правобережье Днепра, на участке примерно от устья Березины или несколько севернее его до устья Припяти, левобережье Днепра на этом же, правда еще недостаточно обследованном участке, нижнее и среднее течение р. Сожа (судя по работам белорусских археологов) и нижнее течение Припяти.

Продолжение разведочных работ, возможно, позволит говорить о более широкой территории распространения памятников этого типа, особенно на юг и запад. С севера она ограничивается районом «городищ со штрихованной керамикой», а с востока близко подходит к области, занятой памятниками юхновской культуры, очевидно, смыкаясь с ней. Особенно интересны южные пограничные области в связи с тем, что на Киевщине в последние годы обнаружены памятники подгорского типа — группа дюнных поселений, близких по керамике милоградским<sup>5</sup>. Лежащий между устьем Припяти и территорией распространения памятников подгорского типа участок связан, по мнению белорусских археологов<sup>6</sup>, с городищами Южной Белоруссии, однако этот район в последние годы не обследовался. Требуется изучения также территория Житомирщины и Волини, где в результате раскопок С. С. Гамченко<sup>7</sup> и И. Ф. Левицкого<sup>8</sup>, а также новых работ украинских археологов<sup>9</sup>, зафиксированы курганные могильники и поселения, содержащие инвентарь, в значительной степени аналогичный милоградскому, хотя и относящийся как будто к более раннему времени. Изучение территории Житомирщины и Волини может в дальнейшем помочь решению важного

<sup>4</sup> Дер. Асаревичи — Комаринский р-н Гомельской области, д. Глыбов и д. Колочин — Речицкий р-н Гомельской области.

<sup>5</sup> В. Н. Даниленко. Памятники ранней поры железного века в южной части Полесья УССР. Доклады VI научной конфер. Ин-та археол. АН УССР, Киев, 1953, стр. 197—208.

<sup>6</sup> А. Н. Лявданский. Указ. соч., стр. 56.

<sup>7</sup> С. С. Гамченко. Пятилетие археологических исследований на Волини (1919—1923 гг.). Архив Ин-та археологии АН УССР.

<sup>8</sup> И. Ф. Левицкий. Археологічні досліді в Коростенській і Житомирській округах, року 1926 (коротке подання) и другие работы. Архив Ин-та археологии АН УССР

<sup>9</sup> Архив Ин-та археологии АН УССР.

вопроса происхождения милоградской культуры. В Верхнем Поднепровье материалов для решения этой проблемы мы пока не находим.

В результате исследований установлено время бытования памятников милоградской культуры в Южной Белоруссии. Самой ранней можно считать находку железного орудия в виде тесла или пластинчатого топорика с двумя выступами. Орудие обнаружено при раскопках Моховского I городища и относится нами по ряду аналогий ко времени не позже VI в. до н. э. (рис. 10—15). Основной же датирующий материал относится к V—IV вв. до н. э. Вопрос о поздней дате решается тем, что со II в. до н. э. на территории, занятой памятниками милоградской культуры, распространяются и сменяют их памятники зарубинецкого типа. Причем ряд признаков свидетельствует о длительном существовании этих памятников.

Памятники милоградской культуры представлены в основном укрепленными поселениями. Нам пока известно только одно неукрепленное, относящееся к концу периода бытования памятников этой культуры и содержащее кроме ранних материалов керамику зарубинецкого типа или переходных форм. Селище это находится примерно в двухстах метрах на север от городища в д. Горошков.

Городища представлены двумя типами:

1. Расположенные на коренном берегу, обычно на мысу между оврагами, укрепленные со стороны плато валами и рвами. Площадка различной формы, зависящей от формы вала и конфигурации мыса (рис. 6, 1—3).

2. Так называемые «болотные» городища, расположенные в низких местностях. Площадка — обычно ровная, овальной или прямоугольной формы; ограничена валами и рвами (рис. 6, 4—5).

Археологический материал с городищ того и другого типа идентичен. Размеры площадок различны — от нескольких сотен квадратных метров до 7—8 тыс. Высота валов достигает 2,5—3 м. Иногда поселение укреплялось целой системой чередующихся валов и рвов. В некоторых случаях городища имеют дополнительно укрепленный валом участок. Культурного слоя на этих частях площадок нет.

Культурный слой на городищах обычно в среднем достигает 0,3—0,5 м толщины, а на городищах «болотного» типа иногда вообще слабо прослеживается. Слой однороден, без видимых стерильных или иных прослоек, состоит, как правило, из темносерой супеси с небольшими золистыми и углистыми включениями и содержит более и менее значительное количество обломков лепной посуды, камни и немного костей животных.

При раскопках обнаружены жилища, служебные постройки, хозяйственные ямы и другие сооружения. Жилища разнотипны, что объясняется, может быть, одновременностью их в общих хронологических пределах памятника. По-видимому, первоначально жилища были сильно углубленные, типа землянки, затем мало углубленные, которые впоследствии заменились наземными постройками. Единственное жилище типа землянки обнаружено в 1955 г. на Моховском I городище, давшем находку тесла VI в. до н. э. Обычно жилище представляло собой наземную или слегка углубленную в материк (до 0,4 м) постройку, прямоугольную или квадратную в плане, с округленными углами (рис. 7, 1—4). По одной из стен часто делался выступ, иногда обнаруживаются следы пристройки в виде сеней или навеса. В одном жилище четко прослежен вход в одной из длинных стен. По наружной или внутренней границе стен обычно прослеживаются довольно часто расположенные ямы от столбов. В конце жилища встречена яма от столба, поддерживавшего кровлю. Кроме больших столбовых ям по стенкам иногда видны ямки малых диаметров от кольев и жердей. Следов глиняной обмазки стен нет. В жилищах сохранились очаги в виде скоплений пережженного камня в ямке на полу, иногда перед очагом сделано неглубокое предочажное углубление. Размеры жилищ невелики, в среднем 12—

16 кв. м. С жилищами связаны находки пряслиц, горшков, костей животных; часто в жилищах встречались зернотерки. От надворных построек сохранились прямоугольные углубления, со следами столбов по углам. С од-

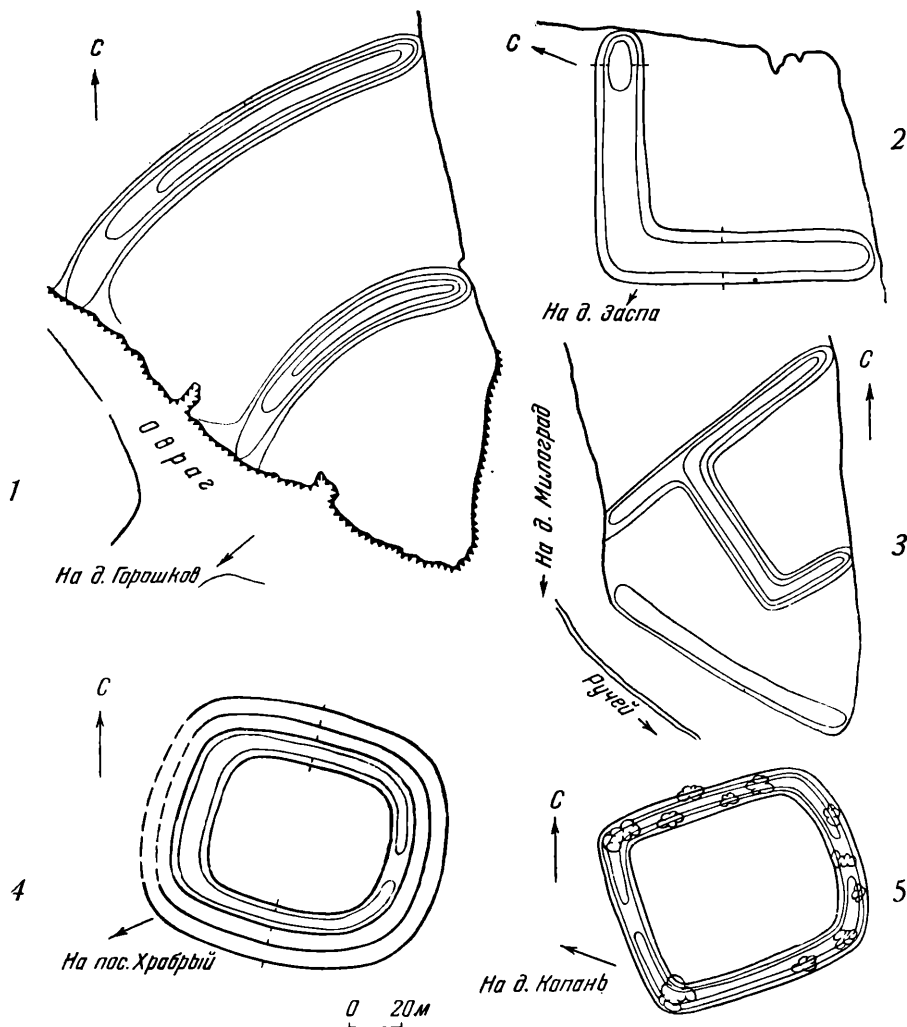


Рис. 6. Планы городищ Южной Белоруссии.

1 — у д. Горошков; 2 — уроч. Городок в д. Заспа; 3 — в д. Милоград; 4 — у пос. Храбрый; 5 — у д. Копань.

ной из таких построек связана находка упомянутого выше клада браслетов (рис. 7 — 5). Почти около каждого дома был сооружен небольшой погребок в виде ямы с приступочкой, причем иногда прослеживаются детали устройства, позволяющие говорить о существовании над ямами перекрытий шалашного типа.

Изучение оборонительных сооружений на городище в д. Горошков показало, что поселение существовало первоначально непродолжительное время как неукрепленное, затем был насыпан вал, подсыпавшийся в последующее время два раза. Обнаружена двойная подсыпка склонов городища и укрепление края площадки невысокой насыпью и изгородями. Разрез рва, откры-

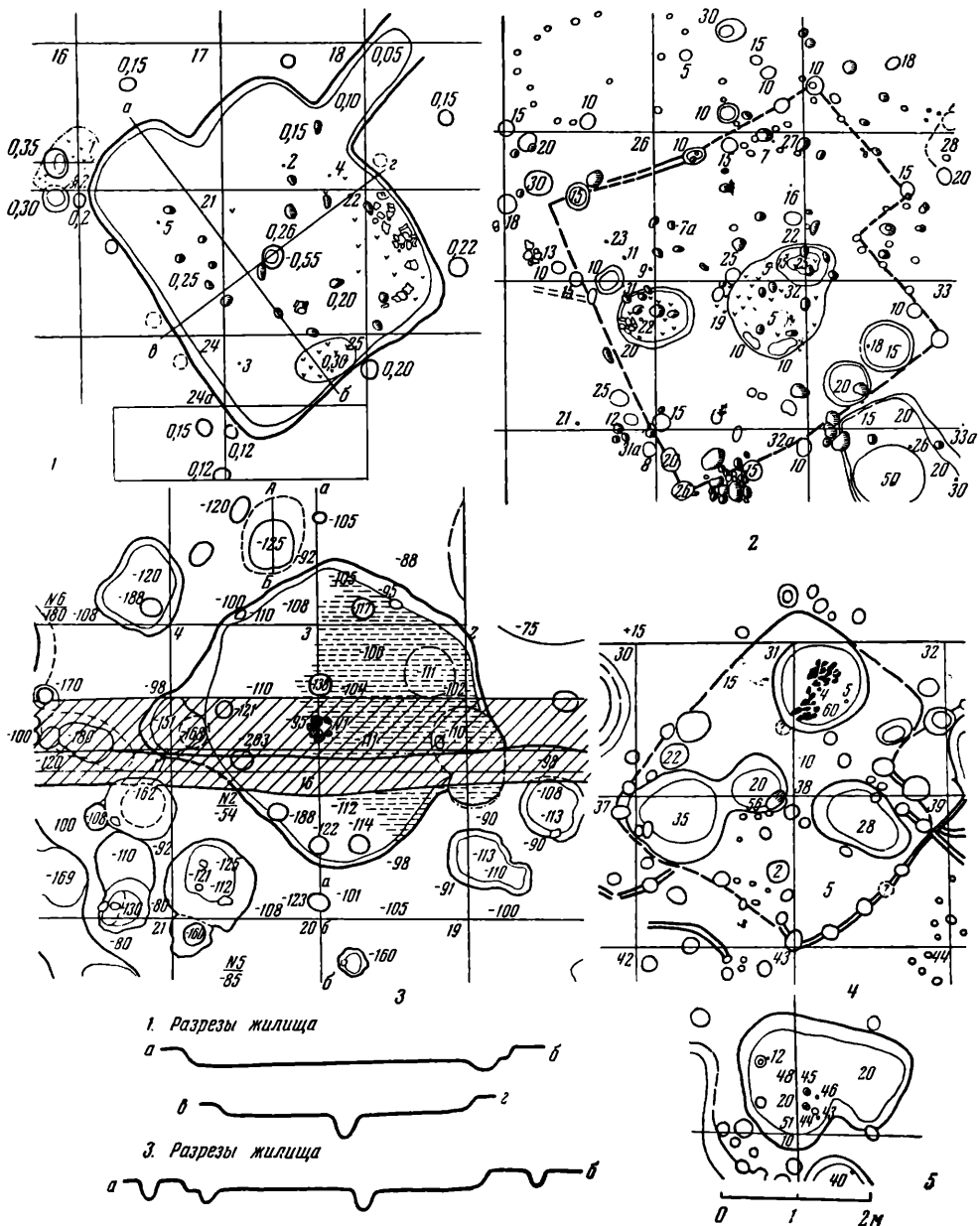


Рис. 7. Планы жилищ и служебных построек.

1—2 — Милоградское городище, планы жилищ; 3—4 — Горошковское городище, планы жилищ; 5 — Горошковское городище, план надворной постройки, в которой была обнаружен клад браслетов.

ного за малым валом городища, позволил выявить оригинальную конструкцию: оказалось, что ров состоял из трех глубоких канав, идущих параллельно валу.

Основную массу находок на городищах, как и всегда, составила керамика. Сосуды лепные, со значительной примесью в тесте дресвы, иногда песка. Толщина стенок от 0,2 до 1,2 см, в среднем 0,3—0,6 см. Обжиг ко-стровый, неравномерный. Цвет сосудов серо-бурый или красно-бурый. Поверхность обычно слегка сглажена рукой, иногда заглажена хорошо. На северных памятниках, расположенных поблизости от «городищ со штрихованной керамикой», среди сосудов милоградских типов иногда встречаются со штрихованной поверхностью, что может служить одним из доказательств древности «городищ со штрихованной керамикой». Встречено несколько лощенных черепков, в том числе обломки черной двусторонне лощенной миски с отлогими стенками, с загнутым внутрь венчиком. Сосуды, относящиеся к милоградской культуре, представлены несколькими типами (рис. 8). У них, как правило, шаровидное или яйцевидное тулово, невысокая шейка с прямыми или отогнутым наружу венчиком. Намечается эволюция форм днищ от круглых к уплощенным и плоским. Распространена также форма сосуда без выделенной шейки, с прямым или загнутым внутрь венчиком. Этот профиль характерен и для глубоких мисок или чаш. Сосуды без шейки часто имеют как бы искусственно намеченную шейку, выделенную пальцевым желобком под венчиком. Размеры сосудов различные, до 30—35 см. высоты. Встречаются небольшие сосудики типа бокалов или горшочков, а также совсем маленькие, по 3—5 см высоты. Для керамики милоградского типа характерен орнамент, состоящий из ногтевых и пальцевых владений, вдавлений, нанесенных концом палочки, поставленной прямо или под углом, мелких наколов, удлиненных врезов и т. д. Иногда вдавления наносились на внутренней поверхности сосуда, в таком случае на наружной им соответствуют округлые выпуклости. Орнамент обычно расположен в один ряд по шейке сосуда или под венчиком, иногда группами по несколько вдавлений. Бортик не орнаментировался.

Для керамики, относящейся к милоградской культуре, наиболее характерны формы сосудов, резко отличающие ее от керамики смежных культурных областей, тогда как приемы орнаментации распространены более широко и являются до некоторой степени объединяющим моментом для всей глиняной посуды Верхнего Поднепровья этого периода.

Из числа других глиняных предметов наиболее часто встречаются небольшие грузики различной формы, обычно со сквозным отверстием по вертикальной оси (рис. 9—1—12). Часть из них, по-видимому, являлась пряслицами, часть не может отвечать этому назначению в силу целого ряда причин (величина отверстия, форма и т. д.). Грузики можно подразделить на две группы: 1) различные фигурные, характерные только для городищ милоградского типа. Сюда относятся грузики с тремя, четырьмя (крестовидные) и с пятью выступами, иногда без отверстия в центре; округлые или крестовидные на высокой ножке; грузики, передающие своей формой и орнаментацией форму и орнаментацию сосудов: горшков, мисок, кувшинов, кубков и т. д. 2) Грузики биконической и округлой формы орнаментированные врезанными линиями, образующими треугольники, елочки, ряды круговых параллельных поясков, точечные наколы и т. д. Сюда же относятся грузики в виде катушек или блоков. Вторая группа продолжает бытовать в Южной Белоруссии и в зарубинцевское время.

Часты находки глиняных фигурок домашних животных, иногда выполненных реалистически, с большим мастерством (рис. 9—14—16).

К предметам из камня следует отнести шлифованные топоры с отверстиями и без них, безусловно относящиеся к городищенским слоям. Они встречены в слое несколько раз, в двух случаях связаны с жилищами

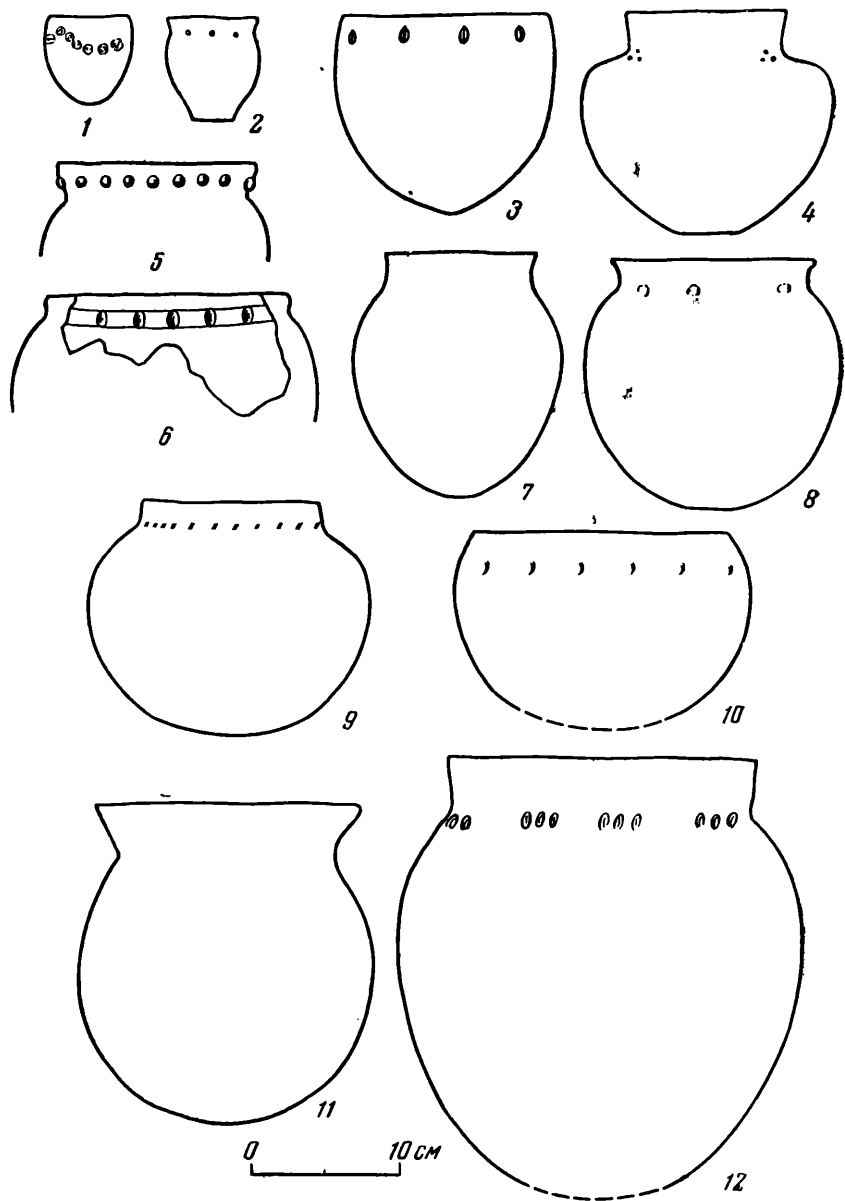


Рис. 8. Формы сосудов.

1, 3, 10 — глубокие миски или чашки; 2, 4—9, 11, 12 — сосуды с невысокой шейкой.

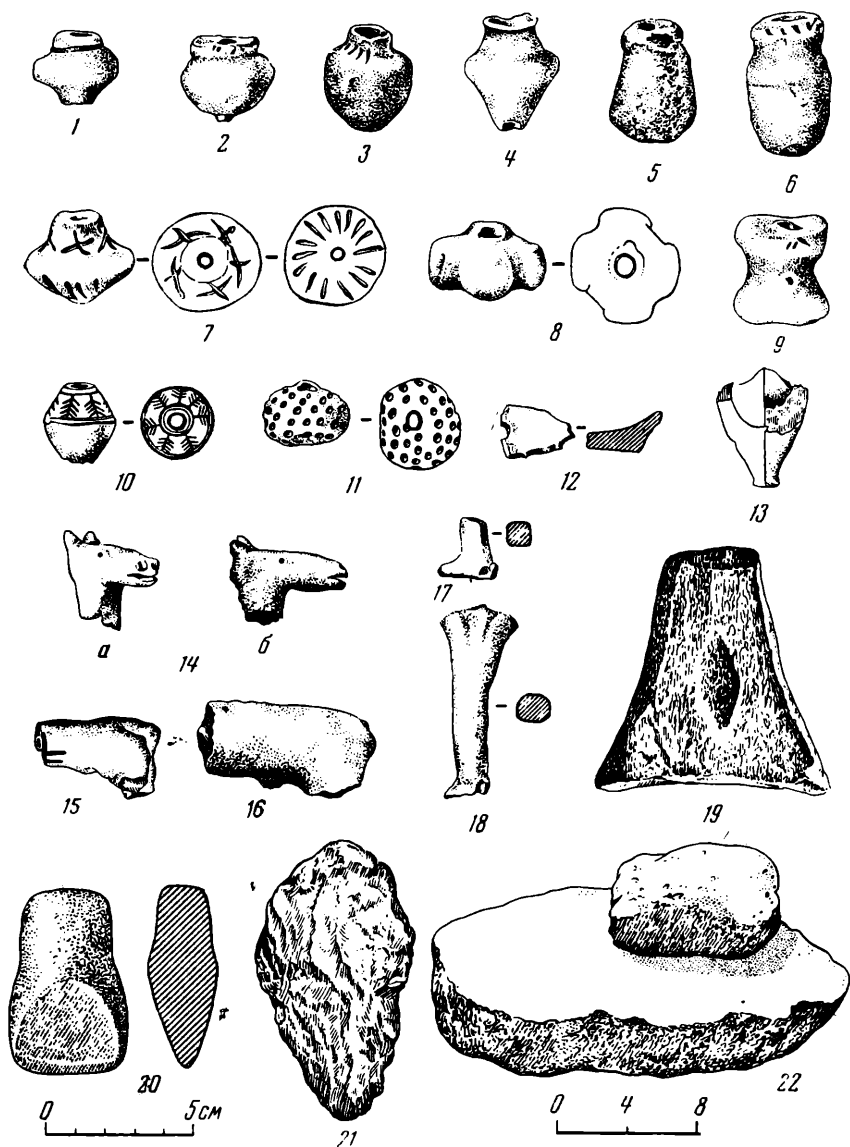


Рис. 9. Изделия из глины, рога и камня.

1—7 — грузики в форме сосудов; 8—12 — грузики других видов; 13 — часть тигля; 14—18 — части фигурок животных; 19 — заготовка орудия из рога лося; 20 — каменный топорик; 21 — орудие в форме рубила; 22 — зернотерка.



(рис. 9—20). Далее найдено 4 каменных рубилообразных орудия (рис. 9—21), несколько зернотерок (рис. 9—22), песты, тёрочки и т. д.

Изделий из кости нет. Встречена одна заготовка из рога лося, назначение которой неясно (рис. 9—19).

Изделия из стекла или стекловидной пасты представлены всего несколькими бусами — синими глазковыми, полупрозрачными синими и красноватыми, непрозрачными зелеными.

В числе металлических изделий — орудия труда (рис. 10, 14—17). К ним относятся несколько железных серпов, железный пластинчатый топорик или тесло, долотообразное орудие, ножи с горбатой спинкой, шилья, иглы. Оружие пока представлено только железным наконечником дротика и бронзовыми наконечниками стрел скифских типов. Наиболее распространены украшения; бронзовые и серебряные браслеты и гривны более десяти разных типов (гладкие, витые, спиралевидные, украшенные гравировкой, с напаянными деталями и т. д.), железные и бронзовые булавки с головкой, согнутой в петлю, бронзовые булавки с плоскими широкими шляпками, бронзовые серьги в виде конусовидной или полушарной бляхи с отходящим от нее крючком, бронзовые провололочные подвески, бронзовые бляхи с петлей на оборотной стороне, украшения в виде двойной, противоположно завернутой спирали, бронзовые трубочки-пронизки и бисер.

Благодаря находке клада бронзовых и серебряных браслетов (раскопки 1954 г. на городище в д. Горошков) и отдельным находкам, в коллекции особенно хорошо представлены браслеты. Из одиннадцати имеющихся в кладе только два одинаковых, остальные все различны по форме или орнаменту. Почти все типы браслетов находят ближайшие аналогии в западных древностях кельтского круга и в памятниках лужицкой культуры и могут быть датированы V—IV вв. до н. э.<sup>10</sup>

Клад браслетов и довольно частые находки отдельных вещей позднегальштатских и раннелатенских типов свидетельствуют о существовании широких торговых и культурных связей местного населения с западными областями, а проникновение в область милоградской культуры вещей причерноморского происхождения (фрагмент эллинистической амфоры с городища в д. Горошков) и широкое распространение металлических вещей скифских типов позволяют говорить об оживленных сношениях с Югом. Предположительно, население, оставившее нам памятники милоградской культуры, возможно связывать с существовавшим в эллинистической традиции понятием «кельтоскифы»<sup>11</sup>.

В результате исследований городищ получены данные для хозяйственно-экономической характеристики. В основе хозяйства жителей лежало земледелие. Население занималось скотоводством, значительную роль еще играла охота, по-видимому, было развито и рыболовство. О наличии земледелия можно судить по частым находкам серпов и зернотерок на разных памятниках. В стенке одного из сосудов сохранился отпечаток выгоревшего зерна пшеницы. О занятии скотоводством свидетельствуют костные остатки различных животных<sup>12</sup>. В состав стада входили: крупный рогатый скот, лошадь, мелкий рогатый скот, свинья. Преобладают кости крупного рогатого скота. Обнаружены кости собаки. Дикие виды представлены небольшим количеством костей лося, дикой свиньи, зубра, благородного оленя, бобра и барсука. Следует отметить неравномерность в распределении костного материала на отдельных памятниках. Наибольшее количество находок зарегистрировано на городище в д. Горошков, памятнике сравнительно позднем. С этим же памятником связано большинство из найденных фигурок

<sup>10</sup> О. Н. Мельниковская. Клад браслетов с городища в д. Горошков. ВДИ, 1956, № 1.

<sup>11</sup> М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 39—41.

<sup>12</sup> Костный материал обработан В. И. Цалкиным.

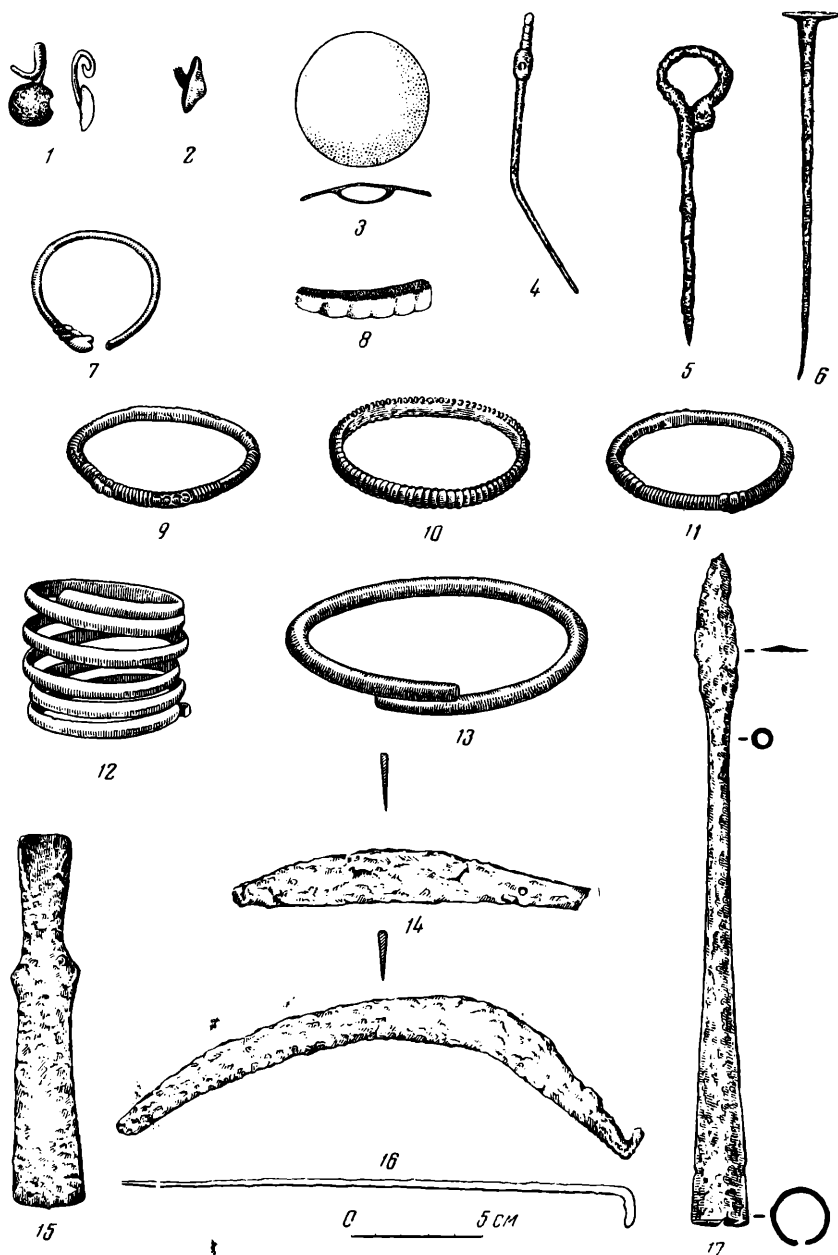


Рис. 10. Изделия из металла.

1—13 — бронзовые и железные украшения (Горошковское городище); 14, 17 — железные нож и дротик (Горошковское городище); 15 — железный пластинчатый топорик (Моховское городище); 16 — железный серп (Милоградское городище).

животных, неизвестных на ранних памятниках. Свидетельством рыболовства являются пока находки костей рыб и глиняного грузила в форме лепешки с отверстием посредине, обнаруженных на селище позднемилоградского или раннезарубинецкого характера в д. Горошков.

Население городищ было знакомо с примитивными способами получения железа на базе местных болотных руд и с последующей обработкой его, а также с обработкой цветных металлов (на привозном сырье). Об этом свидетельствуют частые находки шлаков, кусочков оплавленного металла, тиглей, на дне одного из которых сохранились остатки меди, литейных форм для отливки мелких украшений и т. д. О прядении и ткачестве можно говорить на основании находок пряслиц и грузиков и отпечатков тканей (типа полотен) на стенках сосудов и на других глиняных изделиях. С обработкой дерева безусловно связаны некоторые из обнаруженных орудий труда, например, пластинчатый топорик или тесло с Моховского I городища, орудие в виде долота или узкой стамески с Милоградского городища и др. Значительных навыков и мастерства требовало изготовление глиняных сосудов, достигавших больших размеров и сравнительно тонкостенных.

Изучению различных видов производства, при дальнейших работах должно быть уделено особое место.

В отношении погребальных памятников милоградской культуры мы пока можем сказать очень мало. В поисках могильников было предпринято исследование площадей за валами нескольких городищ. За валом Моховского I городища были обнаружены на поверхности пашни следы разрушенного трупосожжения. При шурфовке здесь открыты три трупосожжения в виде скопления кальцинированных костей, помещенных в одном случае в яму в рост человека, а в двух других — в небольших ямах округлой формы. Погребения сопровождалась отдельными черепками лепных сосудов, изготовленных из глины с примесью дресвы. Однослойность городища и отсутствие неподалеку других древних поселений как будто бы позволяют отнести обнаруженные за валом погребения к тому же времени и к той же культуре, что и городище. Имеем ли мы здесь дело с грунтовым могильником или с распаханым курганом — сказать трудно.

При раскопках Ю. В. Кухаренко могильника зарубинецкой культуры за валом Чаплинского городища также были обнаружены два трупосожжения, связанные с частями сосудов, типичных для нижнего, милоградского, слоя городища. Для основных, зарубинецких, погребений Чаплинского могильника характерно то же сочетание форм ям с трупосожжениями, что и в погребениях, обнаруженных за валом Моховского I городища.

За валом городища у д. Асаревичи Комаринского района Гомельской области, на раздуваемой площади, нами встречены скопления черепков. Шурфовка на месте одного из таких скоплений показала, что сосуд помещен в небольшую округлую ямку. В ее заполнении обнаружено небольшое количество кальцинированных костей человека (?) и несколько необожженных обломков костей животных. На площади за валом собраны металлические и другие вещи: бронзовый браслет, обломок бронзового браслета или гривны, бронзовые булавки, бляшки, наконечники стрел скифских типов, бронзовые пронизки и бисер, стеклянные бусы, железный ножичек, пряслица и т. д. Не исключено, что эта площадь была занята могильником.

За городищем в д. Горошков площадь между внутренним и наружным валами, не имеющая культурного слоя, оказалась занята на участке, примыкающем к кромке коренного берега, многочисленными скоплениями керамики, иногда находящимися в небольших ямках округлой формы. Кроме сосудов здесь найдены три пряслица и обломок бронзовой гривны или браслета. Та же картина встречена и за наружным валом городища, по-

идимому, сооруженным позже. Кроме ямок с развалами сосудов здесь обнаружены следы сооружения в виде длинного, углубленного в землю толбового дома, по характеру и составу находок вряд ли служившего жилищем. В заполнении дома, наряду с многочисленной керамикой, собрано некоторое количество обломков кальцинированных костей.

На площади за валами городищ в д. Асаревичи и в д. Горошков встречено также довольно много следов обожженных столбов, в первом случае недалеко от скоплений керамики, в другом — попеременно с ними, однако связь их с сосудами не определена.

Поиски могильников и исследование обряда погребения будут продолжены и в дальнейшем.

Основной задачей на последующие годы является, наряду с продолжением работ по изучению древнейших городищ в Южной Белоруссии, исследование более широкой территории, на которой сейчас известны памятники материалами милоградских типов: Северной Киевщины, Житомирщины и Волыни. Пока же мы можем говорить только о некотором типологическом сходстве материалов с южно-белорусскими находками. Дальнейшие работы должны быть направлены на выяснение вопроса, существует ли здесь единство во всех областях материальной культуры. Установление такого единства на всей территории помогло бы решить вопрос об этнической принадлежности памятников.

До проведения больших археологических исследований на Волыни и Житомирщине вопрос об этнической принадлежности памятников милоградской культуры не может быть решен.

Интересны также вопросы о дальнейших судьбах населения, оставившего памятники милоградской культуры, его отношении к сменяющим его на этой территории зарубинецким племенам.

Ряд черт позволяет говорить о связи культур на этих двух этапах: наличие переходных памятников, близость типов жилых и других сооружений, отдельные элементы в керамике, намечающаяся общность погребального обряда и т. д. На вопрос о том, насколько эта взаимосвязь носит генетический характер, ответить пока трудно.

---

Ф. Д. ГУРЕВИЧ

## К ИСТОРИИ ДРЕВНИХ ПРУССОВ В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ Н. Э.

Письменные источники IX—XIV вв. довольно четко определяют территории, занимаемые отдельными племенами юго-восточной Прибалтики (бывш. Восточной Пруссии). Наиболее полную картину этнического состава населения сохранили хроники крестоносцев XIII—XIV вв.

Согласно хронике П. Дусбургского (1326 г.), современная Калининградская область и часть мазовецких земель Польши были заняты большой группой балтийских племен — пруссами. Древних пруссов под именем «брусы» знает еще в X в. (965 г.) испанский еврей Ибн Якуб, помещающий их на Балтийском побережье. Часть пруссов, концентрирующихся вблизи Янтарного берега, П. Дусбургский, так же как некоторые более ранние источники (Саксон Грамматик — 1204 г., Адам Бременский — 1075 г.), называет самбами<sup>1</sup>. Соседями пруссов с юга были галинды и судины, с востока — курши.

В более раннее время пруссы упоминаются под собирательным именем эсти, под которым они известны Тациту в I в. (98 г.), Кассидору в VI в. (551 г.) и Вульфстану в IX в. (890 г.)<sup>2</sup>. В настоящей работе делаются попытки наметить некоторые вехи в истории древних пруссов в I тысячелетии н. э., на основании критического пересмотра многочисленной, но в общем, крайне тенденциозной буржуазной археологической литературы, а также пользуясь итогами небольших работ по исследованию поселений, проведенных автором в 1949—1951 гг.

Археологические памятники, в частности могильники, свидетельствующие о неизменности этнического состава населения, позволяют отнести расселение балтийских племен, зафиксированное письменными памятниками, к первым векам н. э.

В первой половине I тысячелетия н. э. для юго-восточной Прибалтики характерен большой расцвет культуры. Население ее по сравнению с предшествующим периодом возрастает.

Наиболее передовым населением были племена пруссов, сконцентрированные близ Янтарного берега.

Их поселения (еще очень мало изученные) размещались на высоких берегах первых надпойменных террас. Это обычные мысовые или расположенные на изолированных холмах городища с сравнительно небольшими

<sup>1</sup> «Scriptores Rerum Prussicarum», т. I, стр. 50—52, 239, 735—736; Ф. Вестберг. Комментарий на записку Ибрагима Ибн Якуба о славянах. СПб., 1903, стр. 146.

<sup>2</sup> «Древние германцы». Сб. под ред. А. Д. Удальцова, М., 1937, стр. 80—81. Иордан. О происхождении и деянии гетов. Рукопись, перевод Е. Ч. Скржинской. «Script. Rer. Pruss.», т. I, стр. 732.

площадками (Грачевка, Русское I, Заозерье и др.<sup>3</sup>). Наряду с укрепленными, существовали открытые поселения, занимающие большую площадь; селище в Кострово (Блюдау) занимало пространство свыше 1 га, селище в Янтарном (Пальмникен) — 1,5 га<sup>4</sup>.

Собранные для реконструкции жилищ материалы еще незначительны, и мы можем представить жилище пруссов лишь в общих очертаниях. Это наземные постройки; в Грачевке сохранились следы каменных завалинок и очаги, диаметром до 1 м, сложенные из булыжников, а также куски обожженной глиняной обмазки стен. На городище Янтарный обнаружены остатки столбов и следы большого, возможно, общественного помещения<sup>5</sup>.

По археологическим данным бесспорно устанавливается, что основным занятием пруссов с первых веков н. э. было земледелие. В Грачевке на площади не менее 30 кв. м обнаружен слой обожженной мягкой пшеницы. Там же в сосудах найдено обгорелое метельчатое просо. С повсеместным распространением земледелия у пруссов связаны зерноотёрки, известные по находкам в Регенен и Гребитен<sup>6</sup>, слабо изогнутые серпы и косы, встречающиеся в мужских погребениях<sup>7</sup>. Уже в конце I в. н. э. Тацит подчеркивал земледельческий характер культуры древних обитателей Янтарного берега. Он пишет: «Над хлебом и другими плодами земли они трудятся с большим терпением, чем это соответствует обычной лениности германцев»<sup>8</sup>.

Скотоводство, охота, рыболовство и др., существуя как подсобные отрасли, играют еще большую роль в хозяйственной жизни пруссов. В Грачевке найдено много обломков сосудов, служивших для изготовления сыра. Они слабо обожжены, с биконическим туловом, с проткнутыми дырочками.

Захоронения коней, а особенно предметы конского убора, часто встречающиеся в богатых погребениях, дают возможность судить о широком развитии коневодства. Нередко среди могильного инвентаря попадались ножницы для стрижки овец<sup>9</sup>. В Тенкиттен найдено интересное орудие для ловли крупных рыб — большая острога из пяти железных гарпунов, соединенных втулкой<sup>10</sup>.

Изделия, обнаруженные на поселениях и в погребениях, характеризуют пруссов первой половины I тысячелетия н. э. как население с развитым домашним производством. Это относится, в первую очередь, к выделке разнообразной керамики. В Грачевке большую группу составили крупные сосуды, предназначенные для хранения запасов и выделанные из грубого глиняного теста с обильной примесью дресвы. Среди этой керамики — обломок сосуда для хранения жидкости, внутренняя поверхность его гляцевитая, наружная — обмазанная глиной. Группа кухонной посуды (со следами нагара) включает миски, горшки и банки. Весьма разнообразна столовая посуда, две трети которой составляет лощеная керамика (рис. 11). Это черные и желтые, хорошо выделанные тонкостенные горшочки, миски небольших размеров. Встречаются одноручные лощеные сосуды.

<sup>3</sup> Ранее — Краам, Гермау, Родсманнхофен.

<sup>4</sup> Ф. Д. Гуревич. Археологические работы в Калининградской области в 1950 году. КСИИМК, XLVII, 1952, стр. 93—100.

<sup>5</sup> Н. Стоме. Führer zu den frühgeschichtlichen Burgwälle Samlands. «Prussia», т. 34, 1940, стр. 37.

<sup>6</sup> G. Vujack. Das Gräberfeld der Römischen Periode in Griebeten. «Prussia», т. 13, 1886—1887, стр. 202, 203, 208, 210; его же. Das Gräberfeld bei Regehnen, там же, стр. 175.

<sup>7</sup> O. Tischler. Ostpreussische Altertümer. Königsberg, 1902, стр. 15—25.

<sup>8</sup> «Древние германцы», стр. 80.

<sup>9</sup> W. Gaerte. Urgeschichte Ostpreussens. Königsberg, 1929, стр. 197.

<sup>10</sup> Schriften Physikalisch-ökonomische Gesellschaft, 1892, т. 3, стр. 37.

Своеобразна погребальная керамика: урны и так называемые сосуды-«приставки». Во II—III вв. н. э. урны были в форме горшков с цилиндрической или слегка выгнутой шейкой и с округлым, нередко шероховатым туловом. Сосуды-«приставки» — одноручные или без ручек, иногда на поддоне. Начиная с III в. урны характеризуются короткой цилиндрической шейкой и удлиненным, нередко ребристым, туловом. Широко распространяются урны типа найденных в могильнике Гребитен, с широкими и высокими плечиками. Сосуды-«приставки» разнообразны по форме и встречаются в виде горшочков, мисок, банок и т. д. Некоторые из них снабжены ручкой.

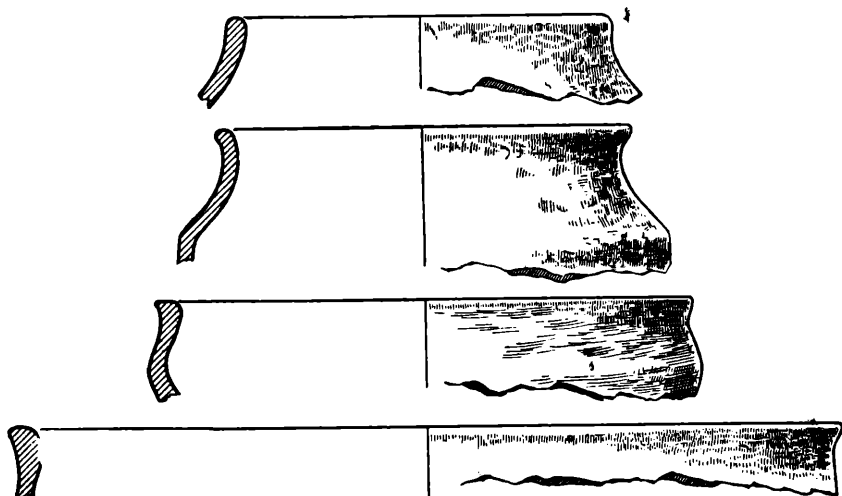


Рис. 11. Лощеная керамика из Грачевки.

Орнаментированы сосуды защипами, валиками, геометрическим узором. На сосудах первых веков н. э. воспроизводится орнамент металлических латенских форм<sup>11</sup>.

Среди различных отраслей домашнего производства немалую роль играла обработка железа. Уже в относящихся к последним векам до н. э. могильных памятниках железные изделия принадлежат к числу частых находок (Сальское)<sup>12</sup>.

С первых веков н. э. численность железных изделий значительно возрастает. Из железа сделаны основные орудия — ножи, ножницы, долота, струги, рыболовные крючки и др.; в мужских погребениях, для которых характерно оружие, встречаются втульчатые и обушные топоры, наконечники копий и стрел, умбоны щитов, шпоры и удила. С III в. начинают широко распространяться железные фибулы, выделанные в подражание фибулам из благородных и цветных металлов.

Массовость железных изделий, преемственность их основных форм (ножи, топоры, наконечники копий) и форм соответствующих изделий последних веков до н. э., находка шлаков на поселениях — все это дает основание считать железоделательное и железообрабатывающее производство пруссов одним из ведущих домашних производств.

Новые формы и разнообразные технические приемы характерны для обработки бронзовых вещей, которыми так богаты могильники пруссов. Судя по кладу близ бывш. с. Литаусдорф и другим находкам на Калинин-

<sup>11</sup> O. Tischler. Указ. соч., табл. XVIII—XXII.

<sup>12</sup> W. Gaerte. Указ. соч., стр. 153—156. (Сальское — ранее Санкт-Лоренц).

градском полуострове — заготовкам и полуфабрикатам из бронзы, — местное население занималось литьем и обработкой этого металла еще в конце II — начале I тысячелетия до н. э.<sup>13</sup>

Трудно даже вкратце перечислить основные виды украшений и других изделий из бронзы, реже из серебра, которые сохранила культура пруссов в первой половине I тысячелетия н. э. Для II — III вв. н. э. характерны: глазчатые и профилированные фибулы, гривны с трубковидными концами, браслеты с фигурными окончаниями, большие ажурные пряжки, овальные накладки от поясов, профилированные ременные язычки и многое другое.

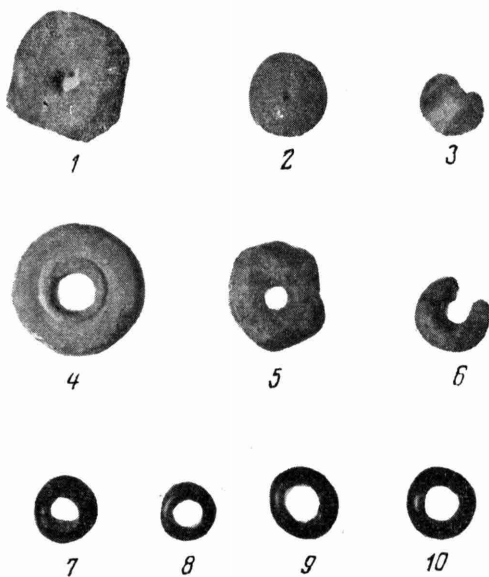


Рис. 12. Заготовки и бусы из янтаря (1—6) и стеклянные бусы (7—10). Поселение Грачевка.

С III в. появляются арбалетные фибулы, первоначально имеющие подогнутую ножку, которая в дальнейшем приобретает звездообразную, треугольную, трапециевидную и другие формы. Фибулы становятся излюбленным украшением пруссов на протяжении всего I тысячелетия н. э. В III в. появляются также гривны с обмотанными проволокой концами, овальные пряжки с пластиной и т. д.

Украшения из бронзы орнаментируются тиснением, гравировкой, накладкой серебряных и золотых пластинок и рубчатой зернью<sup>14</sup>.

Немалую часть бронзовых вещей следует рассматривать как изделия местного производства; об этом свидетельствуют массовость находок, их серийность, одинаковые приемы обработки и орнаментации. На основе привозных образцов, особенно фибул, разрабатываются свои местные формы украшений.

Важнейшее значение для широкого развития внешних связей имел янтарь, который пруссы собирали на Балтийском побережье. В Грачевке, расположенной в 5 км от моря, обнаружено свыше 500 кусков янтаря, очень малое количество из них несет следы обработки, еще меньше готовых изделий — бус, довольно грубого изготовления<sup>15</sup> (рис. 12 — 1—6).

<sup>13</sup> Там же, стр. 90—91.

<sup>14</sup> О. Tischler. Указ. соч., табл. I—V.

<sup>15</sup> Ф. Д. Гуревич. Раскопки на городище «Грачевка». КСИИМК, 52, 1953, стр. 82—83.



Найденные куски янтаря, по-видимому, предназначались для обмена. Тацит сообщает, что обитатели Прибалтики, собирающие янтарь, обменивают его в необработанном виде. «Собирается он (янтарь. — Ф. Г.) в грубом виде, приносится (на рынок) без всякой отделки, и они получают за него плату с удивлением»<sup>16</sup>.

В обмен на янтарь поступало сырье для изготовления изделий из цветных металлов, лощеная керамика, стеклянные бусы, стеклянные и металлические изделия из Причерноморья, Западной и Центральной Европы, Скандинавии и т. д. Интересно, что отдельные формы украшений переходят при посредстве пруссов к галиндам, куршам и другим балтийским племенам.

О широких внешних связях свидетельствует также большое количество римских бронзовых монет, появившихся на территории пруссов в III—V вв., причем монеты использовались местным населением в качестве украшений. В них часто проделывались дырочки или прикреплялись ушки для подвешивания<sup>17</sup>.

Существенные изменения намечаются в погребальном обряде пруссов с I—II вв., особенно со II в. н. э. Курганы с коллективными трупосожжениями в урнах, характерные для последних веков до н. э. и рубежа н. э., сменяются грунтовыми могильниками, которые закладываются в непосредственном соседстве с курганами. В Лунино, Приморском, Кеймкален, Зортенен и др. грунтовые могильники примыкают к курганам предшествующей поры; в могильнике Пердолен многослойные каменные венцы и камеры воспроизводили соответствующие сооружения курганов<sup>18</sup>. Сохранение обряда трупосожжения с помещением останков в урну и некоторые из находок (керамика, оружие, отдельные виды украшений) бесспорно убеждают в том, что курганы и грунтовые могильники принадлежат одному и тому же населению.

К новым чертам погребального обряда принадлежат: появление индивидуальных захоронений и частичное проникновение обряда трупоположения (II—III в. н. э.)

В мужских погребениях заметно возрастает количество оружия и появляются захоронения коней. Женские погребения характеризуются разнообразными украшениями.

Краткий обзор археологических памятников юго-восточной Прибалтики первой половины I тысячелетия н. э. дает основание утверждать, что в культуре пруссов, преемственно связанной с культурой предшествующей эпохи, происходят большие изменения. Превращение земледелия в основное занятие приводит к значительному увеличению населения. Развиваются многие отрасли домашних производств, среди которых особенно важна обработка железа. Чрезвычайно расширяются внешние связи.

Резкие изменения в экономике пруссов не могли не сказаться на их социальном строе. Заметный рост производительных сил расшатывал старую патриархально-родовую общину. Одним из примеров перехода родовой общины в общину соседскую может служить смена коллективных захоронений индивидуальными.

В свое время выборочная публикация буржуазными немецкими археологами лишь богатых погребений, известных на этой территории, создавала ложное впечатление богатства всех погребений.

Между тем, по могильным памятникам можно проследить имущественную дифференциацию населения уже во II—III вв. Например, в погребении 8 могильника Хрустальное (Викау) найдены: меч, семь наконечников

<sup>16</sup> «Древние германцы», стр. 81.

<sup>17</sup> S. Bolin. Funde römischer und byzantinischer Münzen in Ostpreussen. «Prussia», т. 26, 1926, стр. 209, 220, 223—227, 238.

<sup>18</sup> Н. М о о г а. Die Eisenzeit in Lettland. Тарту, 1938, стр. 52—54.

копий, два боевых топора, нож, умбон щита, предметы конского убора, римская фибула, в то время как ряд синхронных погребений почти не имеет инвентаря<sup>19</sup>. О далеко зашедшем имущественном расслоении свидетельствуют материалы могильника Гребитен, где из числа вскрытых 472 погребений и 132 никакого инвентаря кроме единичных сосудов нет, свыше 40 погребений снабжены незначительным количеством вещей и 20 погребений выделяются богатством оружия и личного убора и в ряде случаев сопровождаются захоронением коня<sup>20</sup>. Имущественное неравенство проявляется в парных захоронениях, одно из которых обычно либо вовсе лишено инвентаря, либо сопровождается единичными вещами. Безынвентарные захоронения в парных погребениях, по-видимому, можно считать принадлежащими рабам.

Начиная с VI в. картина жизни населения юго-восточной Прибалтики резко меняется. Заселение территории пруссов сокращается, материальная культура становится значительно беднее. Оскудение ее особенно заметно по тем могильным памятникам, которые расположены на тех же местах, где совершались погребения в первой половине I тысячелетия н. э. В Коврове (Долькейм), где вскрыты богатые захоронения II—V вв., в могилах, относящихся ко времени, начиная с VI в., количество находок заметно уменьшается. Большая часть погребений теперь сопровождается лишь 1—2 сосудами и единичными предметами. Реже встречается оружие. По-прежнему господствует обряд трупосожжения, но кальцинированные кости лежат в земле (иногда в ямке).

Для керамики характерны длинногорлые, реже биконические сосуды и миски.

В числе украшений — некоторые типы арбалетных фибул, в частности, с крестовидной ножкой и с перекладинами в верхней и нижней частях. Появляются отдельные типы пальчатых фибул<sup>21</sup>.

При общем оскудении инвентаря особенно бросаются в глаза отдельные погребения с конем и с богатым инвентарем; таково например погребение VI в. у бывш. селения Варникам.

Причины обеднения культуры пруссов до сих пор неясны. Резкий упадок уровня жизни населения, возможно, объясняется усилившейся внешней опасностью. В северных хрониках сохранилось упоминание о том, что в конце VIII в. датский король завоевал страну самбов<sup>22</sup>, т. е. пруссов Янтарного берега. Возможно, что набеги эти имели место и в более раннее время.

Начиная с IX в. территория пруссов вновь заселяется. Для этого времени характерны хорошо укрепленные поселения. Большая часть их возникает на городищах первой половины I тысячелетия н. э. (Грачевка, Заозерье и др.), наряду с этим появляются поселения, основанные на новых местах.

Городища мысового типа и расположенные на холмах характеризуются развитой оборонительной системой. Простые укрепленные поселения защищены с напольной стороны одним валом (Пионерск, Куликово Русское<sup>23</sup>) и в отдельных случаях дополнительным валом (Дружное (Медникен), городище на р. Дайме).

На некоторых городищах можно отметить усложненную систему сооружений, таковы Логиново I, Заозерье, Романово II, Окунево и др. Здесь отмечаются 2—3 напольных вала. Наиболее сложная система валов из-

<sup>19</sup> J. Heydeck. Fundberichte. «Prussia», т. 22, 1909, стр. 275.

<sup>20</sup> G. Vujack. Das Gräberfeld der Römischen Periode in Grebieten, стр. 202—255.

<sup>21</sup> O. Tischler. Указ. соч., табл. XIII.

<sup>22</sup> B. Nerman. Die Verbindungen zwischen Skandinavien und dem Ostbalticum in der jüngeren Eisenzeit. Stockholm, 1929, стр. 15.

<sup>23</sup> Ранее — Нейкурен, Штробинен, Гермау.

вестна в Грачевке и Великолукском, где городище (мысовое) разделено надвое и каждая площадка обнесена валами и рвами. Исключительная по сложности система валов сохранилась на городищах Кумачево (Куменен) и Русское II, занимающих высокие горы. Здесь валы окружали и площадку городища и подступы к ней<sup>24</sup>.

Несмотря на внушительную высоту валов (до 7—8 м), устройство их, судя по разрезам в Куликово, Грачевке, Дружном, Богатом (Покальштейн) и др., довольно примитивно. Внутренняя конструкция их состоит из нескольких рядов булыжных камней, присыпанных песком. Иногда встречаются следы деревянных конструкций<sup>25</sup>.



Рис. 13. Лемех из поселения у Грачевки.

Жилища пруссов представляли собой в то время прямоугольные в плане, наземные, ориентированные по странам света постройки, площадью от 9 до 30 м<sup>2</sup>, с каменными «завалинками». В центре жилища находился очаг. В Грачевке эти очаги полностью воспроизводили очаги древнего горизонта. Стены, по-видимому, были промазаны глиной, о чем свидетельствуют куски обмазки.

Существенно важным в культуре пруссов X в. было внедрение гончарного круга. Керамика Логиново I представлена горшками гончарной работы, многие из которых лишь частично обработаны на круге<sup>26</sup>. Гончарная керамика появляется и в могильном инвентаре.

Однако и в формах и в орнаменте лепной керамики наблюдается стремление изготовлять ее в подражание гончарной (Грачевка). Горшки с линейно-

волнистым орнаментом на территории пруссов являются типично славянскими, это дает основание полагать, что гончарный круг и формы гончарной керамики заимствованы пруссами у славян, вероятнее всего у славян Польши.

На поздних поселениях и в могильном инвентаре встречается очень много изделий из железа: орудия труда — лемех (рис. 13), серпы, пилы, топор; оружие — мечи, наконечники копий, боевые ножи; предметы конского убора — удила, бубенчики и колокольчики; предметы облачения всадника — шпоры, а также стремена, распространившиеся с VII—IX вв.

Погребальные памятники (как и в предшествующее время) располагались на месте более ранних. Таковы могильники: Коврово, Кострово, Экритен, Корнитен и многие другие. Единственным обрядом погребения по-прежнему остается трупосожжение, однако в этот период почти исчезают каменные кладки в грунтовых могильниках, увеличивается число погребений с конем, исчезают сосуды из погребений, вместо этого встречаются обломки керамики.

<sup>24</sup> Ф. Д. Гуревич. Археологические работы в Калининградской области в 1950 г. КСИИМК, вып. XLVII, 1952, стр. 96; Н. Стопе. Указ. соч., стр. 24—26, 56, 61, 76.

<sup>25</sup> Н. Стопе. Указ. соч., стр. 9.

<sup>26</sup> Ф. Д. Гуревич. Древние поселения Калининградской области. КСИИМК, XXXVIII, 1951, стр. 95.

Яркую картину разлагающегося родового строя пруссов рисует Вульфстан, посетивший в 890 г. территорию современного Эльблонга. Он упоминает «королей» (*cuning*), «богатых людей» (*pa ricostan men*) и «людей высокого звания» (*heahdungene men*), а также неимущих (*pa unspedigan*) и рабов (*pa reowan*)<sup>27</sup>.

Из числа имущих выделяются военачальники, занимающие укрепленные поселения и называемые Вульфстаном королями, и дружина, владеющая значительным имуществом. Этой группе населения следует приписывать многочисленные погребения с конями, которые распространяются с конца I тысячелетия.

Погребения, лишенные инвентаря, принадлежали, по-видимому, рабам. К названным «неимущими», вероятно, следует отнести часть погребений с оружием; Вульфстан пишет, что среди пруссов часты войны; воинственность пруссов подчеркивает также Ибн Якуб.

«...И славятся они храбростью; когда приходит к ним войско, то никто не ждет, чтобы к нему присоединился его товарищ... а рубит своим мечем пока не умрет»<sup>28</sup>. В этих условиях, очевидно, часть населения оставалась вооруженной.

Таким образом, время с IX по XI вв., по данным не только археологических, но и письменных памятников, характеризуется как период изживания родового строя. Общество пруссов, в котором отчетливо наметились различные социальные слои, характеризуется постоянными военными столкновениями, столь типичными для последнего этапа существования родового строя.

В X—XI вв. в экономической жизни общества появляется феодальный уклад, что проявляется в возведении замков, выделении гончарства, а возможно, и обработки железа в отрасль ремесла.

Распространению феодализма у пруссов, по-видимому, немало способствовала соседняя Польша, в которой уже в X в. существовала государственность.

В заключение следует подчеркнуть, что археологические памятники юго-восточной Прибалтики I тысячелетия н. э. характеризуют самобытную культуру балтийских племен, тесно связанную с местной культурой предыдущего времени. Они помогают воссоздать картину жизни пруссов, культура которых достигает выдающегося расцвета в первой половине I тысячелетия н. э.

Прогресс в обработке земли, плавка и обработка металла, интенсивные внешние связи способствуют тому, что уже в первых веках н. э. наиболее передовые слои населения юго-восточной Прибалтики вступают в последний период родового общества — период «военной демократии». Это проявляется в значительной имущественной дифференциации, в резком росте вооружений, что находит свое отражение в археологическом материале.

Этот процесс продолжается в течение почти всего I тысячелетия. В памятниках X—XI вв. отчетливо выступает уже феодальный уклад, проявляющийся в сооружении замков, выделении отдельных отраслей домашних производств, в частности гончарного ремесла и т. д.

Стремление показать население юго-восточной Прибалтики до появления здесь Ордена более примитивным и отсталым, чем оно было в действительности, культивировалось в историографии со времени первых хроник крестоносцев. Это идеологически оправдывало завоевание страны, якобы приобщавшее балтийское население к более высокой культуре.

<sup>27</sup> «*Scriptores Rerum Prussicarum*», т. I, стр. 732—733.

<sup>28</sup> Ф. Вестберг. Указ. соч., стр. 146.

Впоследствии теория отсталости экономического и социального строя балтийских племен становится одним из основных утверждений немецкой и прибалтийской буржуазной археологии.

Все сколько-либо выдающиеся явления материальной культуры связывались исключительно с тем или иным внешним влиянием, главным образом германских племен (бургунды, готы, мазурско-германские племена норманны и т. д.). Между тем, археологические памятники, обнаруженные на этой территории, дают возможность воссоздать картину последовательного развития культуры родового общества пруссов, постепенно переходящего в конце I тысячелетия к обществу классовому.

---

## II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

О. Н. БАДЕР

## КАМСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

*(Работы 1953—1954 гг.)*

## 1. РАБОТЫ 1953 ГОДА

Полевые археологические исследования экспедиции 1953 г. проводились двумя группами, в основном в зоне строительства Камской ГЭС (рис. 14).

Первая, верхнекамская группа экспедиции<sup>1</sup> была занята раскопками, завершая шестилетние работы по изучению древних памятников в зоне строительства. (Полевой сезон 1953 г. был последним перед затоплением первоочередной территории).

Подготовка дна будущего «Камского моря», т. е. расчистка его от лесных порослей, позволила попутно с раскопочными работами в низовьях р. Чусовой открыть еще три стоянки бронзовой эпохи к югу от д. Верхние Гари. Одна из них — Бор VI была раскопана.

Древнейшим из исследованных памятников было поселение Боровое озеро III, вскрытое за годы работ (1952—1953) полностью. В 1953 г. на площади в 758 кв. м были изучены еще два жилища — полуземлянки гаринского типа<sup>2</sup>. Обильный каменный и керамический инвентарь, найденный в обоих жилищах, подтверждает отнесение памятника к раннему, гаринскому этапу турбинской культуры<sup>3</sup>.

Другое поселение гаринского этапа, также вскрытое целиком (площадь в 670 кв. м), находилось в урочище «Выстелишна», расположенном в том же районе, ближе к устью Сылвы, на краю боровой террасы<sup>4</sup>.

Здесь оказались два типичных гаринских жилища, соединенных коридором. Кроме того, обнаружено место выделки каменных орудий с очень большим скоплением отбросов производства. Особенностью поселения являются находки свыше 15 медно-бронзовых предметов: в том числе шилья и медная крупная полулунная подвеска.

«Выстелишна» — седьмое и, вероятно, наиболее позднее поселение гаринского этапа, из вскрытых экспедицией.

Интересны два жилища, исследованные в 1953 г. в том же районе — на Малом Боровом озере<sup>5</sup> и поселении Бор VI. Оба они по материалу отно-

<sup>1</sup> В работах приняли участие: В. А. Оборин, М. А. Бадер, С. И. Сметанин, А. И. Чистин, Ю. А. Поляков, М. А. Ланько, Э. М. Медникова, В. И. Митрофанова, И. С. Поносова, Н. Мажитов и другие студенты-археологи.

<sup>2</sup> О. Н. Бадер. Очерк шестилетних работ КАЭ (1947—1952). «Труды КАЭ», вып. 1, 1953.

<sup>3</sup> О. Н. Бадер. Камская археологическая экспедиция в 1952 г. КСИИМК, 55, 1954.

<sup>4</sup> О. Н. Бадер и Э. П. Соколова. Новые стоянки чусовского Прикамья. «Труды КАЭ», вып. 1, 1953.

<sup>5</sup> О. Н. Бадер и Э. П. Соколова. Указ. соч.

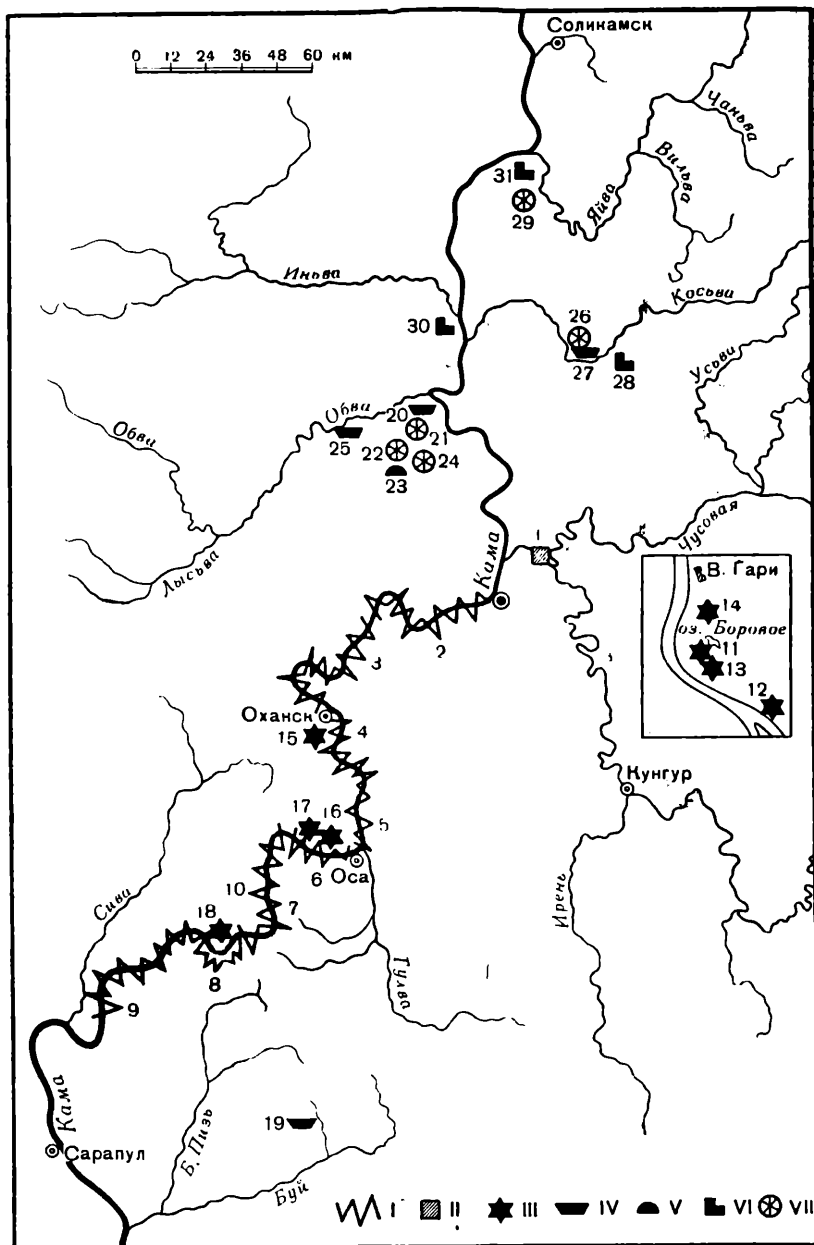


Рис. 14. Карта работ Камской археологической экспедиции в 1953 г.

Условные обозначения:

I — поисковые маршруты; II — вырезка карты, данная в более крупном масштабе (помещена справа); памятники: III — стоянки и поселения; IV — могильники; V — курганные могильники; VI — городища; VII — селища.

Разведки: 1 — по Чусовой близ д. Гари Добрянского р-на; 2 — по Каме до Усть-Качки; 3 — по Каме от Усть-Качки до Оханска; 4 — по Каме от Оханска до Бакаланихи; 5 — по Каме от Бакаланихи до Осы; 6 — по Каме от Осы до Подземляной; 7 — по Каме от Подземляной до Елова; 8 — по Каме от Елова до Бабки; 9 — по Каме от Бабки до Сайгатки; 10 — по правому берегу Камы в районе Раздорных островов.

Раскопки: 11 — поселение Боровое озеро III; 12 — поселение «Выстелишна»; 13 — поселение на Малом Боровом озере; 14 — поселение Бор VI; 15 — поселение Камский Бор I; 16 — Ольховское поселение; 17 — Кама-Жулановское II поселение; 18 — Нижне-Раздорное поселение; 19 — Верх-Савинское погребение; 20 — Скородумский могильник; 21 — Скородумское селище; 22 — Коновалютское селище; 23 — Буржовский курганный могильник; 24 — Зародятское селище; 25 — Демёнковский могильник; 26 — Баяновское селище; 27 — Баяновский могильник; 28 — Лаврятское городище; 29 — Леминское селище; 30 — Кыласовское городище; 31 — Орел-городок.

сятся к позднему, борскому этапу турбинской культуры, оба оказались типа «длинных домов». До этого было раскопано лишь два длинных жилища конца бронзовой эпохи: Боровое озеро VI<sup>6</sup> и Бор III, и устройство их еще далеко не ясно.

Жилище Бор VI (представлявшее собой длинную, пологую впадину на поверхности), имело 21 м в длину и 5 м в ширину. В нем обнаружено два больших очага и характерные ниши в стенах; выходы располагались по двум узким сторонам. Вне жилища остатки культурного слоя почти отсутствовали. Третий очаг располагался снаружи, у одного из выходов.

Жилище на Малом Боровом озере состояло из двух секций: одна из них — четырехугольное, короткое (4 м × 4,5 м) жилище гаринского типа; другая, соединенная с первой коридором, — длинное жилище борского типа. Длина последнего 18 м, ширина 4 м. В длинном жилище было 5 очагов, в короткой пристройке — ни одного. Выходов два, они располагались на противоположных концах. В продольных стенах длинной секции — характерные для жилищ борского типа ниши, расположенные попарно друг против друга.

Жилище на Малом Боровом озере может рассматриваться как переходное от гаринского к борскому типу. Экспедицией были продолжены раскопки Скородумского могильника<sup>7</sup>. Вскрыта еще одна, неглубокая могила с костяком (детским?) очень плохой сохранности. В захоронении найдена медно-бронзовая плоская гривна несколько необычного типа.

На селище Скородум работы были связаны с изучением второго жилища, наметившегося при вскрытии одного из разведочных участков в 1952 г. Раскопки (130 кв. м) показали, что здесь была не искусственно вырытая для жилья яма, а естественное углубление — ложбинка, заполненная культурным слоем.

Собранный здесь инвентарь датируется позднеананьинским временем (рис. 15 и 16).

В том же районе продолжены начатые в 1952 г. раскопки Бурковского могильника, относящегося к харинскому этапу ломоватовской культуры. На площади в 1362 кв. м было вскрыто еще 72 погребения, что вместе с изученными ранее составляет 130 погребений. Таким образом, Бурковский могильник можно считать наиболее полно изученным ритуальным памятником харинского типа.

Неоднородность погребального ритуала (могилы под курганными насыпями и бескурганые) иллюстрирует переход от одного обряда к другому и служит еще одним весьма убедительным доказательством преемственности между харинским и неволинским этапами единой ломоватовской культуры<sup>8</sup>.

подавляющее большинство могил оказалось разграблено, и только три захоронения не тронуты — два женских и одно мужское. В одной из этих могил найдены: серебряная гривна, кожаный пояс с пряжкой и бляшками, кинжал в деревянных ножнах с медной облицовкой, бронзовые подвески в виде медведей, бляшка-конек, много бус, кусок льняной ткани.

В одном из мужских погребений обнаружен железный меч.

К харинскому этапу ломоватовской культуры относится и селище у д. Коновалята, находящееся в 4 км от Бурковского могильника. Культурный горизонт селища совпадает с пахотным слоем до 0,2 м толщиной и залегает на светло-сером суглинке.

<sup>6</sup> О. Н. Бадер. Камская археологическая экспедиция в 1950 году. КСИИМК, XLIX, 1953, стр. 97—103.

<sup>7</sup> О. Н. Бадер. Камская археологическая экспедиция в 1951 г. КСИИМК, 51, 1953.

<sup>8</sup> О. Н. Бадер. Очерк шестилетних работ КАЭ. (1947—1952). «Труды КАЭ», вып. 1.



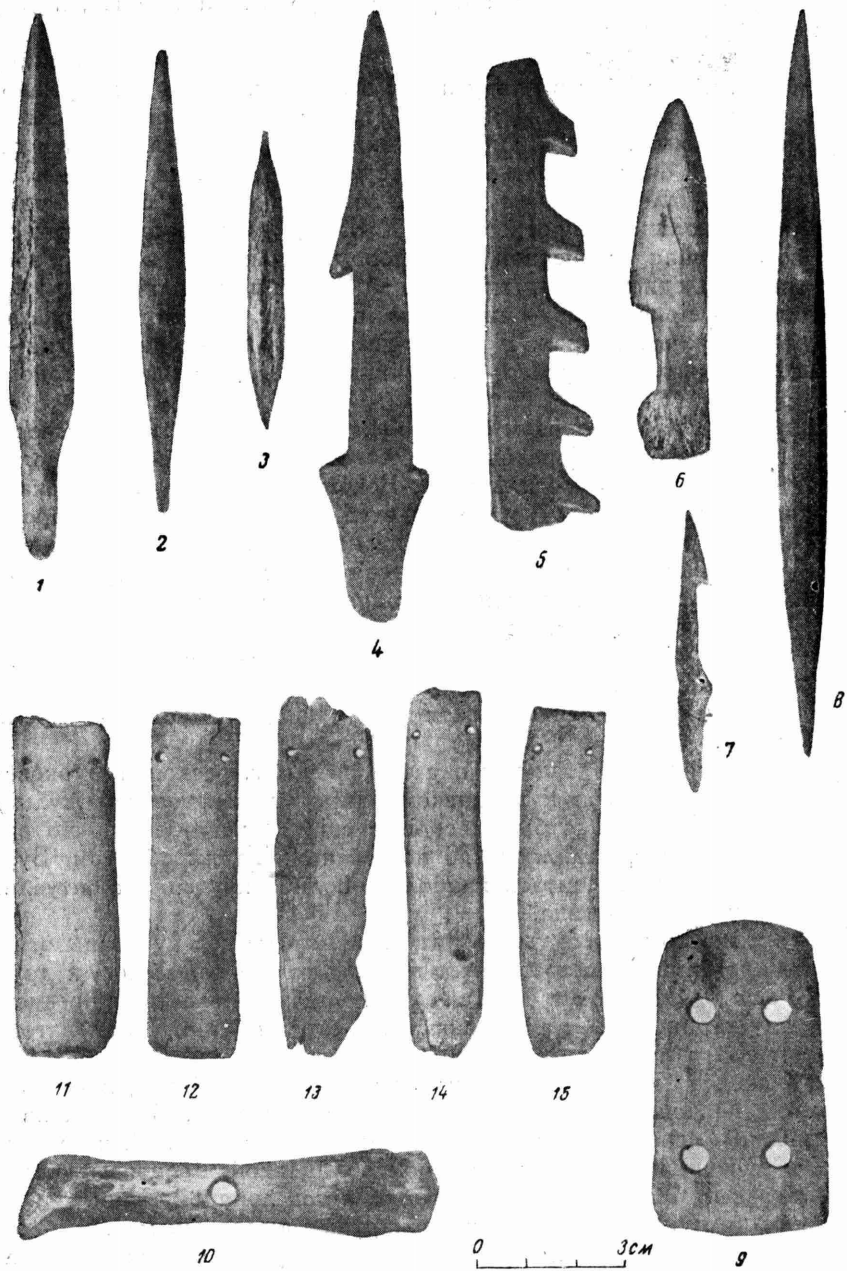


Рис. 15. Костяной инвентарь Skorodumского селища (раскопки 1953 г.).  
 1—10 — костяные орудия; 11—15 — пластины от панцыря.

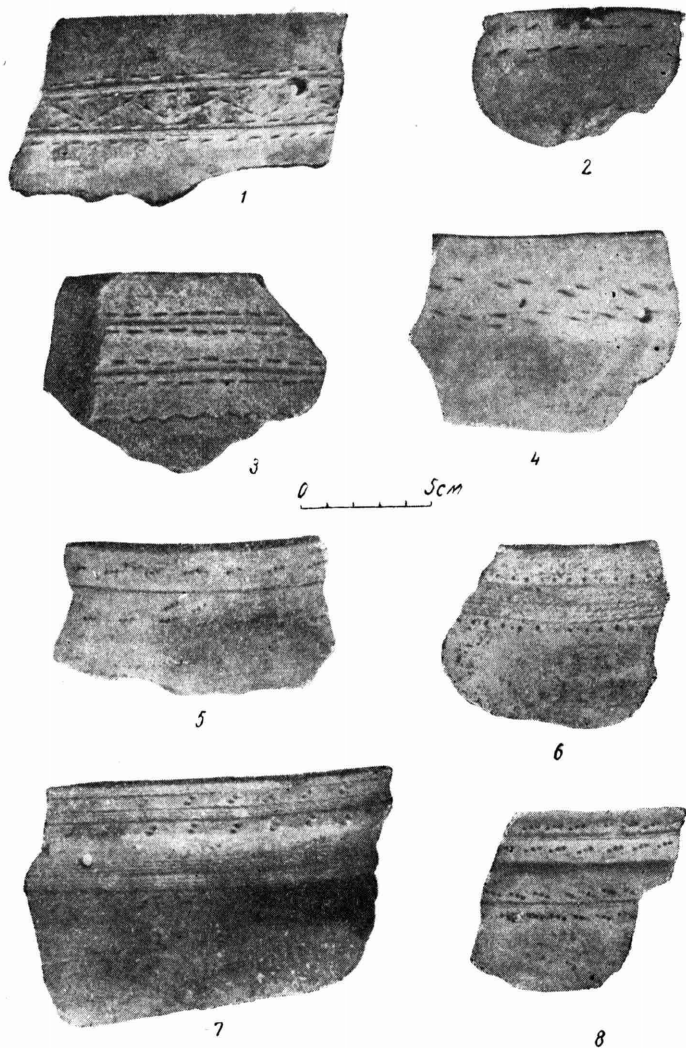


Рис. 16. Керамика Скородумского селища.

1—4 — гляденовский комплекс; 5—8 — ананьинский комплекс.

На вскрытой площади в 2008 кв. м изучено 18 ям, расположенных в северной половине селища. Четыре из них крупные, со следами огня; остальные — без признаков разведения в них огня. Назначение тех и других остается неясным. Кроме того, встречены 3 наземных очага и несколько ям от столбов. Следует предполагать наличие на селище наземных жилищ.

Судя по найденной керамике и вещам, Коновалытское селище можно отнести к харинскому времени (рис. 17—10—14).

В том же районе продолжены раскопки Зародытского селища, относящегося к неволинскому этапу ломоватовской культуры. На вскрытой площади (2548 кв. м) обнаружены остатки еще трех жилищно-хозяйственных комплексов<sup>9</sup>. Очертания сооружений определялись по глубоким канавам, ограничивавшим их с двух противоположных сторон. Следы очагов обна-

<sup>9</sup> См. О. Н. Бадер. Камская археологическая экспедиция в 1952 г. КСИИМК, 55, 1954.

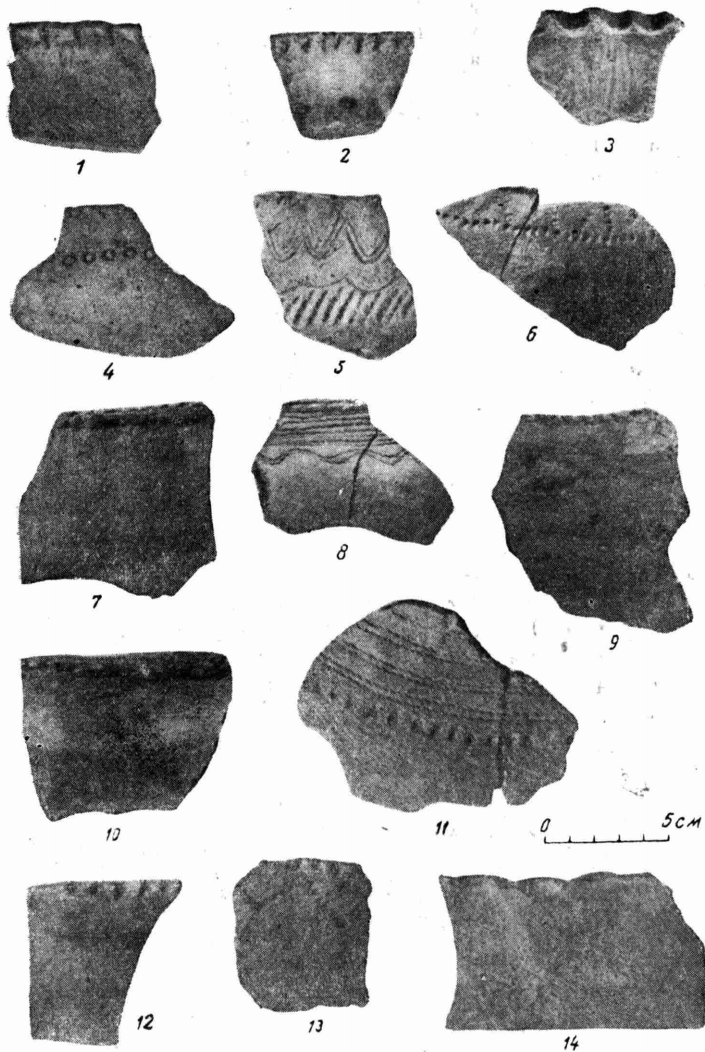


Рис. 17. Керамика, относящаяся к ломоватовской культуре.  
 1—5 — Баяновское селище (VIII в.); 6—9 — Зародятское селище (VI—VII вв.);  
 10—14 — Коновлятское селище (IV—V вв.).

ружены не во всех постройках, что заставляет некоторые из них отнести к числу хозяйственных. Размеры сооружений достигают 22 м × 6—7 м.

Среди находок особенно много глиняной посуды (рис. 17, 6—9), обломков тиглей и костяных игл. Найдены две связки игл по 10 штук в каждой. Можно предполагать, что совпадение числа их в каждой пачке не случайно: не служили ли они товаро-деньгами при обмене?

Научное значение Зародятского селища заключается в том, что оно впервые дает представление о ломоватовских жилищах, наземных и по плану близких раннеродановским.

Четвертым исследованным экспедицией в том же районе памятником I тысячелетия н. э., давшим имя всей ломоватовской культуре, был Демёнковский могильник близ устья Обвы. На вскрытой площади размерами 780 кв. м обнаружено около 150 погребений, залегающих в бескурганых могилах на глубине от 0,25 м до 0,80 м. Ориентировка скелетов на южных

участках раскопа преимущественно северная, на северных — северо-восточная. Погребенные лежат на спине, в вытянутом положении. Большинство могил ограблено. Северная часть могил отличается хорошей сохранностью скелетов: получено несколько целых черепов, что, при отсутствии до сего времени палеоантропологического материала для характеристики ломоватовских племен, представляет исключительный интерес.

Над двумя погребениями (№ 18 и 100) зафиксированы остатки курганных насыпей; инвентарь в них относится к позднехаринскому времени и может быть датирован V в., который необходимо считать начальной датой могильника.

Погребения на южных участках типично неволинские. Здесь найдено несколько монет Хосроя II. Время южной группы захоронений определяется как VI—VIII вв.

Погребения северной группы по инвентарю аналогичны Урьинскому могильнику и датируются VIII—IX вв. В результате раскопок Демёнковского могильника собран богатейший материал, делающий этот памятник основным для позднего этапа ломоватовской культуры в Верхнем Прикамье.

В том же районе, на Камском левобережье, на правом берегу р. Косьвы, у с. Таборы и д. Баяново произведены рекогносцировочные раскопки Баяновского (позднеломоватовского) селища.

Хорошо выраженный культурный слой, достигающий в западной части селища толщины до 0,7 м, необычен для ломоватовских селищ. Это позволяло надеяться на обнаружение обильного материала для характеристики почти не изученных позднеломоватовских поселений<sup>10</sup>.

На вскрытой площади (148 кв. м) не было следов жилищ, обнаружены лишь какие-то очаги с пережженной глиной. Находки однообразны и состоят главным образом из обломков глиняной посуды, небольшого количества костей плохой сохранности, шлаков и пестрых пастовых бус с разводами и глазками, близких бусам из Неволинского могильника.

Время Баяновского селища определяется как конец VIII—начало IX в. н. э.; следовательно оно принадлежит к числу памятников, переходных от ломоватовской к родановской культуре.

Керамика представлена обломками больших круглодонных сосудов, без орнамента, с зашипами по венчику. Внутренняя поверхность обработана мелкой зубчаткой. Посуда делалась из глины с растительными примесями или с примесью небольшого количества мелко-толченой раковины (рис. 17, 1—5). В итоге раскопок, проведенных в течение последних трех лет, изучен ряд памятников, всесторонне характеризующих верхнекамскую группу, относящуюся к ломоватовской культуре, легшей в основу более поздней родановской, в отличие от памятников кунгурской, среднекамской группы, которая в родановское время вошла в иной комплекс — сылвенской культуры, продолжавшей оставаться угорской и преемственно связанной с сылвенскими осянками и башкирами ранних русских письменных источников.

На преемственность между ломоватовской и родановской культурами в Верхоямье указывают материалы Баяновского селища, Демёнковского, Урьинского и Баяновского могильников.

На Баяновском могильнике<sup>11</sup> в 1953 г. дополнительно вскрыто 10 погребений (на 48 кв. м площади). В одном из них, наиболее глубоком, древнейшем, обнаружены остатки колоды (?) и позднеломоватовский инвентарь, который можно датировать концом VIII—началом IX в.

<sup>10</sup> О. Н. Бадер. Очерк шестилетних работ КАЭ. (1947—1952). «Труды КАЭ», вып. 1, 1953.

<sup>11</sup> В. А. Оборин. Баяновский могильник на р. Косьве. т. IX, вып. 3, 1953.

В большинстве случаев были четко выражены прямоугольные очертания могильных ям от 0,50 до 0,75 м глубиной. Костяки ориентированы на север и северо-запад, сохранность их плохая.

По инвентарю выделяется несколько погребений воинов с боевыми тпорами и кинжалами и одно — конного воина с однолезвийным мечом, кинжалом, богатым поясом, железным стремяном и удилами. В двух мужских погребениях сохранились серебряные маски. Среди женских также встречены богатые погребения.

Керамика Баяновского могильника близка к керамике соседнего Лаврятского городища.

Могильник существовал от конца VIII до начала XI в.

Лаврятское городище, расположенное неподалеку, на левом берегу Косьвы, имеет большое значение для периодизации памятников родановской культуры, так как оно является ранним и связано с соседним Баяновским могильником — богатейшим раннеродановским могильником загарского типа, выделенного еще А. А. Спицыным и А. В. Шмидтом.

На городище в 1953 г. было вскрыто 232 кв. м. Культурный слой, толщиной от 0,70 до 1,5 м, подразделяется на два горизонта. Первый горизонт, толщиной всего 0,20—0,25 м, залегающий в основании слоя, имеет коричневый оттенок; он перекрыт насыпью вала, что позволяет выделить в нем остатки древнейшего селища. Керамика этого горизонта аналогична керамике Баяновского позднеломатовского селища. Кроме того, собраны обломки низких тонкостенных сосудов, украшенных шнуровым орнаментом.

Здесь же найдены железные листовидные стрелы, бывшая в употреблении литейная формочка для отливки колесовидных блях позднеломатовского типа, две бляхи — идолы, близкие позднеломатовским усть-кшертским, и кости животных.

Дата нижнего горизонта — конец VIII—IX в. Видимб, селище существовало одновременно с Баяновским, но последнее было покинуто в IX в., Лаврятское же превращено в городище.

Верхний горизонт культурного слоя интенсивно черной окраски; в нем исследован большой глинобитный очаг с мощными прослойками золы. По краям очага располагались две квадратные ямы (1 м × 1 м) со стенками, зашитыми досками. В одной из ям оказалось обугленное зерно (ячмень и пшеница)<sup>12</sup>, в другой — обломки нескольких небольших сосудов, наполненных маленькими обожженными глиняными шариками (более 1000 штук).

У очага найдены шлаки, льячки и много обломков посуды. Видимо, этот очаг был производственного назначения, аналогичный такому же очагу на Кыласовом городище<sup>13</sup>, расположенному также у вала.

Интересны найденные в этом горизонте орудия труда, связанные с земледелием и переработкой его продуктов: железный серп, зернотерка, жернов. Кроме того, встречены железные и костяные наконечники стрел; многочисленны изделия из кости, особенно хороша резная кость, в том числе незаконченный костяной гребень с коньками.

Для датировки важны две бронзовые шумящие подвески — арочные, сложные, с плетенкой; они определяют наиболее позднюю дату городища — XII век.

Глиняная посуда верхнего горизонта подразделяется на два типа. Тип А представлен крупными круглодонными, толстостенными сосудами из глины с примесью крупнотолченой раковины; поверхность обработана грубо; венчик украшен зашипами. Тип Б — тонкостенные круглодонные же сосуды, выделанные из глины с примесью крупнотолченой раковины. Со-

<sup>12</sup> По определению А. Н. Пономарева (Пермский университет).

<sup>13</sup> О. Н. Бадер. Камская археологическая экспедиция в 1951 г. КСИИМК, 51, 1953.

суды украшены шнуровым орнаментом и аналогичны посуде из Баяновского могильника.

Таким образом, Лаврятское городище, выросшее на месте позднеломоватовского селища, окончило существование в XII в. Вместе с Баяновским могильником оно весьма полно характеризует ранний, лаврятский этап родановской культуры в Верхнем Прикамье.

В 1953 г. экспедицией был вскрыт пробный раскоп в 16 кв. м на родановском Леминском селище X—XI вв. на р. Яйве.

На Кыласовом (родановском) городище площадь раскопов была увеличена на 352 кв. м в западном направлении.

В нижнем слое, относящемся к раннему, лаврятскому этапу родановской культуры, найдена железная мотыга, в верхнем — два железных ральника. В верхнем же слое, относящемся к позднему, рождественскому этапу, обнаружены следы жилища, ямы с зерном (в одном случае размолотым в виде крупы) и многочисленные предметы, повторяющие и дополняющие ранее собранную здесь обширную коллекцию. Особо интересны 3 костяные ремизки от ткацкого стана.

Экспедицией были продолжены начатые в 1952 г. раскопки русского Орла-городка XVI—XVII вв.<sup>14</sup> Вскрыто 1870 кв. м в направлении от продольного берегового разреза, сделанного в предыдущем году, вглубь городища. Три смежных раскопа заняли общую площадь свыше 1000 кв. м.

В нижнем слое (вторая половина XVI—начало XVII в.) доисследована целая усадьба резчика по кости, обнесенная частоколом из горбыля: изба, крытая берестой, сарай и баня.

В верхнем слое (XVII в.) докопан фундамент храма, сложенный из крупных камней и надстроенный кирпичом на известковом растворе.

Начато исследование остатков большого здания — видимо хором Строгановых; каменные фундаменты со сваями под ними, с большим количеством угля и обожженными изразцами.

Изучено еще несколько жилых изб и производственных построек.

Собран богатейший комплекс вещей, характеризующий материальную культуру русских поселений XVI—XVII вв. в Приуралье, для которых характерны элементы культуры местного коми-пермяцкого населения<sup>15</sup>.

Вторая, среднекамская группа экспедиции провела в 1953 г. исследование обоих берегов Камы в зоне проектируемой Воткинской ГЭС<sup>16</sup> и осуществила раскопки четырех стоянок бронзовой эпохи.

Берега Камы между г. Пермью и с. Сайгатской почти не были затронуты археологическими исследованиями. Это особенно ярко отразилось в недавно опубликованной И. А. Талицкой археологической карте Прикамья<sup>17</sup>.

В 1953 г. семь разведочных отрядов экспедиции произвели первое сплошное обследование берегов Камы на указанном отрезке. Открыты и описаны 76 археологических памятников; из них, по предварительным данным, один может быть отнесен к мезолитической эпохе, 4 — к неолитической, 15 — к эпохе бронзы, 10 — к ананьинской культуре, один — к гляде-

<sup>14</sup> В. А. Оборин. Раскопки Орла-городка на р. Каме. КСИИМК, 55, 1954.

<sup>15</sup> В. А. Оборин. Орел-городок — русский опорный пункт в Прикамье (XVI—XVII вв.). 1957.

<sup>16</sup> По договору с Отделением по проектированию Большой Волги института Гидроэнергопроект. В работах приняли участие: М. А. Бадер, Э. П. Соколова, А. М. Шинкина, А. В. Кокорев, В. А. Могильников, Б. Х. Кадиков, Ф. И. Петровых, Г. Матеева, Ю. А. Поляков, В. С. Крылов и др.

<sup>17</sup> И. А. Талицкая. Материалы к археологической карте бассейна р. Камы. МИА, № 27, 1952; см. также О. Н. Бадер. Камская археологическая экспедиция 1949 году. КСИИМК, XXXIX, 1951, стр. 89—95; О. Н. Бадер. Очерк шестилетних работ КАЭ (1947—1952). 1953. Оба последних маршрута не нашли своего гражения на карте И. А. Талицкой.

новской, 5 — к ломоватовской, на четырех обнаружены остатки русских поселений и 36 памятников относятся к эпохе железа, но пока не могут быть датированы точнее.

Перечисленные памятники, так же как и ранее обследованные (в 1946 и 1951 гг.), расположены в обширном почти не изученном крае и представляют большой интерес (рис. 18).

Среди наиболее ранних памятников, в первую очередь, подлежит исследованию местонахождение кремневых отщепов и ножевидных пластин, за лежащих в террасовом аллювии, в тонком слое погребенной почвы близ д. Заозерье, в 6 км ниже Усть-Качки, на левом берегу Камы. Условия залегания и отсутствие керамики определяют памятник как возникший в донеолитический период.

Очень интересна энеолитическая стоянка у поселения Усть-Паль, по керамике аналогичная стоянке Боровое озеро I на Чусовой.

Многочисленные стоянки бронзовой эпохи уже подвергнуты рекогносцировочным раскопкам; на четырех из них (напротив Раздорных островов ниже Елова и у пос. Кама-Жулановская)<sup>18</sup> исследованы одиночные жилища — полуземлянки гаринского типа, со слабо выраженными очагами или без них, что рисует картину недолговременного, вероятно сезонного, заселения.

На десяти новых поселениях (из них 8 селищ), относящихся к ананьинской культуре, при разведках собран обширный материал, что определяет важность изучения ананьинских памятников на среднем отрезке течения Камы, игравшем, по нашему мнению, основную роль в процессе сложения этой культуры. Особенно интересна группа ананьинских селищ близ д. Першино Оханского района, известных по старым находкам двух бронзовых кельтов и копья<sup>19</sup> и не отмеченных на карте И. А. Талицкой.

Позднейшие памятники железной эпохи составляют подавляющее большинство среди обследованных в 1953 г. Но лишь некоторые из них определяются как гляденовские, ломоватовские или русские; большая же часть их — это различной величины и формы городища, столь бедные находками, что культурную принадлежность определить невозможно. Однако эти многочисленные городища едва ли не наиболее интересны, ибо изучение их позволит осветить проблему происхождения народов Прикамья (и в том числе, надо полагать, удмуртов).

Необходимо указать, что с названного отрезка Камы в местных и центральных музеях отсутствуют находки предметов X—XIV вв., на что обратил в свое время внимание М. В. Талицкий<sup>20</sup>, высказавший на этом основании предположение о незаселенности Средней Камы в болгарскую эпоху. Однако открытия многочисленных послепермских городищ часть которых характеризуется керамикой ломоватовского и близкого ей типа, опровергает гипотезу М. В. Талицкого.

Культура, возникающая здесь, отличалась от родановской культуры древних коми-пермяков. Надо полагать, она возникла на базе ломоватовской и наиболее близка ей (в особенности по керамике), благодаря чему эти памятники, известные нам пока лишь по незначительным разведочным сборам, еще не могут быть отделены от ломоватовских.

Наше предположение находит подтверждение в группе памятников

<sup>18</sup> Б. Г. Тихонов. Кама-Жулановская стоянка бронзовой эпохи на Средней Каме 1953

<sup>19</sup> А. А. Спицын. Древности камской чуди по коллекции Теплоуховых. МАИ № 26, 1902, табл. XXXV, фиг. 20, 24, 25; Ф. А. и А. А. Теплоуховы. Собрание древностей пермской чуди наследников Александра Ефимовича Теплоухова. Каталог археологической выставки в Перми. Пермь, 1894, стр. 60.

<sup>20</sup> М. В. Талицкий. Верхнее Прикамье в X—XIV вв. МИА СССР, № 22, 1951

болгарского времени, недавно выявленных работами кунгурского отряда Камской археологической экспедиции (В. Ф. Генинг) в бассейне р. Сылвы. Основными памятниками этой своеобразной культуры, названной сылвенской и хорошо датируемой послеломоватовским временем, можно считать городище Лобач на Сылве и могильник у Селянина озера близ Кунгура<sup>21</sup>.

Одной из характерных черт сылвенской культуры является ее тесная генетическая связь с предшествующей ломоватовской. Об этом красноречиво свидетельствует сылвенская керамика, сохраняющая все предшествующие ей позднеломоватовские, неволинские формы (круглодонные сосуды с резким переходом от плечиков к шейке и сосуды переходной формы от круглодонного горшка к чаше). Чрезвычайно близка сылвенская и неволинская керамика и по орнаменту. Разница заключается главным образом в составе глиняного теста: в примеси крупнотолченой раковины и гальки в сылвенской керамике, совершенно отсутствующей в ломоватовской, неволинской.

Принимая во внимание доводы, приведенные нами в пользу угорского происхождения пришлого компонента ломоватовских племен<sup>22</sup>, а также заселенность бассейна Сылвы и некоторых районов Средней Камы уграми еще в XVI в., фиксированную русскими письменными источниками (Писцовые книги, «Житие Трифона Вятского»), возможно и население городищ Сылвы и смежных районов Средней Камы считать угорским.

Ломоватовская культура возникла в результате смещения пришлых угорских племен с местными гляденовскими. Образовавшаяся в IX—X вв. на базе ломоватовской своеобразная родановская культура Верхнего Прикамья демонстрирует преобладание местных культурных элементов над пришлыми, коми-пермяцкий язык одержал победу (как местный язык пермско-финской группы) над угорским языком, оставившим все же известный след в верхнекамской топонимике. В то же время на Средней Каме и Сылве, где приток угорского этнического элемента был более значительным, культура сохранила до середины II тысячелетия черты очень большого сходства с ломоватовской, а при языковом скрещении сдержал победу угорский язык, на котором говорили сылвенские, иренские и шаквинские остяки, известные по письменным источникам XVI и XVII вв., и остатки остяков и вогуличей в области Средней Камы.

Помимо разведочных работ на Средней Каме в 1953 г., вновь проводились рекогносцировочные раскопки на стоянках бронзовой эпохи.

Близ Оханска, в местности Камский Бор изучена полуземлянка гаринского типа, с двумя очагами близ выходов, с керамикой и каменным инвентарем, сходным с позднегаринским. Но признаков других жилищ на стоянке не оказалось.

Были также вскрыты одно из двух жилищ-впадин на стоянке Кама-Жулановская II, расположенной близ мезолитической стоянки, и жилища бронзовой эпохи на стоянке Кама-Жулановская I Осинского района<sup>23</sup>. Здесь раскопан 168 кв. м и изучено жилище гаринского типа, углубленное в землю на 0,5—0,7 м, размерами 7,5 × 7 м, с двумя противоположными выходами и двумя очагами. Обнаруженный инвентарь сходен с инвентарем со стоянки Камский Бор, близ Оханска.

Следует упомянуть еще одно жилище. Оно вскрыто на Нижне-Раздорном поселении, в Еловском районе, напротив Раздорных островов. Жилище оказалось одиночным. Интересная особенность его — обилие остатков медных предметов — 6 экземпляров. В остальном находки Нижне-Раздорной стоянки (с площади 145 кв. м) схожи с гаринско-бор-

<sup>21</sup> О. Н. Бадер. Очерк шестилетних работ КАЭ (1947—1952). 1953.

<sup>22</sup> Там же.

<sup>23</sup> Б. Г. Тихонов. Указ.



скими, как и на всех остальных известных нам в настоящее время поселениях бронзовой эпохи на Средней Каме.

Таким образом, за последние три года экспедицией изучено здесь шесть жилищ гаринского типа, но все они (исключая, быть может, Кама-Жулановское II) — одиночные, некоторые без очагов и должны расцениваться как сезонные, промысловые жилища. Поиски постоянных поселений среднекамских племен II тысячелетия — одна из очередных задач экспедиции.

По соседству, у пос. Ольховка произведены раскопки остатков древней стоянки, где при предварительном обследовании найдены кремневые орудия микролитического облика. Но собранный на площади в 82 кв. м материал почти целиком относится ко II тысячелетию до н. э.; лишь незначительная часть кремневого инвентаря может быть причислена к остаткам бедного мезолитического становища, некогда существовавшего на этом месте.

Среди работ экспедиции необходимо упомянуть и раскопки на месте находки предметов бронзовой эпохи у с. Верх-Сава Куединского района. Здесь, на Красной горе, Ф. А. Макаровым в 1918—1919 гг. была вскрыта древняя могила, где обнаружены кости человека, глиняный узкогорлый сосуд шаровидной формы, каменный сверленный полированный топор-молот, кремневый клиновидный топор с зашлифованным лезвием, проушный медный топор, по-видимому, с вислым обухом, медный наконечник стрелы или массивное шило и клык какого-то крупного животного. Вещи оказались утраченными и стали известны нам по рисункам Ф. А. Макарова.

В 1953 г. экспедицией была доисследована могила, указанная Ф. А. Макаровым, и зафиксированы ее очертания. Глубина ее превышала 2 м; судя по длине ямы, в ней мог располагаться скелет в скорченном положении. На дне ее найдены несколько мелких костей человека, в том числе с зелеными пятнами меди. Обнаружен также фрагмент шейки разбитого при первой находке сосуда и явно искусственный кремневый отщеп, не представляющий редкости в могилах балановской культуры.

На прилегающем к могиле мысу Красной горы экспедицией вскрыта площадь в 456 кв. м, но никаких признаков других погребений обнаружить не удалось; первая могила оказалась одиночной.

Несмотря на территориальную близость к стоянке у Раздорных островов (всего 70—80 км), Верх-Савинское погребение не может быть отнесено к числу погребений сейминско-турбинского типа. Найденный инвентарь обнаруживает несомненную близость к инвентарю могильников с бомбовидной керамикой и сверлеными боевыми топорами. Это придает памятнику, открытому Ф. А. Макаровым, особый интерес.

Шаровидные сосуды, сверленные топоры-молоты и клиновидные кремневые топоры являются неперменной принадлежностью могильников западных культур Северной и Средней Европы и, прежде всего, балановской и фатьяновской. В погребениях, относящихся к последним двум из названных культур, часто встречаются и клыки медведя, и кремневые отщепы; для этих захоронений свойственна и скорченная (на боку) поза умерших.

Подобные могильники впервые обнаруживаются не только в Прикамье, но и на левобережье Средней Волги вообще. Но присутствие их здесь не является полной неожиданностью благодаря частым находкам сверленных топоров-молотов в бассейне Нижней Камы и Вятки, отмеченным Европеусом<sup>24</sup>, Ефимовой<sup>25</sup> и другими авторами. Обилие этих орудий на ука-

<sup>24</sup> Aarne Ayräpää. Über die Streitaxkulturen Russland. ESA, VIII, Helsinki, 1933.

<sup>25</sup> А. М. Ефимова. Сверленные молоты. (Из коллекции Гос. музея Татарской АССР). КСИИМК, XXXVI, 1951, стр. 170—171.

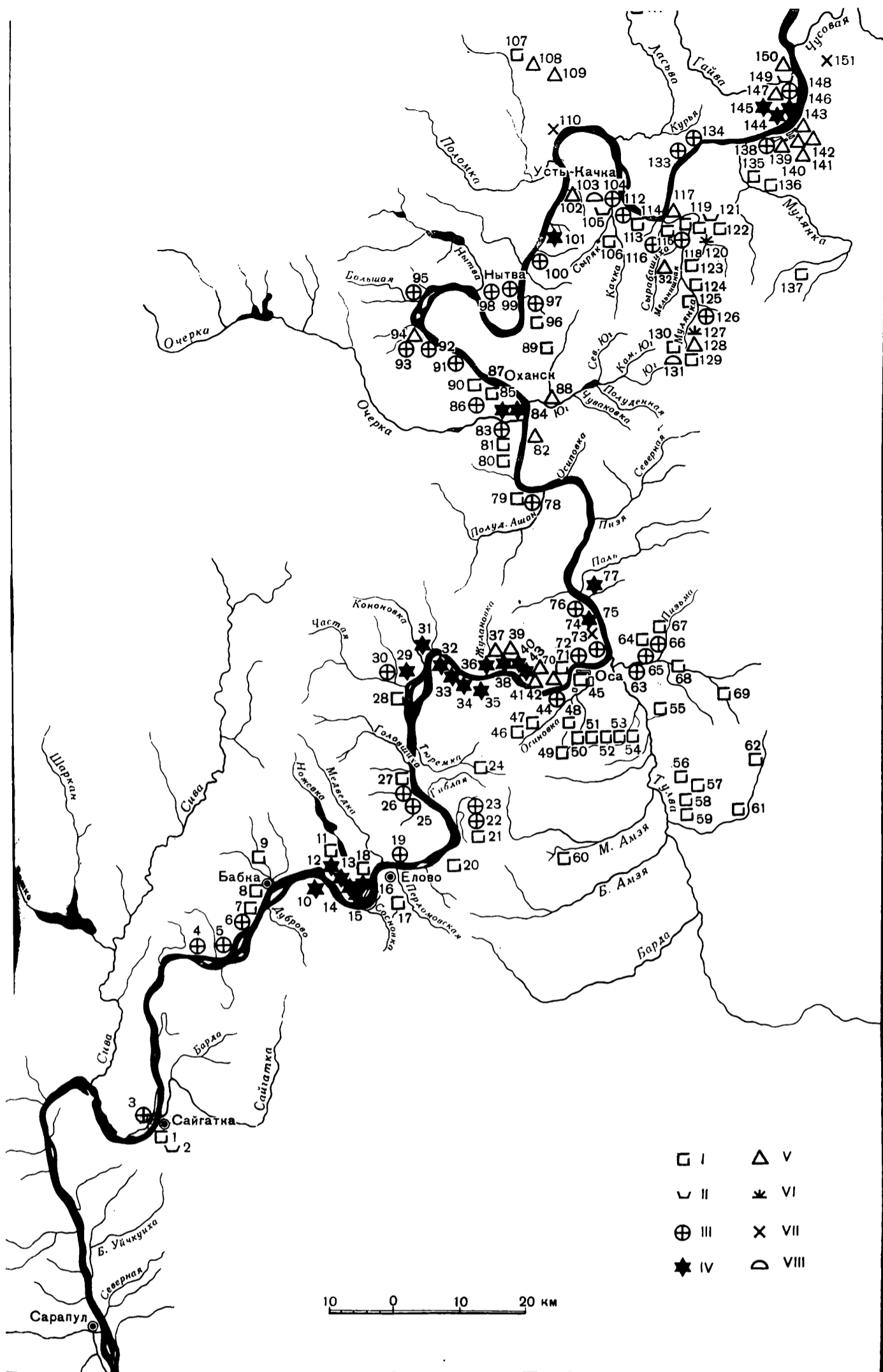


Рис. 18. Схематическая карта археологических памятников Средней Камы (по данным 1953 г.).

— городища; II — могильник; III — селище; IV — стоянка; V — отдельные находки; VI — кости; VII — находки ископаемой фауны; VIII — курганный могильник. Перечисленные ниже памятники, для которых дано только название, относятся к эпохе железа.

1 — Сайгатское городище; 2 — Сайгатский могильник; 3 — Волковское селище; 4 — Заболотовское аманьинское селище; 5 — Гамское селище; 6 — Степановское селище; 7 — Степановское городище; 8 — Бабкинское городище; 9 — Северное городище; 10 — Стоянка «Толстик» бронзовой эпохи; 11 — Пьянковское городище; 12 — Устьинская стоянка бронзовой эпохи (?); 13 — Сенная неолитическая стоянка; 14 — Нижераздорная стоянка бронзовой эпохи; 15 — Раздорная I стоянка бронзовой эпохи; 16 — Раздорная II стоянка бронзовой эпохи; 17 — Калининское городище; 18 — Городище «Красная Горка»; 19 — Еловское аманьинское селище; 20 — Березовское городище; 21 — Крюковское городище; 22 — Крюковское I селище; 23 — Крюковское II селище; 24 — Гиблинское городище; 25 — Зиневское селище; 26 — Лепеталовское аманьинское селище; 27 — Махонинское городище; 28 — Ерзовское ломоватовское городище; 29 — Ерзовская стоянка бронзовой (?) эпохи со следами аманьинско-пьяноборской (?) культуры; 30 — Ерзовское селище; 31 — Мезолитическая (?) стоянка «Баской Лог», перекрытая аманьинским слоем; 32 — Подземлянская стоянка; 33 — Смоло куренная III стоянка бронзовой эпохи; 34 — Смолокуренная II неолитическая (?) стоянка; 35 — Смолокуренная I стоянка бронзовой эпохи; 36 — Кама-Жулановская I стоянка мезолитической эпохи; 37 — Кама-Жулановское местонахождение бронзовой (?) эпохи; 38 — Кама-Жулановская II стоянка бронзовой эпохи; 39 — Ольховское мезолитическое (?) местонахождение; 40 — Ольховская мезолитическая стоянка; 41 — Первомайская стоянка бронзовой эпохи; 42 — Первомайское I местонахождение бронзовой (?) эпохи; 43 — Первомайское II местонахождение бронзовой (?) эпохи; 44 — Десятковское русское селище; 45 — Осинское городище, перекрытое русским слоем (Никольская лобода); 46 — Подгороднищенское I городище; 47 — Подгороднищенское II городище; 48 — Сергеевское городище; 49 — Ивановское городище; 50 — Мало-Никольское I городище; 51 — Мало-Никольское II городище; 52 — Больше-Никольское I городище; 53 — Больше-Никольское II городище; 54 — Туганское городище; 55 — Ирьяское городище; 56 — Ново-Александровское городище; 57 — Верх-Чермодинское II городище; 58 — Верх-Чермодинское I городище; 59 — Нижне-Чермодинское городище; 60 — Федорковское городище; 61 — Нижне-Чокурское городище; 62 — Кузнецкое городище; 63 — Горское селище; 64 — Драчевское городище; 65 — Драчевское I селище; 66 — Драчевское II селище; 67 — Тымтырское городище; 68 — Городищенское городище; 69 — Подгорневское городище; 70 — Подмонастырское местонахождение кремневой нуклеуса эпохи неолита или бронзы; 71 — Подмонастырское городище; 72 — Кочешанское селище; 73 — Богомягковское селище; 74 — Гольянское местонахождение четвертичной фауны; 75 — Гольянская стоянка бронзовой эпохи; 76 — Селище у Осинского дома отдыха; 77 — Усть-Пальская неолитическая стоянка; 78 — Камское селище, перекрытое русским слоем; 79 — Камское городище с остатками русского селения и предполагаемым более древним подслоем; 80 — Окуловское городище; 81 — Осинское городище; 82 — Забойинское местонахождение кремня; 83 — Подскопное селище; 84 — Стоянка Камский Бор I бронзовой эпохи; 85 — Стоянка Камский Бор II; 86 — Шалашиное селище; 87 — Горно-Луговое (Безмянное) городище; 88 — Местонахождение на Костяной Горе; 89 — Котовское городище; 90 — Вязниковское городище; 91 — Шабаршинское селище; 92 — Першинское I аманьинское селище; 93 — Першинское II аманьинское селище; 94 — Першинское местонахождение медно-бронзовых кельтов и копья аманьинского типа; 95 — Плетневское аманьинское селище; 96 — Лоанское городище; 97 — Хмелевское аманьинское селище; 98 — Песьянское I селище; 99 — Песьянское II селище; 100 — Больше-Вятское аманьинское селище; 101 — Заозерская мезолитическая стоянка; 102 — Усть-Качкинское местонахождение кремневого скребка; 103 — Качкинский курганный могильник харинского типа; 104 — Верх-Качкинское ломоватовское (?) селище; 105 — Деминский ломоватовский могильник; 106 — Верх-Качкинское городище; 107 — Новопаинское (Ленинское) городище; 108 — Шабунинское местонахождение предметов позднего железного века; 109 — Черновское местонахождение гляденовской эпохи; 110 — Концеборское местонахождение четвертичной фауны; 111 — Аманьинское городище; 112 — Дворцово-Слаудское аманьинское селище; 113 — Мало-Слаудское городище; 114 — Местонахождение каменных орудий у с. Нижние Мулаы; 115 — Федотовское городище гляденовской культуры; 116 — Петровское аманьинское селище; 117 — Половинное городище; 118 — Половинное аманьинское селище; 119 — Гляденовское аманьинско-гляденовское городище; 120 — Гляденовские кости; 121 — Гляденовский аманьинский (?) могильник; 122 — Кичавское ломоватовское (?) городище; 123 — Городище Алтен-Тау с аманьинскими и ломоватовскими остатками; 124 — Городище Аджил-тау ломоватовского (?) времени; 125 — Мохинское гляденово-ломоватовское городище; 126 — Башкулатовское ломоватовское селище; 127 — Топасинское костище; 128 — Топасинское местонахождение кремня; 129 — Городище «Вал» ломоватовского времени; 130 — Саатанайское харинское (?) городище; 131 — Саатанайский курганный могильник харинского (?) типа; 132 — Аникинское погребение животного; 133 — Нижне-Курынское II селище; 134 — Нижне-Курынское I селище; 135 — Субботинское II городище аманьинско-гляденовского (?) времени; 136 — Субботинское I городище ломоватовского (?) времени; 137 — Кояновское (Тасимовское) городище; 138 — Балашинское аманьинское селище; 139 — Пермское местонахождение серебряного предмета; 140 — Пермское местонахождение каменного топора; 141 — Пермское местонахождение медно-бронзового кельта; 142 — Пермский клад XII—XIII вв.; 143 — Местонахождение на Вышке над р. Егошиной; 144 — Верхне-Курынская I стоянка бронзовой эпохи; 145 — Верхне-Курынская II стоянка бронзовой эпохи; 146 — Верхне-Курынская III стоянка бронзовой эпохи; 147 — Верхне-Курынское местонахождение кремневых осколков; 148 — Усть-Гайвинское ломоватовское селище; 149 — Усть-Гайвинский могильник турбинской культуры; 150 — Подгремячское местонахождение медного копья турбинской культуры; 151 — Местонахождение четвертичной фауны при строительстве камской плотин, ниже нее.

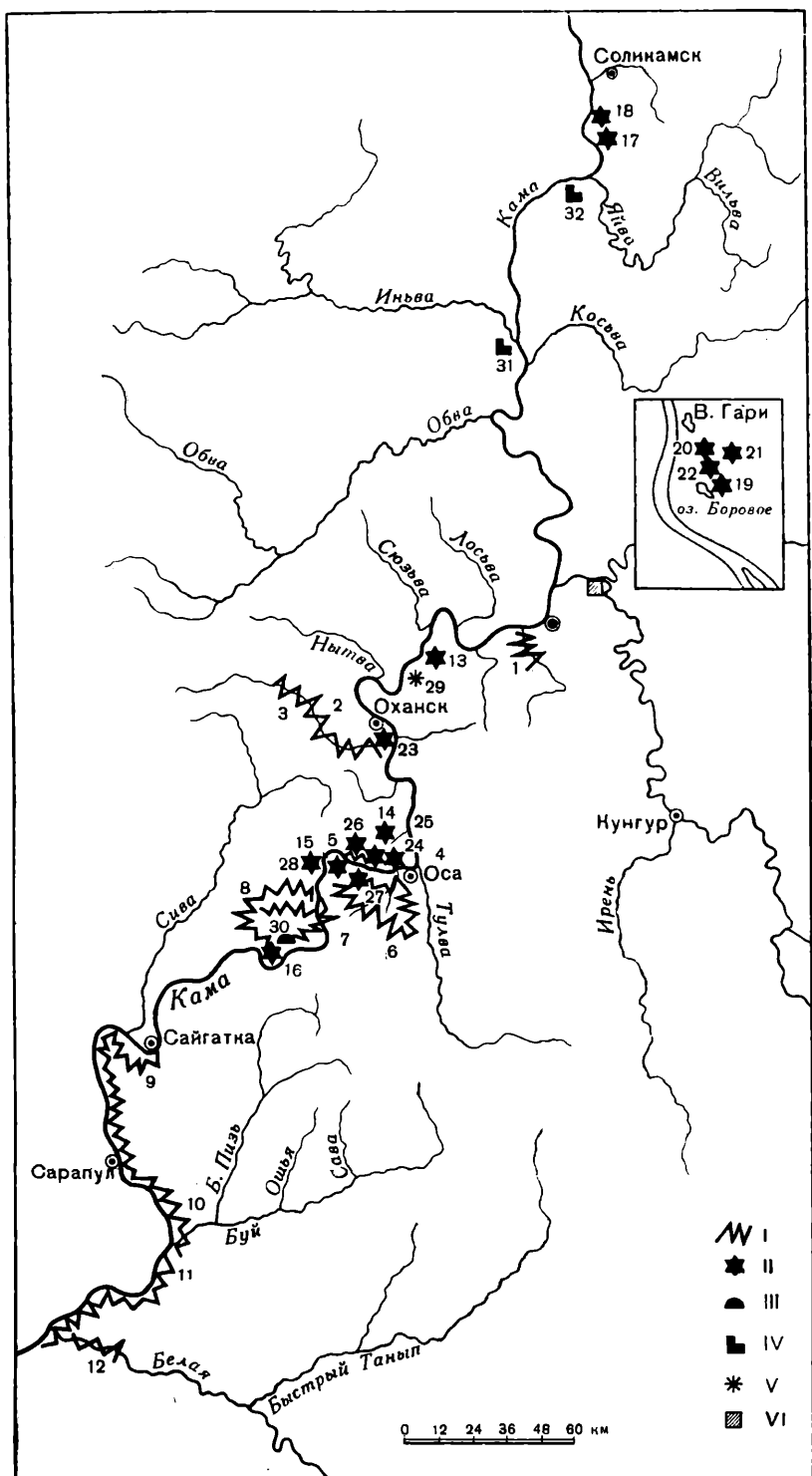


Рис. 19. Карта работ Камской археологической экспедиции в 1954 г.

I — разведочные маршруты; II — стоянки; III — курганы; IV — городища; V — селища; VI — вырезка карты, данная в более крупном масштабе.

Разведки: 1 — по р. Нижней Мулянке, в ее нижнем течении; 2 — по правому берегу Камы, в южных окрестностях г. Оханска; 3 — по р. Очеру от г. Очера до устья; 4 — по р. Тулве близ устья; 5 — по правому берегу р. Камы между пос. Кама-Жулановским и Первомайским; 6 — по левому берегу Камы в Осинском районе; 7 — по левому берегу Камы у речек Тюремки и Гиблой и по правому берегу до Раздорной волочки; 8 — по левому берегу Камы; 9 — по левому берегу Камы от с. Сайгатки до г. Сарапула; 10 — по левому берегу Камы от г. Сарапула до с. Никола-Березовки; 11 — по левому берегу Камы от с. Никола-Березовки до устья Белой; 12 — по р. Белой от устья до Саузова (правый берег) и Ямалина (левый берег). Раскопки (по эпохам): 13 — Заозерская мезолитическая стоянка; 14 — Ольховско-Первомайская мезолитическая стоянка; 15 — «Барская Пристань» — мезолитическая стоянка; 16 — Верхне-Раздорная мезолитическая стоянка; 17 — Хуторская неолитическая стоянка; 18 — Чашкинская неолитическая стоянка. Эпоха бронзы: 19 — поселение Боровое озеро II; 20 — поселение Бор V; 21 — поселение Бор VII; 22 — поселение Бор III; 23 — поселение Камский Бор II; 24 — Первомайское поселение; 25 — Ольховское поселение; 26 — Кама-Жулановское II поселение; 27 — поселение «Басенский Борок»; 28 — Ерзовская стоянка; 29 — Большеветское селище; 30 — Курганские насыпи против вершины ВерхнеРаздорного острова; 31 — Кыласовское городище; 32 — Орел-городок.

занной территории, находки не законченных выделкой экземпляров<sup>26</sup> позволяют отрицать возможность их импортного происхождения.

О принадлежности рассматриваемых памятников в Прикамье балановской, а не фатьяновской культуре, можно судить не только по непосредственному соседству их с ранее выявленной территорией распространения балановской культуры на Средней Волге, но и по ряду других соображений. Наиболее обычная для Прикамья простая форма сверленных топоров, названная В. А. Городцовым (1915) обушковым типом, хорошо представлена в материалах Балановского могильника<sup>27</sup>. Лопастные топоры, столь характерные для фатьяновской культуры Верхнего Поволжья, встречаются очень редко. Зато относительно хорошо представлены топоры с изогнутой лобной стороной, имеющиеся также в Баланове.

Таким образом, в древней истории южной половины Прикамья является новая, чрезвычайно интересная страница, иллюстрирующая проникновение сюда с запада племен, принадлежащих к обширному этно-культурному массиву, связанному близостью культуры и, вероятно, происхождения. Для материальной культуры этих племен характерны боевые сверленные топоры-молоты и сосуды шаровидной формы. Принадлежали ли прикамские племена того времени к балановской или к иной близкой ей культуре, покажут дальнейшие исследования. К этой странице ранней истории Прикамья следует отнести и такие позднебронзовые памятники, как Маклашевский второй могильник, а также, вероятно, связать с ней последующее распространение между Уралом и Волгой памятников абашевской культуры.

## 2. РАБОТЫ 1954 ГОДА

1954 год был восьмым сезоном работ Камской археологической экспедиции. Он прошел под знаком завершения многолетних исследований на Верхней Каме (в зоне строительства Камской ГЭС) и дальнейшего развертывания работ в Среднем Прикамье (в зоне строительства Воткинской ГЭС). В составе экспедиции работали три группы: верхнекамская, среднекамская и удмуртская. Они охватили огромную территорию от Соликамска до устья Белой<sup>28</sup> (рис. 19).

В течение сезона проведены раскопки на 20 памятниках, охватывающих время от мезолита до XVII в. включительно; в 12 разведочных маршрутах общей протяженностью 1145 км открыто и обследовано 60 памятников

Древнейшими из исследованных памятников были три стоянки мезолитической эпохи. Все они находились между Пермью и Сайгаткой; это — Заозерская стоянка в Нытвенском районе, Ольховская и Барская Пристань в Осинском. Расположены стоянки на нижних террасах: Ольховская на боровой, Заозерская и Барская Пристань — на высокой пойме, на расширенных участках камской долины. По мнению осмотревших Заозерскую стоянку геологов — В. И. Громова и Г. А. Максимовича, участки верхней поймы могут быть здесь очень древними и не противоречат мезолитическому возрасту стоянок.

Заозерская стоянка очень интересна в стратиграфическом отношении. Находки залегают здесь под почвой и в нижнем горизонте почвы, сформировавшейся на поверхности верхней поймы. В настоящее время они

<sup>26</sup> Например, описанный автором экземпляр в Уржумском музее.

<sup>27</sup> О. Н. Бадер. Могильник в урочище «Карабай» у д. Баланово в Чувашии. СА, VI, 1940.

<sup>28</sup> КАЭ свои работы проводила совместно с Удмуртским республиканским музеем в г. Ижевске. В работах среднекамской группы принял участие зам. председателя Четвертичной комиссии АН СССР В. И. Громов.

перекрыты мощным слоем делювиальных глин, достигающих местами толщины 4 м.

Инвентарь исследованных стоянок не обладает столь ярко выраженными чертами микролитической кремневой техники, как это наблюдалось в Нижнем Адище или Огурдине. Относительно небольшое число ножевидных пластин и соответствующих им нуклеусов, орудий на ножевидных пластинах и резцов, обилие отщепов и поделок на них вряд ли свидетельствует об особом территориальном варианте мезолитической культуры; скорее перед нами ее хронологически более поздний вариант, когда микролитическая техника пришла в упадок и перерождалась в технику, характерную для неолита. О переходном возрасте Заозерской и близких ей стоянок можно судить по расположению некоторых из них на высокой пойме и наличию мелких ножевидных пластинок очень высокой, никак не раннемезолитической техники.

Таким образом, мы получаем все больше данных для детальной характеристики периода мезолита Камской области. В связи с наиболее вероятным южным происхождением этой культуры интересны два мезолитических памятника, обследованных в 1954 г. экспедицией Государственного исторического музея (под руководством В. М. Раушенбах) в окрестностях Нижнего Тагила и определяющих культуру восточных соседей камских мезолитических племен. Осмотрев оба местонахождения в сопровождении открывшего их тагильского учителя П. Э. Рикерта, а также познакомившись с материалом, собранным П. Э. Рикертом, на одном из них (на восточном склоне Голого Камня на берегу Гальянского болота)<sup>29</sup>, мы убедились в ярко-макролитическом облике и в наиболее вероятной мезолитической дате памятников. Последнее предположение подтверждается геологическими условиями залеганий находок и характером материалов — отсутствием керамики, наличием орудий грубых двусторонне-обитых форм, крупных скребков и, наряду с ними, — хороших, крупных нуклеусов призматического типа, соответствующих им ножевидных пластин и нешлифованных топоров с широкими лезвиями, обработанными с двух сторон длинными, плоскими сколами<sup>30</sup>. Находки у Голого Камня подтверждают нашу мысль о микролитическом характере зауральского и сибирского мезолита<sup>31</sup>.

Существенный интерес имеют исследованные неолитические памятники, весьма редкие на Каме по сравнению с количеством их на Верхней Волге и, в особенности, на Оке.

При раскопках Хуторской и Чашкинской неолитических стоянок на левом берегу Камы, проведенных В. П. Денисовым, обнаружена неолитическая керамика без каких бы то ни было иных форм; следовательно, и каменный инвентарь этих стоянок может считаться достоверно неолитическим, и в дальнейшем служить своего рода эталоном для выделения неолитических кремневых комплексов из материала смешанных памятников.

Таким образом, Хуторская стоянка, где была вскрыта площадь в 334 кв. м, становится одним из основных неолитических памятников Прикамья<sup>32</sup>.

Богатый керамический и каменный инвентарь Хуторской и Чашкинской стоянок — того же облика, что и ранее известные неолитические памятники Камы.

Культурный слой на Хуторской стоянке тянется вдоль края боровой террасы на расстоянии около полукилометра. В юго-восточной части стоянки обнаружена продолговатая, пологая впадина глубиной до 0,4—

<sup>29</sup> Сборы произведены осенью 1954 г. Материалы переданы в Тагильский музей.

<sup>30</sup> См. «Труды КАЭ», вып. II. 1956.

<sup>31</sup> Например, О. Н. Бадеер. Археологические памятники Тагильского края. 1953.

<sup>32</sup> На Чашкинской стоянке проведены лишь рекогносцировочные раскопки.

0,5 м. Здесь прямоугольным раскопом (8 м × 20 м) вскрыта большая прямоугольная полуземлянка очень правильных очертаний, длиной 16 м и шириной 4,5 м, с выходом на одном из узких концов, плоским полом и двумя большими кострищами, симметрично расположенными посредине. Сохранились остатки бревенчатых стен. Внутри жилища была хозяйственная яма.

Это первое неолитическое жилище, обнаруженное в Прикамье. Особенно важно, что по форме оно имеет общие черты с неолитическими жилищами Зауралья (Полуденка). Этот существенный признак указывает на принадлежность неолитического Прикамья к культурному миру лесной Сибири, где четырехугольная форма жилищ господствует со времен палеолита (Буреть).

Являясь типичным для матриархально-родового общества длинным домом, неолитическое жилище на Хуторской стоянке в то же время представляет чрезвычайно близкий прототип длинных жилищ борского этапа турбинской культуры, что выражается не только в очень близкой форме и размерах, но и в наличии небольших, обычно симметрично расположенных ниш в боковых стенах.

Остатки неолитической стоянки того же типа обнаружены А. М. Ширинкиной (у границ жилища бронзовой эпохи) на поселении Камский Бор II близ Оханска и А. И. Чистиним у поселка Первомайского ниже г. Осы (между поселком и местом поселения эпохи бронзы). Важным звеном, связывающим культуру неолитических поселений камского типа в Среднем и Нижнем Прикамье, является Саузовская неолитическая стоянка на левом берегу Камы у устья Белой, обнаруженная также в 1954 г.

Памятники бронзовой эпохи доисследовались экспедицией в низовьях Чусовой, у д. Гари, где в 1953 г. после вырубки леса на будущем дне «Камского моря» автором настоящей статьи были открыты новые стоянки. При затоплении поверхность боровой террасы должна в этом районе скрыться под водою. Поэтому экспедиция в первую очередь организовала изучение открытых здесь древних жилищ.

На поселении Бор V пятью раскопами вскрыты все 7 полуземлянок. Четыре из них соединены попарно коридорами, представляя собой, таким образом, полуземлянки гаринского типа; остальные три — удлиненной формы, типичной для турбинских жилищ борского этапа (рис. 20). Размеры жилищ: № 1 — 14 м × 5 м, № 2 — 25 м × 6 м и 4 м, № 3 — 6 м × 7 м, № 4 — 7 м × 8 м, № 5 — 15 м × 7 м, № 6 — 5 м × 4,5 м, № 7 — 8 м × 4 м и 5 м.

Судя по материалу (рис. 21), поселение Бор V относится к борскому этапу турбинской культуры, но, видимо, к его началу. Форма жилищ (в основном длинных) еще сохраняет следы близости к гаринским двухкамерным жилищам.

Одновременно с раскопками поселения Бор V вскрыты небольшие дополнительные площади на ранее раскопанных поселениях Бор III, Боровое озеро II и на открытом в 1953 г. поселении Бор VII.

На поселении Бор III обнаружены три впадины, по-видимому от жилищ. Одна из них вскрыта экспедицией и оказалась полуземлянкой длиной 11—12 м и шириной в южном конце 4 м, а в северном — 6 м. Находки в этом жилище аналогичны обнаруженным в первом жилище, ранее вскрытом, что доказывает синхронность построек и, очевидно, принадлежность к одному древнему поселению<sup>33</sup>.

Немного севернее, между поселением Бор III и Бор VI, был заложен раскоп 20 м × 9 м на длинной впадине, замеченной в 1953 г. на месте

<sup>33</sup> О. Н. Бадер. Камская археологическая экспедиция 1951 г. КСИМК, 51, 1953.

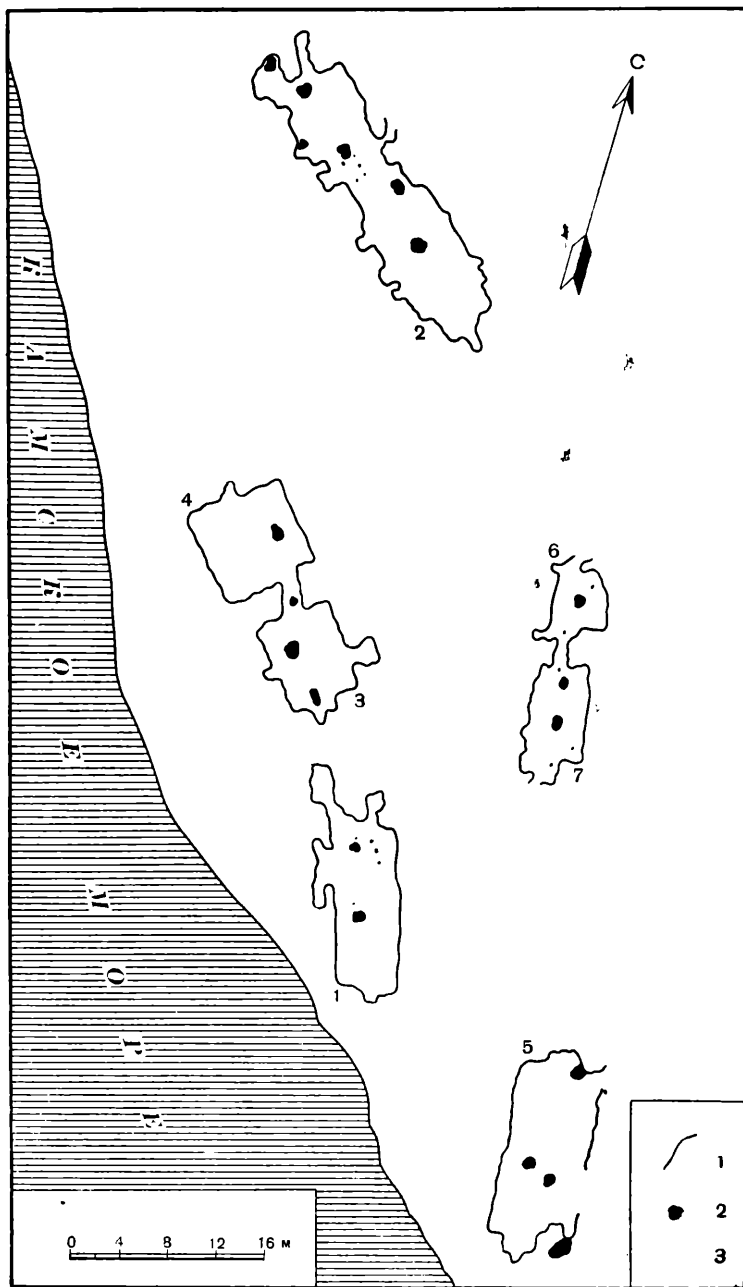
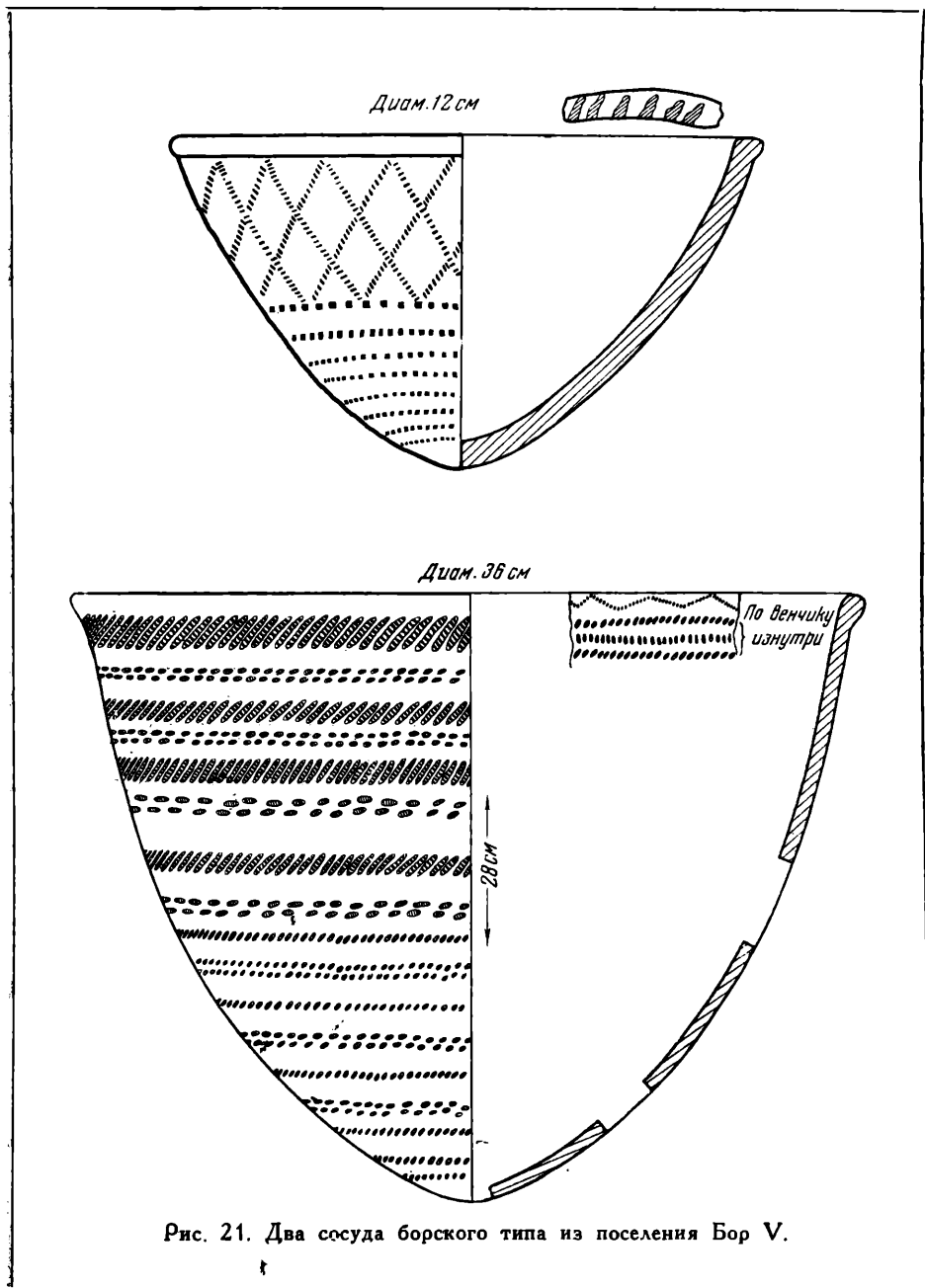


Рис. 20. Поселение Бор V, у д. Гарей. Общий план жилых сооружений (1954 г.).

1 — очертания углублений полуземлянок; 2 — кострища; 3 — ямки от столбов.





вырубленного елового леса. Но жилища здесь не оказалось. Обнаруженные два прокаленных очажных пятна могли находиться внутри какого-то наземного сооружения.

Кроме того дополнительные площади вскрыты на поселении Боровое озеро II с целью изучения участков между двумя группами жилищ этого большого поселения и площади в непосредственной близости от жилищ.

Особо интересны памятники II тысячелетия до н. э. на Средней Каме. Материалы предшествующих лет были пополнены новыми, благодаря раскопкам на поселениях: Камский Бор II близ Оханска (одно жилище), Первомайском (два жилища), Ольховском (одно жилище), Кама-Жулановском II (одно жилище) и Басенький Борок (четыре жилища) в Осинском районе. Все жилища по форме, размерам, а по-видимому, и устройству принадлежат к гаринскому прикамскому типу.

Уже сейчас стало ясным, что между Оханском и Сайгаткой, где располагаются изучавшиеся экспедицией стоянки, обитали племена, близко родственные турбинским, но отличавшиеся от них. Определить территории отдельных племен этой части Прикамья — ближайшая задача экспедиции.

Южнее, в районе Сарапула и Куеды, уже отмечается присутствие чуждых Приуралью племен Поволжья, для которых характерны сверленные боевые топоры и глиняная посуда шаровидной формы. Еще ниже по Каме, в районе Елабуги, обнаружены следы срубной культуры.

В 1954 г. при изучении поселений II тысячелетия на Средней Каме возникло несколько недоуменных вопросов. Еще в предыдущие годы отмечалось наличие на этом отрезке Камы лишь временных поселений. В 1954 г. на поселении Басенький Борок были раскопаны 4 имевшиеся на нем полуземлянки; но и они оказались очень бедны находками и, следовательно, обитались недолго; так, в двух жилищах не найдено ни одного обломка глиняной посуды. На открытом тем же летом Б. Х. Кадиковым и В. С. Крыловым поселении в урочище «Старушка» двенадцати впадин (жилищ?), но, судя по рекогносцировочным данным, и здесь культурный слой беден.

Объяснение этих фактов может быть двояким: или все раскопанные нами поселения Средней Камы — только сезонные промысловые стоянки или все население этих районов принуждено было покинуть свою территорию около середины II тысячелетия до н. э. в связи с какими-то важными событиями; быть может, в связи с появлением с юга чуждых им воинственных племен<sup>34</sup>.

Нужно отметить, что находки из жилищ не иллюстрируют преобладания тех или иных орудий труда; таким образом, нельзя говорить и о преобладании того или иного промысла. Следует отметить лишь обилие в жилищах металлических предметов, их обломков и даже обломков плавильных тиглей.

Это указывает на более развитую, чем у турбинского племени, металлургию, а находка на поселении Басенький Борок части меднопроволочного завитка, по-видимому, от очковидной подвески, наряду с находкой такой же целой очковидной подвески на стоянке Базов Бор в устьи Иньвы<sup>35</sup> и медной бляшки — розетки абашевского типа под Писаным Камнем на р. Вишере<sup>36</sup> позволяет предполагать, что металлургия у среднекамских племен развивалась под влиянием соседней абашевской ме

<sup>34</sup> О. Н. Бадер. К изучению эпохи бронзы в Прикамье (Верхсавинское погребение) 1957.

<sup>35</sup> О. Н. Бадер. Камская археологическая экспедиция в 1951 г. КСИИМК, 51, 1953

<sup>36</sup> СА, XXI, 1954, стр. 141.

таллургии (Нижняя Кама и бассейн Белой). Но на проникновение же сюда абашевского этнического элемента, как предположил К. В. Сальников<sup>37</sup>, указаний нет.

Рекогносцировочными раскопками был затронут один чрезвычайно интересный памятник — стоянка или селище близ с. Ерзовки, на правом берегу Камы, в устье р. Частой; этот памятник, как нам кажется, может дать материалы для решения проблемы происхождения ананьинской культуры.

Взгляд автора на эту проблему, в последний раз сформулированный в 1953 г.<sup>38</sup>, в основном состоит из трех, противоречащих мнению А. В. Эбруевой и А. П. Смирнова положений: 1) приволжская культура конца бронзовой эпохи не имеет генетических связей с ананьинской культурой; 2) ананьинская культура сложилась в Северном Прикамье, на территории выше устья р. Вятки; 3) в южном Прикамье, Среднем Поволжье и Поветлужье ананьинские племена появились в VII в. до н. э. в результате этнического сдвига на запад.

В последующее время проблема происхождения ананьинской культуры вновь затрагивалась А. П. Смирновым и К. В. Сальниковым.

Излагая научные итоги Куйбышевской экспедиции ИИМК<sup>39</sup>, А. П. Смирнов, на основании новых материалов, подтвердил свое мнение о генетических связях приволжской и ананьинской культур, исходя из особенностей кремневого инвентаря и керамики.

К. В. Сальников выступил в специальной статье с оригинальной гипотезой абашевского происхождения ананьинской культуры. При этом он присоединился к нашей точке зрения, а именно, что «приволжскую культуру нельзя рассматривать как один из компонентов сложения ананьинской культуры»<sup>40</sup>.

Следовательно, он неизбежно должен согласиться и с третьим из наших основных положений: о заселении Нижней Камы, Казанского Поволжья и Ветлуги ананьинскими племенами в VII в. до н. э. с территории Прикамья, лежащей выше устья Вятки<sup>41</sup>.

Но с основным выводом К. В. Сальникова, рассматривающего «берега среднего и нижнего течения р. Белой наравне с прилегающим отрезком течения р. Камы (между устьями Вятки и Белой) как основную территорию сложения ананьинских племен»<sup>42</sup>, возникающих на базе производной от абашевской — курмантауской культуры<sup>43</sup>, — согласиться нельзя. Этот вывод представляется неожиданным по той причине, что бельские памятники ананьинской эпохи своеобразны и отличаются от ананьинских. Как известно, еще А. В. Шмидт относил их к особой карабызской культуре, а А. П. Смирнов до сих пор отрицает принадлежность бельских городищ к числу ананьинских. Если и можно принять мнение А. В. Эбруевой, рассматривающей бельские памятники как особый территориальный вариант ананьинской культуры, то считать их основным, исходным ядром всей ананьинской культуры нет достаточных оснований.

<sup>37</sup> К. В. Сальников. К вопросу о происхождении ананьинской культуры. СЭ, 1954, № 4.

<sup>38</sup> О. Н. Бадер. Очерк шестилетних работ КАЭ (1947—1952). 1953.

<sup>39</sup> А. П. Смирнов. Археологические работы ИИМК АН СССР на новостройках. КСИИМК, 55, 1954.

<sup>40</sup> К. В. Сальников. Указ. соч., стр. 20.

<sup>41</sup> О. Н. Бадер. Древнее Поветлужье в связи с вопросами этногенеза мари и ранней истории Поволжья. СЭ, 1951, № 2.

<sup>42</sup> К. В. Сальников. Указ. соч., стр. 24.

<sup>43</sup> Памятники бронзы от Курман-тау до устья Вятки были выделены нами под именем нижнекамской культуры, целиком совпадающей с понятием курмантауской культуры К. В. Сальникова (стр. 60).

В то же время доводы К. В. Сальникова в пользу генетической связи бельских городищ ананьинской эпохи через курмантауский этап с абашевской культурой весьма интересны и убедительны. Но тем менее бельский вариант может рассматриваться основой ананьинской культуры, главные связи которой идут на восток — на Урал и в Сибирь. Нельзя забывать и резких антропологических различий между европеоидами — абашевцами и монголоидами — ананьинцами, причем наиболее яркие монголоидные черты наблюдались у населения, жившего как раз между Вяткой и Белой, что отмечено по материалам наиболее древнего могильника. К. В. Сальников не может не признать миграционной волны «из более северного района Прикамья или из Зауралья», «когда потомки европеоидов — абашевцев... постепенно смешались с пришлыми монголоидами»<sup>44</sup>. Эти пришедшие в южное Прикамье монголоиды и были носителями основных элементов формировавшейся ананьинской культуры, ибо переселялись не отвлеченные антропологические элементы, а люди — роды и племена с присущей им культурой и языком. Племена культуры Курман-тау силою исторических обстоятельств были приобщены к процессу этногенеза ананьинцев и впоследствии, по-видимому, вошли в ананьинский союз племен.

Таким образом, бельские племена играли существенную роль в древней истории всего Прикамья; они способствовали распространению и абашевских культурных влияний, в этом совершенно прав К. В. Сальников. Они явились также одним из существенных компонентов в группе племен — создателей ананьинской культуры. Но основу этой складывавшейся группы, ее цемент, составили угро-финские племена Среднего и Верхнего, приуральского Прикамья, где открыты в последнее время очень ранние ананьинские памятники.

Одним из этих памятников и является исследованное в 1954 г. Ерзовское поселение. Здесь обнаружены в одном слое с раннеананьинскими материалами кремневые орудия и керамика самого конца бронзовой или начала железной эпохи. Культура эта в своей основе местная; она находит аналогии в позднейших, борских поселениях чувовского Прикамья. Ерзовское поселение, таким образом, служит новым доводом в пользу возникновения ананьинской культуры на Средней Каме.

Экспедицией был раскопан один из ананьинских памятников — это Больше-Вятское селище в Нытвенском районе, близ Заозерской стоянки. Селище расположено на краю, по-видимому, второй надпойменной террасы левого берега Камы, против нижней оконечности Вятского острова. Селище открыто на территории несуществующей ныне деревни Больше-Вятской; поэтому культурный слой его сильно разрушен и для дальнейших раскопок большого интереса не представляет.

Здесь не обнаружено следов жилищ или других сооружений. Суд по керамике, Больше-Вятское селище относится к числу более ранних памятников ананьинской культуры (рис. 22).

Памятники более позднего железного века на Средней Каме экспедицией не изучались. Были вскрыты лишь четыре кургана из числа более сотни насыпей, расположенных на правом берегу Камы, ниже Елов у начала Раздорной воложки, чуть выше вершины Верхнего Раздорного острова.

Все насыпи оказались пустыми, хотя и обнаружены следы могильных ям, а в одном из курганов, внутри могильного пятна, на глубине около метра найден обломок сосуда позднего облика; культурную принадлежность точнее определить невозможно.

---

<sup>44</sup> К. В. Сальников. Указ. соч., стр. 22.

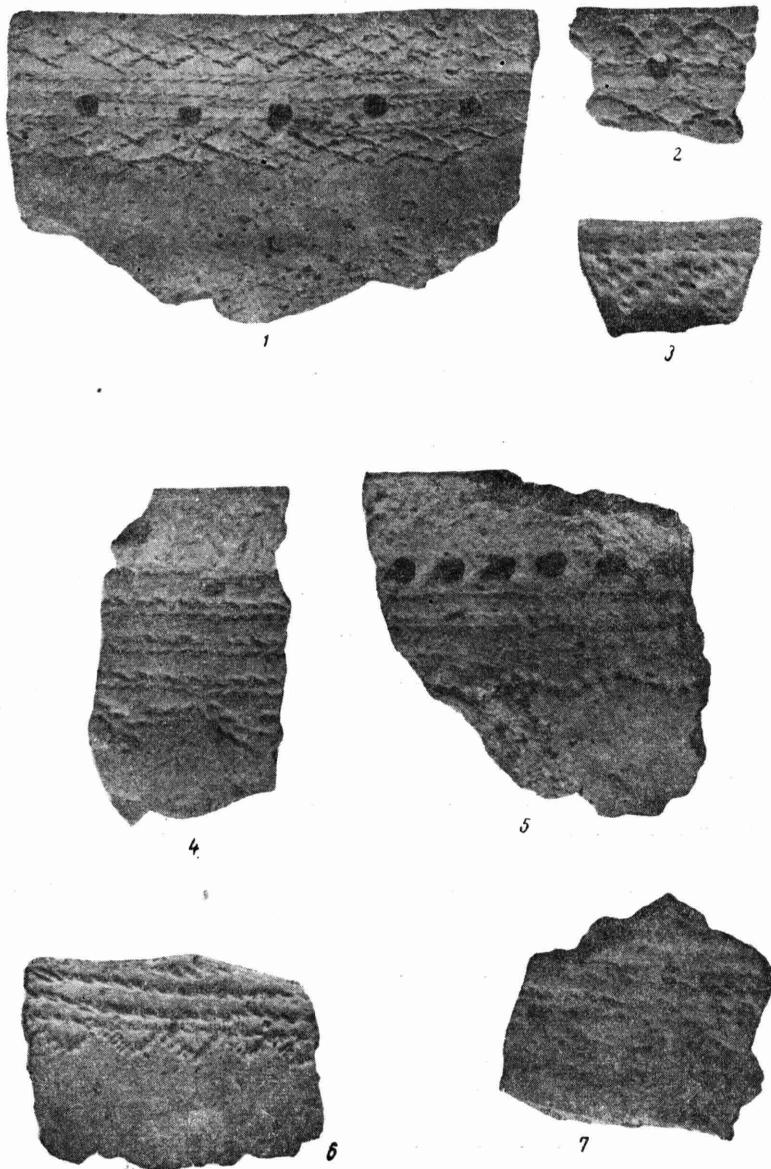


Рис. 22. Керамика из Больше-Вятского селища, относящегося к ананьинской культуре.

Раскопки многочисленных среднекамских городищ, которые мы пред-варительно считаем остяцкими, пришлось отложить на ближайшие годы.

Но позднейшие памятники на Верхней Каме были подвергнуты широ-ким раскопкам.

На Кыласовом городище (Анюшкар) вскрыта площадь в 1312 кв. м. Наиболее интересны остатки жилищ и плавильных горнов (не исследо-ваны до конца). Жилище XI или начала XII в. расчищено и зафиксиро-вано в верхней части нижнего культурного слоя по хорошо сохранив-шемуся глинобитному полу. Размеры его — около 60 кв. м. В центре обнаружены сильно прокаленная глина очага и ямы — кладовки. На полу — берестяная шкатулка с 66 медными украшениями (пронизки, бусы, подвески и пр.), определяющими дату жилища. Это жилище может считаться звеном, связывающим древнейшие родановские жилища (ниж-него слоя) и маленькие позднейшие.

Второе жилище открыто в самой нижней части верхнего слоя, характер его пока не вполне ясен. Жилище ограничено с боков канавами и рядами столбовых ям. Внутри на глинобитном полу — два пятна сильно прока-ленной глины, несколько возвышавшейся над полом, —возможно, развалы глинобитных печей; одна из них помещалась в углу постройки, у входа, направо от него. В задней части жилища находятся большие ямы — хранилища (возможно, устроенные позднее), в них отмечены остатки зерна, костей и пр.

В верхнем слое сохранились следы еще одного сооружения — скопле-ния золы и извести; многочисленны остатки ремней и костяных разбиль-ников. Надо полагать, перед нами остатки мастерской по обработке кожи.

Был обнаружен также чрезвычайно интересный жертвенник — сложен-ный из камней очаг, в центре которого найден литой идол — фигурка женщины в одежде, с косами. По краям жертвенника, по кругу — кучки обгорелого зерна: в жертвеннике же — сломанный жернов и раль-ник.

Среди керамики, собранной в верхнем слое, четыре плоскодонных со-суда; на одном из плоских днищ — тамга. Есть славянские вещи: обломок новгородской гривны, киевские трехбусенные кольца, костромские коньки, шиферные овручские пряслица и др. Из орудий сельского хозяйства отметим еще три железных ральника.

На краю городища прослежены остатки искусственной земляной под-сыпки площадки и следы деревянного частокола.

Раскопки произведены и на Орле-городке — последние на этом инте-реснейшем русском памятнике Прикамья перед его затоплением.

Расчищены остатки многочисленных бревенчатых свай диаметром 25—30 см, глубоко вбитых вдоль края городка рядами, в шахматном порядке, и представляющих основу фундамента стен. Направление рядов свай совпадает с направлением края городища, разрушавшегося Камой. Над сваями лежал слой забутовки сначала из мелкого, затем из крупного известкового камня. Фундамент стены расчищен на протя-жении 50 м.

На мысу городка траншеей прорезаны развалины каменного строения со следами пожара. Здесь найдено очень много красных и полихром-ных поливных изразцов.

На одном из раскопов, рядом с ранее исследованными ремесленными постройками расчищены остатки еще одного деревянного сооружения, очень плохая сохранность которого мешает определить назначение. Хорошо сохранились остатки деревянной изгороди в виде вертикально вкопанных столбов с дощатыми перекладинами. Следует отметить тожде-ство этой изгороди с такой же изгородью в Москве XVII в. (раскопки

М. Г. Рабиновича). Описанные выше ряды свай также находят ближайшую аналогию в московском Китай-городе.

На площади одного из раскопов и в траншее отмечены остатки заполненных углем углежогных ям и большие (диаметром 3,5 м), округлых очертаний, пятна прикаленной глины, обрамленные массой камней и кусков известняка. По-видимому, это остатки домниц. Здесь же встречено много шлака, криц, каких-то флюсов, кусков породы и пр. Эти остатки относятся к XVII в. и имеют большое значение для истории русского горнозаводского дела на Урале.

---

А. Н. ЛИПСКИЙ

### РАСКОПКИ 1953 г. В ХАКАССИИ

В 1953 г. на территории Хакассии был исследован ряд памятников, в том числе три погребения в могильнике у разъезда Бельтыры, раскопки которого начаты еще в 1951 г. Погребальные сооружения известны по раскопкам 1952 г. В них обнаружены маленькие, но типичные для афанасьевской эпохи остродонные сосудики, неорнаментированные или покрытые по всей поверхности стенки бессистемной штриховкой, иногда — аккуратным елочным орнаментом. По типу и по орнаменту они вполне схожи с сыдинскими сосудами, опубликованными С. В. Киселевым. Здесь же найдены и средние по размеру, приближающиеся к шаровидным, сосуды с низким, весьма отогнутым венчиком, также сплошь орнаментированные. После находок 1953 г. нет сомнений в принадлежности могильника к поздней поре афанасьевской эпохи.

Одно из раскопанных в 1953 г. погребений очень оригинально: в центре могильной ямы обнаружен пол площадью около 1 кв. м, очевидно, в свое время прокаленный докрасна, на нем небольшое количество угля и золы, среди которых немногочисленные остатки костей ребенка. Возле места трупосожжения лежали костяки мужчины и женщины; женщина с южной стороны, на левом боку, мужчина с северной, на правом боку; руки их были согнуты в локтях и кисти находились перед лицом.

Около костей ребенка (в ногах) найдены два маленьких сосуда — остродонный и плоскодонный, низенький, массивный. В ногах взрослых стояли шарообразные сосуды средних размеров с сильно отогнутым низким венчиком.

Выявленные особенности погребения и найденные в 1951 г. (в погребении № 2) серп весьма раннего типа (рис. 23—2) и костяные птички (рис. 23—4) вносят новые данные в характеристику хозяйственной деятельности населения, обитавшего в Хакассии в афанасьевскую эпоху.

Поблизости от афанасьевского могильника раскопаны погребения карасукской эпохи (всего 12 ящиков). Судя по планировке, захоронения принадлежали большой семье; хотя каждый гроб и имел свою оградку, она была плотно прижата к оградке соседнего погребения.

Здесь обнаружен оригинальный для карасукской культуры сосуд, круглодонный, с маленькой, горизонтально поставленной плоской ручкой, в центре которой порсверлено круглое отверстие. В противоположном бортике просверлено два отверстия с притертостью, направленной к венчику. Подобного типа ручки с отверстием в середине похожи на горизонтальную ручку афанасьевской светильни, найденной С. В. Киселевым на Алтае. Сосудик от венчика до половины высоты орнаментирован в андроновском стиле.

Произведены раскопки десяти ящиков карасукского времени на периферии обширного поля ящичных погребений (у переезда через линию железной дороги). Найден новый для этой эпохи тип погребального сооружения. Здесь оградка большинства захоронений состояла из плашмя положенных, в два-три слоя, песчаниковых плит или булыжников; ширина кладки около полуметра. Оградка абсолютно идентична оградке карасукского могильника у улуса Федорова. Ящики обычны для карасукских погребений и сложены из песчаниковых плит. В могильнике были погребения и с оградками из вертикально врытых в почву невысоких плит, едва видимых на поверхности.

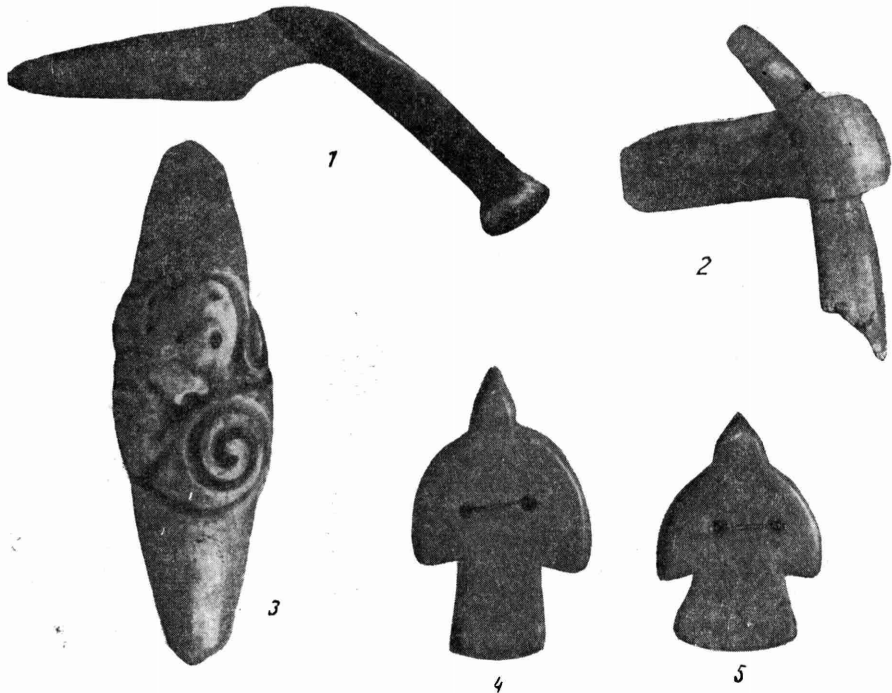


Рис. 23. Находки из погребений могильника у разъезда Бельтары.

1 — инструмент для обработки дерева или глиняной посуды; 2 — серп; 3 — костяное украшение от сбруи; 4—5 — костяные «птички».

У железнодорожной казармы на Аскиз-Абазинской ветке раскопано интересное погребение. На поверхности была выложена лепешкообразная, в плане круглая, каменная кладка, идентичная кладке погребений афанасьевского могильника у разъезда Бельтыры. По типу гроба (низкий каменный ящик, покрытый массивными песчаниковыми плитами) и по инвентарю — погребение тагарское. Здесь найдены: баночный, среднего размера, сосуд, кусок верхнего камня зернотерки (это, кажется, первый случай находки зернотерки непосредственно в тагарском погребении) и оригинальное костяное украшение от сбруи (?), содержащее изображение скрученного животного, по-видимому, лошади (рис. 23 — 3).

На выгоне улуса Федорова раскопано девять карасукских могил в прямоугольных оградках, сложенных из обломков песчаникового плитняка.

Здесь, в женском погребении, среди костей коровы, лежавших у левой голени, найден, неизвестный еще в археологии Минусинской котловины, вероятно гончарный, а может быть и деревообделочный, инструмент.



Это короткое ножевидное лезвие с весьма утолщенной, валикообразной обушковой стороной; лезвие дугообразно согнуто и как бы вставлено (под углом в  $40^\circ$ ) в короткую, овальную в сечении ручку, оканчивающуюся типичной для карасукских ножей продолговатой шляпкой (рис. 23—1).

В одном из женских погребений, на скелете, на конце грудины, обнаружено бронзовое, среднего размера, местной работы, «зеркало», лежавшее ушком книзу, т. е. в положении, абсолютно идентичном тому, какое занимает подобное «зеркало» в одеянии гольдского шамана. Так же зеркало кладут на труп шамана при его погребении.

Произведены раскопки плоского кургана с невысокими, возвышавшимися до 0,3 м над почвой, плитами почти квадратной оградки. С западной стороны кургана «ведущим» камнем стояла стела знаменитой «Аскизской бабушки».

В западной стенке оградки обнаружена массивная, в 2 м длины и свыше метра ширины, песчаниковая плита, закопанная в положении «на ребре». На плите, использованной тагарцами как строительный материал, оказалось очень интересное, еще неизвестное для стел Минусинской котловины, «Солнечное божество». Это большое круглое лицо, от которого радиально отходят прямые лучи, оканчивающиеся змейковидными головками. Книзу от лица расположено несколько малых змей, а вдоль бортов плиты — по одной длинной змее с тремя рожками на конце головы; по «телу» божества, между змейками, разбросано несколько кругов, а у правого плеча весьма схематично высечена большая, удлиненного типа, личина (рис. 24—1).

Интересным оказалось раннетагарское погребение около современного кладбища поселка колхоза им. К. Е. Ворошилова. Снаружи оно было отмечено оградкой из плит высотой до 0,3 м (над почвой) и занимало площадь  $4,8 \times 5,8$  м. У восточного угла оградки стоял более высокий камень (0,8 м). Погребальная камера сложена из песчаниковых монолитов. Покрытие состояло из накатника толщиной около 15 см, поверх которого были наложены относительно тонкие, но большие по площади песчаниковые плиты.

В погребальной камере, в середине ее, лежали два костяка на спине, головой к северо-востоку: женский — в южной половине, мужской — в северной.

Между костяком женщины и стенкой лежал, также на спине, скелет ребенка в возрасте около двух лет.

Необычным было положение четвертого, мужского костяка — он сидел на корточках в северном углу камеры. Спинай он был втиснут в самый угол; подбородком опирался о колени, руки охватывали голени ног.

На колхозном дворе поселка Бельтыры исследовано раннетагарское погребение площадью  $4,5 \text{ м} \times 5,0 \text{ м}$ , находившееся в оградке, высотой 25 см. Оно содержало парное захоронение мужчины и женщины, положенных на спины, головой к северо-востоку, в грунтовой яме, в которой только поперечные борта (в ногах и в изголовье) частично обставлены плитами. Покрытие состояло из тонких бревен и поверх них лежали песчаниковые плиты.

В числе плит покрытия оказалась одна, содержащая весьма схематические рисунки человеческих фигур, выполненные способом последовательного высекания точечных углублений, в совокупности образующих линии. Обнаруженная плита использована ранними тагарцами в качестве строительного материала, следовательно рисунки относятся к дотагарскому времени.

На участке Есинской МТС нам удалось раскопать 20 андроновско-карасукских ящичных погребений и 4 плоских, с невысокими угловыми

и простеночными камнями, тагарских кургана. Отметим только два из них.

Оба они однотипны по внешним особенностям, устройству погребальных камер и по обряду захоронения. Это трупосожжение в бревенчатом срубе нескольких умерших. В инвентаре погребений — банковидные и близкие к коническим сосуды, а также сосуды на поддоне; плоскообушные, втульчатые клеуцы, трехгранные черешковые бронзовые стрелы и типичные для тагарской эпохи ножи с небольшим углом изгиба; псалии, коновальные лопаточки с головкой коня на конце ручки и т. д.

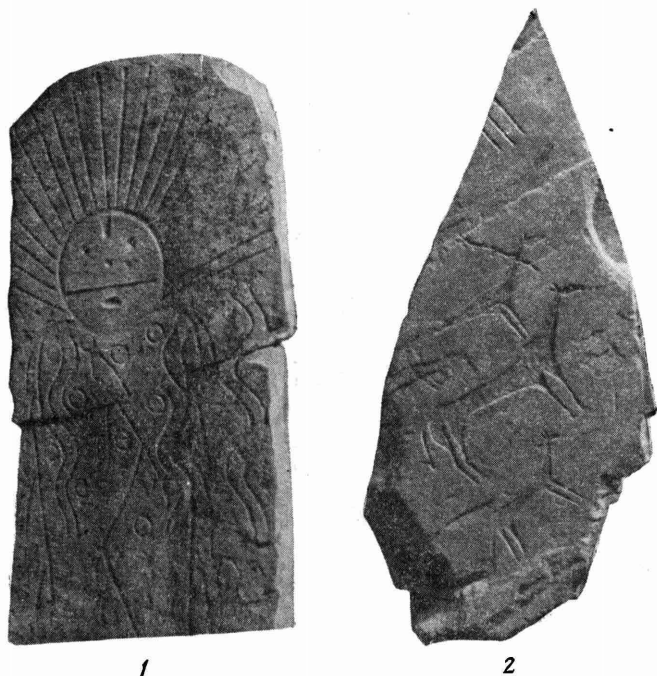


Рис. 24. Могильные плиты из Хакассии.

1 — плита с антропоморфным изображением; 2 — плита с изображениями коней.

Интересны захоронения, сопутствующие основным. В одном случае, непосредственно под листовенничным корьевым покрытием пола погребальной камеры, в грунтовой яме оказалось погребение трех мужчин — двух, видимо, воинов и третьего, возможно, шамана. Похороненные были сброшены в яму; один из них лежал на спине, а другой, рядом, несколько на боку; третий лежал между первым и вторым, спиной кверху. Кости рук и ног находились в явном беспорядке.

У бедер первых двух скелетов лежали берестяные колчаны; в одном из них находилось пять стрел, в другом — шесть с неснятыми костяными наконечниками — втульчатыми и черешковыми. У голени третьего скелета, плотно прилегая к ним, лежали половинки одной и той же нижней челюсти щуки; причем правая половина челюсти лежала у правой голени, а левая — у левой, зубами вперед, суставными отростками кверху.

Люди эти, очевидно, были убиты. Между третьим и четвертым шейными позвонками одного из погребенных, частью разрушив кость позвонка, лежал воткнувшийся бронзовый плоскообушный, с округлой и удлиненной ударной частью клевец. Следует отметить, что клевец не был извлечен из раны при погребении воина.

В другом кургане, рядом со срубом погребальной камеры, была вырыта узкая, в 1 м ширины, яма, с крайне небрежно зачищенным дном. В яме было захоронено шесть человек — на спине, головой к юго-западу. Костяки лежали попарно, в три яруса, одна пара поверх другой. Дно ямы имело в середине углубление, поэтому головы и ноги захороненных лежали значительно выше средних частей трупов. На грунтовой выступе восточной поперечной стенки ямы, на половине ее глубины, стоял типичный для тагарской эпохи банковидный, среднего размера сосуд. Никакого другого инвентаря при скелетах не было, хотя погребение, безусловно, не нарушено.

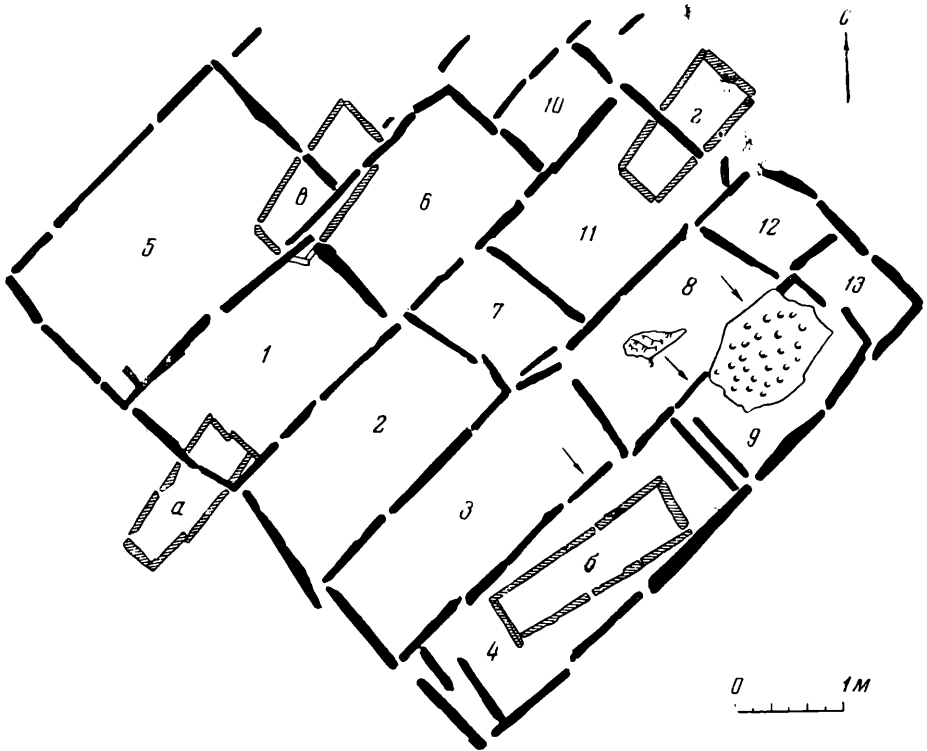


Рис. 25. План могильника у Есинской МТС.

В первом случае (по словам стариков хакасов) — захоронены были побежденные воины, а во втором — рабы.

На борту первой надпойменной террасы у слияния рек Еси и Теи, в юго-западном углу участка Есинской МТС раскопан небольшой могильник из 13 плотно прижатых один к другому погребальных ящиков (рис. 25). Ящики выложены из массивных плит песчаника; торцы плит поднимались над почвой до 0,2 м.

Могильник расположен на месте захоронений, относящихся к карасукской эпохе: четыре ящика карасукских погребений были разрезаны при устройстве новых могил; в них найдены типичные для карасукского времени сосуды.

В стенках ящиков погребений в качестве строительного материала использованы песчаниковые плиты с изображениями коней, оленя (рис. 24 — 2) и с загадочными круглыми ямками, которые нередко встречаются на тагарских надкурганых камнях. Все это свидетельствует о том, что подобные изображения коней и оленя выходят за пределы сред-

ней, а возможно и ранней эпохи тагарской культуры и, может быть, их следует отнести к карасукскому времени.

Еще одной интересной особенностью могильника является наличие фигурной посуды малого размера: пятигранный, четырехугольные и продолговатые с носиком сосудики. На одном из четырехугольных сосудиков сохранились следы накрашенного орнамента в виде языков темносерой краски, опускающихся вниз от венчика.

В другом погребении найдено бронзовое, ложечкообразное керамическое лощило с характерным для карасукских лапчатых подвесок профилем ручки. Интересно, что сработанным оказался левый бортик ложечки лощила: пользовавшийся орудием, очевидно, был левшой.

---

Т. С. ПАССЕК

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ РАСКОПОК В МОЛДАВИИ  
В 1955 ГОДУ

В 1955 г. Молдавская экспедиция ИИМК АН СССР и Молдавского филиала АН СССР продолжала начатые в 1952 г. раскопки поздне трипольского могильника у с. Выхватинцы, Рыбницкого района, Молдавской ССР<sup>1</sup> и провела разведочные раскопки на древнейшем дотрипольском поселении у с. Флорешты Молдавской ССР.

## I

## ВЫХВАТИНСКИЙ МОГИЛЬНИК

Поздне трипольский могильник расположен на окраине с. Выхватинцы на высоком левом берегу Днестра, на правой стороне большого оврага Вермитка. В 1952 г. исследована в основном лишь небольшая часть могильника; вскрыты 14 древних погребений с различными керамическими изделиями (сосуды, статуэтки, погребушки, пряслица), орудиями из кремня и камня (топор, вкладыши серпов), изделиями из кости (лощило, мотыга, шило, статуэтка) и из меди (шило, медная обоймочка и клинья у топора). При обследовании территории могильника установлено, что раскопками 1952 г. ни в какой мере не исчерпаны возможности изучения этого интереснейшего памятника эпохи раннего металла в Молдавии. Решено было продолжить работы и в 1955 г. была вскрыта площадь около 200 кв. км, непосредственно примыкавшая с севера к границам прежних раскопов. Вскрытие могильника большой площадью, с оставлением перемычек, позволило уточнить многие, ранее оставшиеся неизвестными черты погребального обряда<sup>2</sup>. Подтвердилось, что Выхватинский могильник — бескуранный. Никаких обозначений могил на поверхности в настоящее время не сохранилось. По всей площади раскопа на глубине 0,5—0,9 м открылась интересная картина каменных выкладок. Особенно интересными и своеобразными оказались каменные кромлехи — круги вокруг некоторых из могил. Они состояли из несколько наклонно стоящих или горизонтально лежащих одна подле другой плоских известняковых плит больших размеров (50×40 см; 80×40 см). К одному кругу примыкал другой, также образующий кромлех. Вскрыто шесть подобных кромлехов, четко видных на всей площади раскопа. Кроме того, между ними повсюду найдены отдель-

<sup>1</sup> Т. С. Пассек. Итоги работ в Молдавии в области первобытной археологии. КСИИМК, 56, 1954.

<sup>2</sup> Раскопки Выхватинского могильника в 1955 г., проводились под моим руководством и под наблюдением Е. К. Черныш.

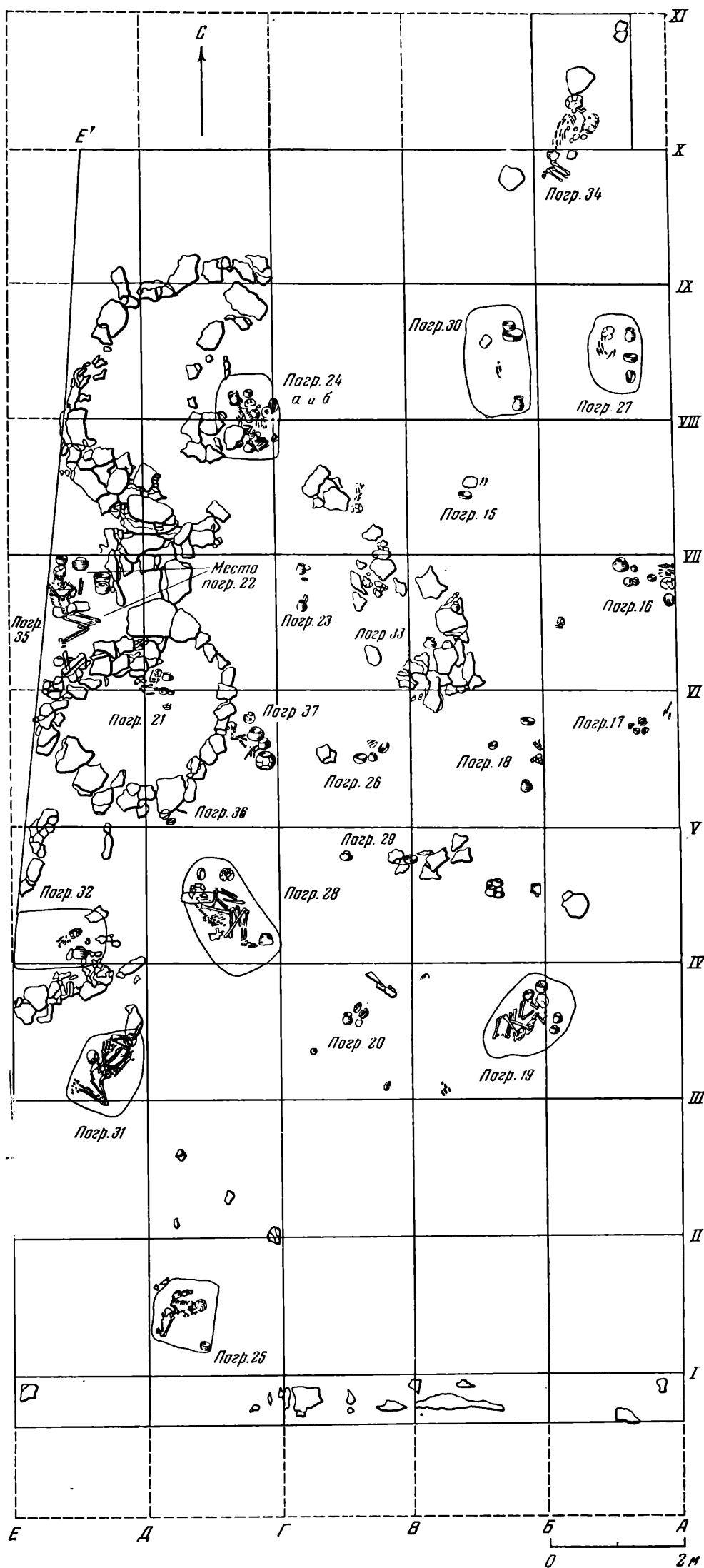


Рис. 26. Могильник у с. Выхватинцы. Общий план раскопок 1955 г.

ные камни или выкладки из камней, положенные, как выяснилось в дальнейшем, для того, чтобы отметить места совершенных погребений (рис. 26).

В 1955 г. открыто 26 поздне трипольских погребений, из них десять взрослых захоронений (мужчин и женщин) и восемь детских (подростков). В восьми погребениях кости были в настолько плохой сохранности, что трудно определить пол и возраст погребенного; в могилах уцелело по две-три косточки и части костей черепа. Положение костяков в могилах оказалось неодинаковым. Из-за плохой сохранности костяков установлено положение всего в 20 погребениях. Из них в трех (№ 35, 25, 31) погребенные были положены на спине (обычай наиболее древний), с поднятыми в коленях и упавшими влево ногами. У одного из них (№ 25) руки согнуты в локтях и подняты к лицу, у двух других (№ 31, 35) сложены на животе (рис. 27—1, 2).

Большинство погребенных положены на левом боку, ноги подогнуты в коленях и обращены влево; обе руки подняты к лицу (семь погребений). В двух (№ 19 и № 23) погребениях костяк лежал на правом боку, с согнутыми в скорченном положении ногами и руками, поднятыми к лицу. Ориентировка в большинстве погребений, как и в исследованных в 1952 г. — головой на северо-восток (10 погребений) и на восток (два), но имеется и на северо-запад (два погребения — № 28, 37). Контуры могильных ям в коричневатых суглинках было уловить довольно трудно. Ямы все оказались большими, неровных очертаний (1×1,5 м; 1,10×1,80 м) овальными или приближающимися к прямоугольным с закругленными углами. Форма могильной ямы уловлена всего в девяти случаях. Глубина ям и глубина погребений различная. В основном, однако, захоронения совершались на глубине 1—1,5 м от поверхности; в отдельных случаях глубже — 1,60—2,10 м мельче — 0,50—1 м (рис. 28). В некоторых погребениях замечено подсыпание дна могилы красной охрой. Следы ее сохранились на костях. Во многих случаях покойника засыпали белой каолиновой глиной, куски которой встречаются на костях, иногда она подсыпалась под сосуды. Засыпка красной охрой и белой глиной отмечена в трех могилах, наиболее глубоких 1,9—2,1 м, где костяк лежал на спине (№ 25, 21, 35).

Очень распространен был обычай класть в могилы плоский известняковый камень прямо над головой покойного, поэтому череп обычно бывает поврежден. В могилах вокруг погребенных ставили значительное, но различное число сосудов (от одного до восьми). Всего в 26 погребениях в 1955 г. обнаружен 91 сосуд, из них большинство (60) с росписью, остальные, изготовленные из массы с примесью толченых раковин, украшены оттисками веревочки (31). Обычно сосуды поставлены в могиле у головы и перед лицом, один-два сосуда ставятся в ногах погребенного. Во всех могилах, как правило, среди других сосудов обязательно ставилась одна или две расписных чаши.

Керамику Выхватинского могильника можно разделить на две группы.

Первая представлена тонкостенными с черной (иногда и с красной) росписью сосудами из розовой глиняной массы (рис. 29—1—4). Эта керамика, характерная для всех памятников поздне трипольского времени, известна и в Выхватинском могильнике и в Усатове и в поселениях этого времени.

Вторая группа — сосуды нерасписные, вылепленные из массы с примесью мелко толченых раковин (рис. 29—5, 6). Обжиг очень слабый; орнамент — обычно оттиски тонкой, наискось перевитой веревочки. В период позднего Триполья в поселениях и в погребениях число подобных сосудов, украшенных оттисками веревочки увеличивается. Часты находки глиняных пряслиц, свидетельствующих о развитии ткачества.

В трех (№ 16, 29 и 38) могилах были найдены захороненные вместе с покойным глиняные антропоморфные изображения — глиняные статуэтки,

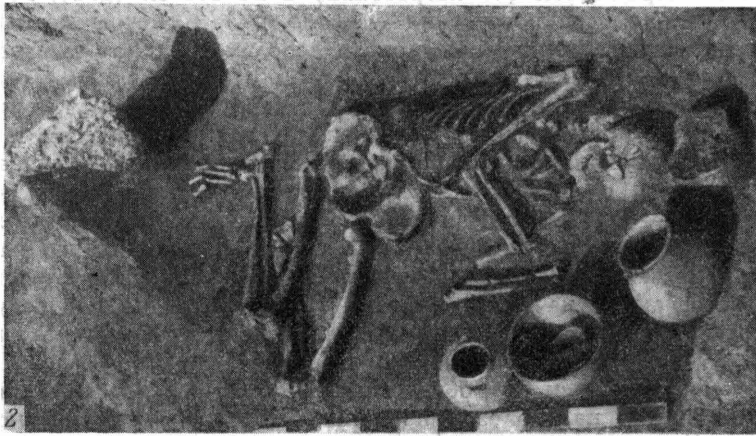


Рис. 27. Могильник у с. Выхватинды.

1 — погребение № 31; 2 — погребение № 35.

стоячие, с плоским торсом со слегка приподнятыми плечами<sup>3</sup>. Особенно хорошо моделирована одна из них, обнаруженная в погребении № 29. Обращает на себя внимание ее хорошая сохранность и размеры. Обычно высота подобных статуэток равняется 0,12—0,15 м, высота же найденной в 1955 г. — около 0,25 м. Она совершенно плоская, с сильно-развитыми бедрами, и двумя округлыми бугорками изображающими грудь. Сквозными отверстиями обозначены глаза, одним щипком — нос. Вокруг головы — мелкие сквозные отверстия. Такие же отверстия нанесены на плечах и по туловищу. Внизу живота углубленной полосой намечен треугольник (рис. 30). Статуэтка покрыта красной краской. В могиле фигурка находилась в головах, около сосудов; она лежала на спине и, как и две другие, была обращена головой на восток.

<sup>3</sup> В раскопках 1952 г. в погребениях № 5 и 11 также были найдены подобные глиняные статуэтки. См. Т. С. Пассек. Итоги работ в Молдавии в области первобытной археологии. КСИИМК, 56, рис. 41 и 45.





Рис. 28. Могильник у с. Выхватинцы. Погребения №№ 28, 31 и 32.

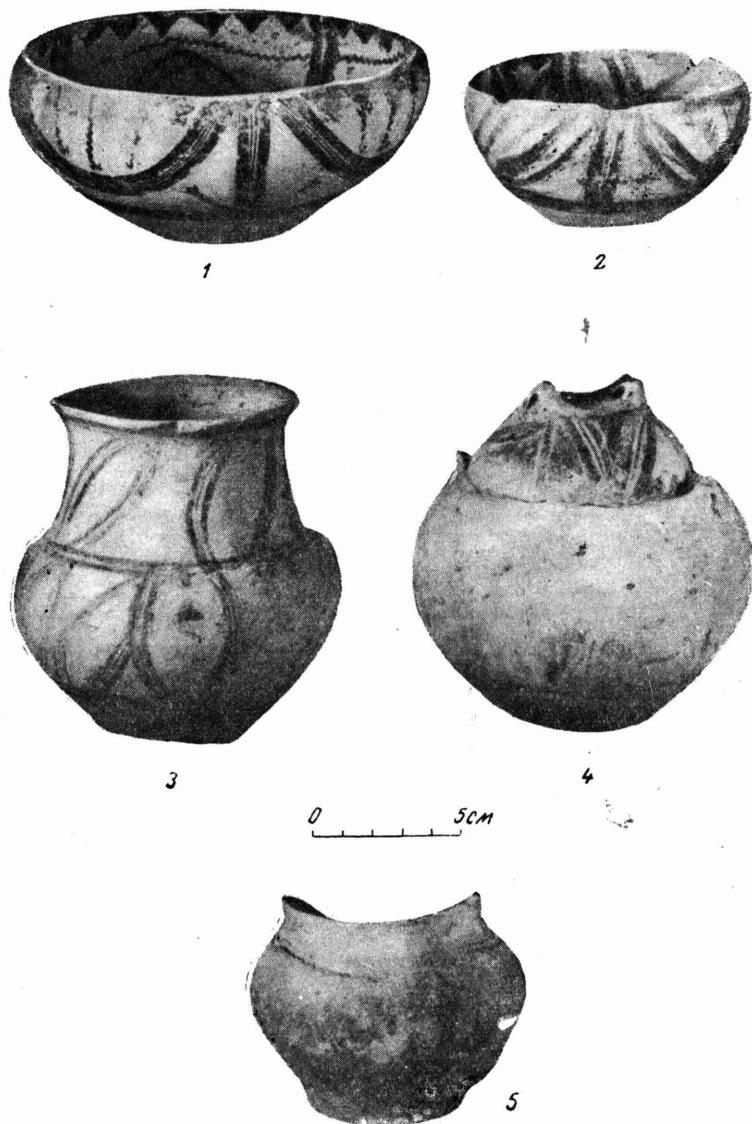


Рис. 29. Могильник у с. Выхватинцы.

1—4 — керамика с черной росписью; 5—6 — керамика с примесью мелкотолченых раковин.  
 (1 — из погр. № 27; 2 — из погр. № 16; 3 — из погр. № 30; 4 — из погр. № 35;  
 5 — из погр. № 20; 6 — из погр. № 23).

В женских глиняных статуэтках следует видеть изображение почитаемого божества, образ женщины олицетворяющей идею плодородия, связанную у древнеземледельческих племен с представлением о всеобщей плодородии и благополучии.

Можно предполагать, что после совершения захоронения глубокой могилы, вырытые в коричневатых суглинках, видимо, перекрывались накатом из дерева и затем уже засыпались землей. Существование подобного обряда может объяснить сильную нарушенность положенного инвентаря: сосудов, самого костяка и плохую сохранность черепов. После сгнивания накатника яма постепенно заполнялась землей. Могилы в древности обносились выкладками из плоских известняковых плит, часто окружавшими правильным кругом, полуovalом (кромлехи) место захоронения.

Большинство захоронений могильника связано с кромlexами и с каменными закладками. Наблюдения показали, что закладки в древности оставались на поверхности открытыми. Об этом свидетельствуют вторичные погребения, совершенные на месте Выхватинского могильника. Так в одном из кромlexов на незначительной глубине 1,25 м было открыто погребение № 22 прикрытое плоскими камнями; скорченный костяк подростка лежал на левом боку, ориентирован головой на юго-запад. Около него —

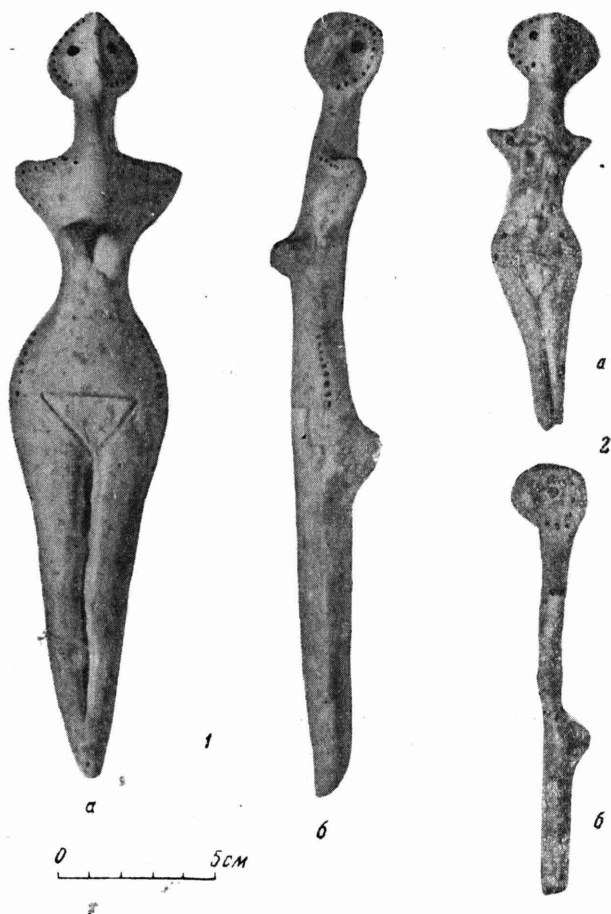


Рис. 30. Могильник у с. Выхватинцы. Глиняные статуэтки из погребений.

1 (а, б) — из погребения 29; 2 (а, б) — из погребения 33.

раздавленная чаша, украшенная росписью; в этом же каменном круге, но ниже, на глубине 2,10 м, т. е. на 0,85 м глубже, было более раннее погребение (№ 35); скелет взрослого лежал на спине, ноги подогнуты в коленях, обращенных влево, руки подняты к лицу. Около головы и перед лицом стояло шесть сосудов, в ногах — два. Под костяком сохранилась красная охра, погребение было засыпано частично белой каолиновой глиной. В ногах положен камень, у границы могильной ямы.

Таким образом, этот каменный кромlex в древности был дважды использован. Первоначально под ним был в глубокой могильной яме захоронен взрослый (погребение № 35), а позднее над ним, в яме более мелкой, — подросток (погребение № 22), — вероятнее всего, ребенок первого.

Подобный же случай отмечен и в другом кромлехе, где вначале на глубине 1,3 м обнаружено погребение подростка (№ 24/а), сопровождаемое четырьмя сосудами, а ниже на глубине 1,5 м, в могильной яме под этим погребением — захоронение другого подростка (№ 24/б); тут было 5 сосудов и конусовидное пряслице. Оба подростка лежали в скорченном положении на левом боку, и были ориентированы головой на северо-восток. Каменный круг в месте могильной ямы несколько разрушен (рис. 31).

Сделанные наблюдения показывают, что в Выхватинцах, как и в Усатове, в период позднего триполья существовало кладбище одной или нескольких родоплеменных групп, причем в патриархально-родовом обще-



Рис. 31. Могильник у с. Выхватинцы. Каменные кромлехи над погребениями.

стве того времени была уже видимо оформлена патриархально-родовая семья, на что указывают захоронения в одном кромлехе нескольких покойников; о начале имущественного неравенства говорит наличие погребений богатых и бедных. В богатых погребениях, как, например, в могиле № 9 (раскопки 1952 г.), вместе с покойником — вождем племени, наряду с большим числом (6) сосудов, статуэткой из кости и кремневым серпом был положен каменный топор с медной обоймочкой и медными клиньями — символ власти вождя<sup>4</sup>. В могилах бедных обычно бывает положен один лишь сосуд. Особенно интересен различный инвентарь, который мы находим в мужских, женских и детских могилах. Так, в 1952 г. в мужских могилах найдены — каменный топор, медное шило, кремневые серпы, костяное шило, лоцило, кабаньей клык; в женских — глиняные пряслица, роговая мотыга, орудия из кости, глиняные статуэтки (до трех); в детских, кроме сосудов, — антропоморфные погремушки<sup>5</sup>, и миниатюрные сосудики.

Особенно важен добытый в Выхватинском могильнике антропологический материал. К сожалению, в большинстве случаев — он крайне плохой сохранности. Не мало этому способствуют норы грызунов, проникающие

<sup>4</sup> Т. С. Пассек. Итоги работ в Молдавии в области первобытной археологии. ЖСИИМК, 56, 1954, рис. 43 и 44.

<sup>5</sup> Т. С. Пассек. Там же, рис. 49.

до дна могил. Взятые в 1952 г. антропологические материалы были переданы М. М. Герасимову. Одна из реконструкций черепа девочки 10—12 лет из погребения № 5 была им выполнена. Кости свода черепа и лица тонкие, изящного рисунка, череп долихокраний, лицо невысокое, неширокое, хорошо профилированное, нос немного выступающий. Нижняя челюсть тонкая, маленькая. Антропологический тип древнего трипольца вполне европейского облика; ближе всех отмечается сходство его со средиземноморским антропологическим типом. Подобное население обитало и на Балканском полуострове и в Подунавье.

В 1955 г. извлечено еще пять черепов. В настоящее время М. М. Герасимов работает над их реконструкцией.

Изучение Выхватинского могильника нельзя считать законченным. За два года (1952 и 1955) вскрыто 39 погребений<sup>6</sup>. Однако, если ставить своей задачей в целом изучение родового могильника, то этими работами нельзя ограничиться. И хотя в результате раскопок собрана редкая коллекция погребального инвентаря позднего Триполья и антропологический материал, все же всестороннее изучение совершенно неизвестного погребального обряда трипольских племен и вскрытие их родового кладбища полностью — дело будущего. Так же как в свое время, начиная изучать жилища трипольской культуры, мы стремились открыть весь поселок, так и теперь, приступив к раскопкам первого на территории Молдавии могильника эпохи раннего металла, мы ставим задачу раскопать его целиком. Эти раскопки позволят сделать новые обобщающие выводы о социальной организации общества того времени, экономике и быте древнего населения, об идеологических представлениях и погребальном обряде трипольских племен. В конечном итоге антропологический материал поможет сделать выводы о типе древнего населения.

Разведки, произведенные в окрестностях с. Выхватинцы, обнаружили существовавшее одновременно с могильником поздне трипольское поселение, располагавшееся в 0,5 км от могильника на берегу ручья Вермитка. К сожалению, поселение оказалось сильно разрушенным (размыто водой). Несколько выше по Днестру у с. Гедерим также обнаружено одновременное Выхватинскому могильнику небольшое поздне трипольское поселение<sup>7</sup>. Население этих и других соседних поселений хоронило, видимо, покойников в Выхватинском могильнике, принадлежавшем одной или нескольким родовым группам. Большое внимание уделялось за последние годы изучению поздне трипольских памятников в бассейне Днестра на Украине и в Молдавии, это позволило выяснить территорию расселения поздне трипольских племен в эпоху раннего металла и поставить вопрос о локальных различиях этих племен<sup>8</sup>.

Помимо значительного числа поздне трипольских памятников-поселений, в Молдавии в 1954 г. во время раскопок у с. Голерканы<sup>9</sup>, на правом берегу Днестра было открыто три скорченных (детских) погребения поздне трипольского времени<sup>10</sup> с аналогичной Выхватинскому могильнику керамикой.

<sup>6</sup> В разведывательных шурфах в 1948 г. М. В. Воеводским было открыто два погребения; в 1951 — И. Г. Розенфельдт — три погребения. См. А. Е. Алихова. Выхватинский могильник. КСИИМК, XXV, 1949; И. Г. Розенфельдт. Выхватинский могильник по раскопкам 1951 года. КСИИМК, 56, 1954.

<sup>7</sup> Т. С. Пассек. Новые данные о поздне трипольских поселениях на Днестре. «Изв. Молд. филиала АН СССР», № 5, Кишинев, 1955. Рис. 3 — 1—12.

<sup>8</sup> Т. С. Пассек. Там же, см. карта, рис. 5.

<sup>9</sup> Многослойное поселение у с. Голерканы Криулянского района Молд. ССР находилось на первой надпойменной террасе Днестра, на правом берегу, и было раскопано Молдавской экспедицией в 1954 г. во время работ в зоне затопления Дубоссарской ГЭС. В настоящее время территория древнего поселения затоплена водами Днестра. Материал из раскопок хранится в Музее Молдавского филиала АН СССР в Кишиневе.

<sup>10</sup> Т. С. Пассек. Раскопки на многослойном поселении у с. Голерканы. «Изв. Молд. филиала АН СССР», № 4 (31), Кишинев, 1956.

Керамика доставленная в 1954 г. в областной музей краеведения в Кишиневе, позволяет сделать заключение, что на нижнем Днестре, у с. Раскояцы, находится еще один поздне трипольский могильник.

## II

### ПОСЕЛЕНИЕ У С. ФЛОРЕШТЫ

Поселение у с. Флорешты расположено на левом, возвышенном (20 м) берегу р. Реут, вплотную примыкающем к железнодорожной линии Бельцы—Жмеринка. Территория поселения распахивается и на поверхности, кроме фрагментов своеобразной керамики, близкой по типу к раннетрипольской, собраны обломки глиняной обмазки, кремневые и костяные орудия, а также фрагменты сосудов эпохи «полей погребений». Поселение впервые было открыто в 1954 г. местным любителем-краеведом В. И. Маркевичем.

В 1955 г. Молдавская экспедиция заложила на поселении во Флорештах небольшой разведывательный раскоп общей площадью в 12 кв. м (4 м×3 м). Начиная с глубины 0,5 м в черноземе обнаружен культурный слой, состоящий из обломков костей животных, фрагментов керамики дунайского типа так называемой культуры Боян, орудий из кремня, кремневых отщепов, изделий из кости. Более насыщен культурный слой с глубины 0,60—0,75 м, причем с глубиной число находок увеличивалось. Постепенные зачистки площади раскопа на глубине 1,4—1,5 м выявили на фоне коричневатого суглинка слабо выраженные очертания нескольких (семь) небольших ям; появились очажные камни, камни зернотерок; культурный слой стал волнистым.

Одна из ям (№ 2) была сплошь заполнена золой, фрагментами сосудов дунайского типа, так называемой культуры Боян. В других ямах (№ 1, 5, 6) на дне — обнаружены, кроме того, и фрагменты линейно-ленточной керамики. В разрезах раскопа (северная и западная стенки) сделаны некоторые наблюдения над стратиграфией залегания культурных остатков: до глубины 1,0—1,4 м в большинстве залегала керамика дунайского типа Боян, глубже и на дне некоторых ям — керамика линейно-ленточная<sup>11</sup>.

Таким образом, в разведочном раскопе 1955 г. выделилось два различных керамических комплекса. По сравнительно небольшим стратиграфическим данным можно высказать предположение, что эти комплексы залегали в культурном слое один под другим.

I. Первый керамический комплекс, в большинстве залегавший в верхних горизонтах слоя, состоит из трех групп сосудов:

*Первая группа.* Тонкостенные сосуды из серой и черной плотной массы, поверхность хорошо лощеная, покрыта обычно каннелюрами. Орнамент мелкий и нанесен штампом, а также углубленный. Из форм следует отметить средних размеров плоскдонные горшочки, сосуды с сильно открытым горлом. Группа каннелированных тонкостенных серых и черных лощеных сосудов характерна для всех комплексов раннетрипольской керамики (рис. 32—1—4). Происхождение этого типа каннелированной керамики связывается с более Южными Дунайско-Балканскими территориями

<sup>11</sup> На глубине 0,50—0,65 м при раскопках попадались лишь единичные (5 шт.) мало выразительные фрагменты серых тонкостенных лощеных сосудов, украшенных тонкими прорезными полосками с округлыми углублениями на концах. Эти полоски сходятся под углом, образуя так называемый угловой нотный орнамент, типичный для более поздней линейно-ленточной керамики. Начиная с глубины 0,7 м подобных фрагментов выявлено еще 6 штук. Заметное увеличение числа их можно было наблюдать глубже и, наконец, на дне ям (№ 1, 5, 6) обнаружено наибольшее количество (свыше 40 фрагментов).

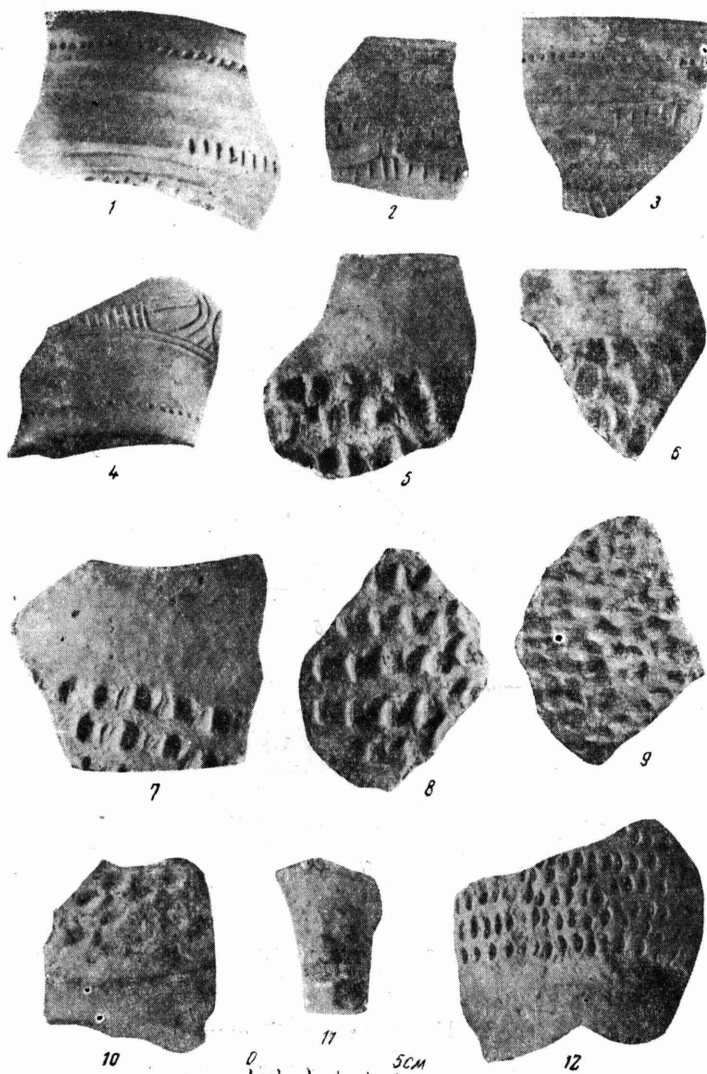


Рис. 32. Поселение у с. Флорешты. Фрагменты керамики.

1—4 — рибнетрипольской с каннелюрами; 5—12 — грубой кухонной;  
11 — ножка от сосуда.

вплоть до Македонии и Средиземноморья, где подобная посуда характерна в период неолита и датируется концом IV—началом III тысячелетия до н. э.

*Вторая группа.* Толстостенные сосуды из черной (серо-черной) комковатой массы с примесью шамота; они с хорошо лощеной серой наружной поверхностью и черной лощеной внутренней. Большим своеобразием отличается орнамент и техника его нанесения, совершенно отличная от раннетрипольской. Орнамент не вдавленный или углубленный, как обычно, а резной или вырезной в виде резных треугольников, квадратов, образующих шахматные узоры, часто заполненные белой и красной массой. Спиральные узоры на сосудах нанесены глубокими врезанными полосами (рис. 33).

Выделяются сосуды на цилиндрических полых подставках (рис. 33 — 8—11), конические крышки с сильно выступающим верхом (рис. 33 —

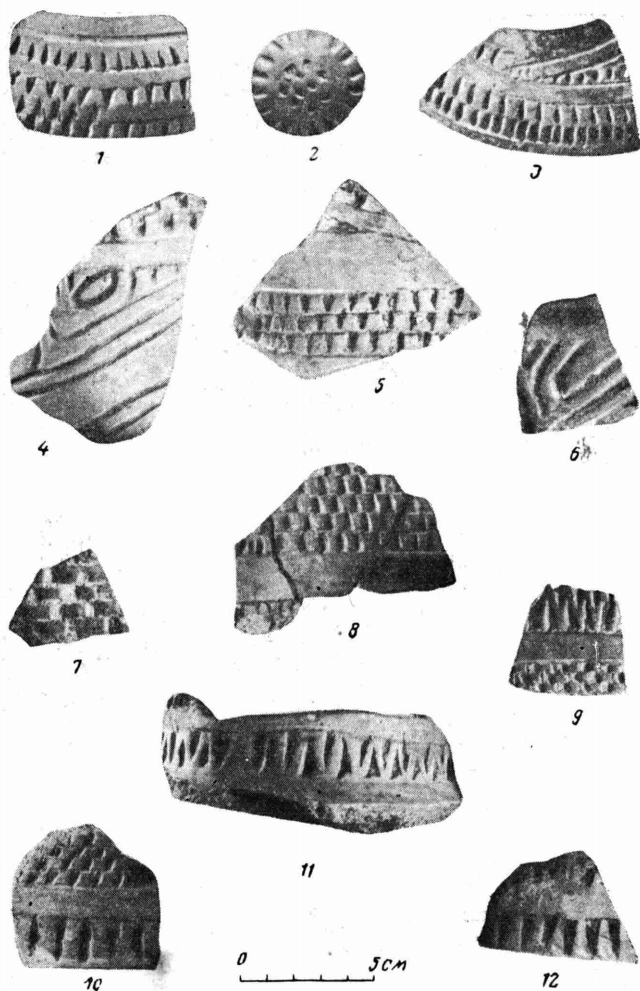


Рис. 33. Поселение у с. Флорешты.  
1—12 фрагменты керамики с резным орнаментом.

1—3). По форме сосуды близки к раннетрипольским, но техника нанесения орнамента по сырой глине путем вырезания неизвестна среди трипольской керамики и совпадает по технике и стилю орнамента с энеолитической керамикой дунайских поселений культуры Боян или фазы Джулешты, в бассейне между Серетом и Прутом в Румынии<sup>12</sup>.

*Третья группа.* Грубые кухонные сосуды из желтовато-серой массы. Исключительно характерным является сплошное заполнение, начиная от основания края наружной поверхности сосуда, ногтевым орнаментом с отгибом (рис. 32 — 5—12). Подобная кухонная посуда в раннетрипольских поселениях если и известна, то в единичных экземплярах и характерна для поселений фазы Джулешты<sup>13</sup>.

II. Второй керамический комплекс, залегающий ниже первого, состоит из характерной керамики с линейно-ленточным орнаментом и разделяется на 2 группы:

<sup>12</sup> Eug. Comşa Considerații cu privire ea evoluția culturii Boian. «Studii și cercetări de istorie veche», т. V, № 3—4, București, 1954, фиг. 15.

<sup>13</sup> Поселения, например, в Долине Лупулуй («Studii și cercetări de istorie veche», т. I, № 1—2, 1951, фиг. 7—10), в Ларга-Жижи (там же, т. III, 1952) и др.



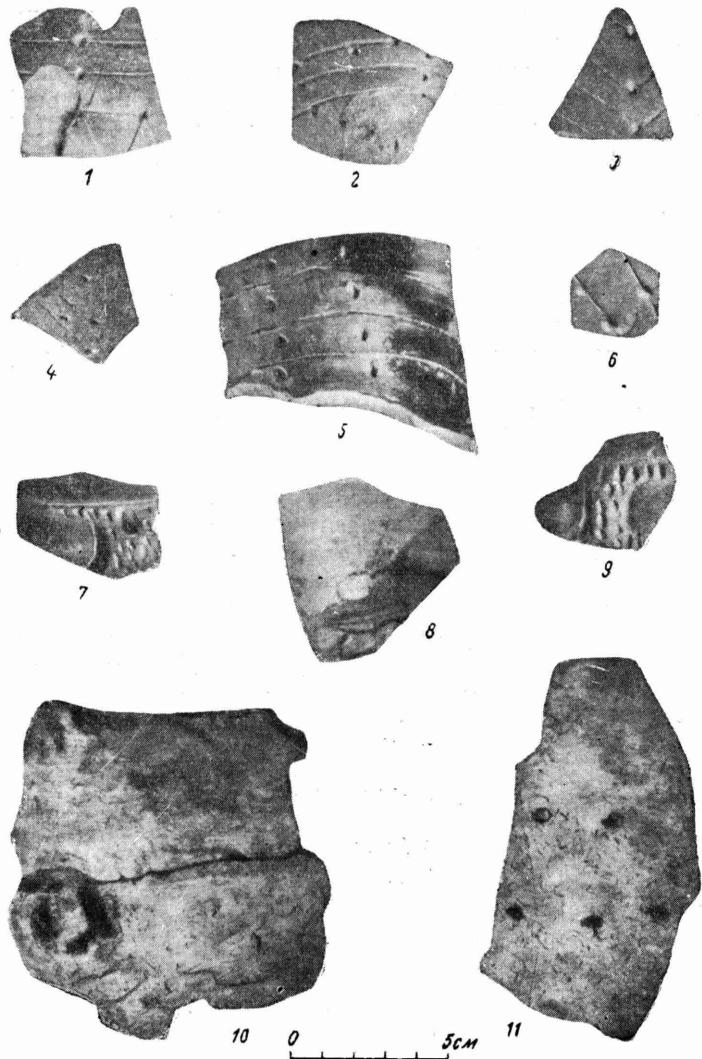


Рис. 34. Поселение у с. Флорешты. Фрагменты линейно-ленточной керамики.  
 1—6, 8 — тонкостенные серые лощеные сосуды с так называемым нотным орнаментом; 7, 9 — фрагменты сосудов с накольчатым орнаментом; 10—11 — грубая кухонная посуда с растительной примесью в глиняной массе.

*Первая группа.* Тонкостенные, из серой массы, хорошо лощеные сосуды с угловым нотным орнаментом (рис. 34—1—6, 8). Среди форм представлены: средних размеров, глубокие, округлых очертаний чаши со слабо выраженным плоским дном. На стенках некоторых чаш есть упоры-ручки (рис. 34—1+6). Орнамент в виде прорезанных тонких полос, сходящихся под углом или опоясывающих сосуд; иногда перекрещивающиеся в сетку полосы покрывают значительную часть стенок округлых чаш (рис. 34—6). Тонкие полосы пересечены мелкими углублениями. Очень интересен накольчатый орнамент, заполняющий промежутки между полосами, образующими узоры на сосудах (рис. 34—7, 9).

Первого типа орнаменты аналогичны угловому нотному орнаменту, известному в Чехословакии, Моравии, Польше, в Румынии и в Поднестровье. Что касается накольчатого, то его вероятно следует считать более древним

и относить к орнаментам так называемой волютной керамики. Подобный узор во Флорештах известен пока на двух фрагментах.

*Вторая группа.* Сосуды, обычно сопровождающие серую тонкостенную линейно-ленточную керамику. Это кухонная посуда из черной пористой и слоистой массы с растительной примесью (рис. 34—10, 11). Наружная поверхность желтовато-серая, черноватая с заметными тонкими штрихами заглаживания. Внутренняя черная, тоже со следами сглаживания. Среди форм — чаши с орнаментом в виде рядов плоских углублений у края. На стенках часто бугорки в виде упоров-ручек; характерны и плоские налпные упоры.

Обе эти группы типичны для керамики с линейно-ленточным орнаментом, относящейся (по Г. Чайльду) к дунайской культуре первого периода.

Наряду с керамическими изделиями, во Флорештах обнаружено малых размеров односторонне выпуклое долото из сланца, обычно сопровождающее сосуды с линейно-ленточным орнаментом.

Среди орудий кремневых и орудий из кости следует выделить: костяные шилья и лопаточки, клиновидные сланцевые долота, кремневые нуклеусы, скребки на крупных отщепях, грубые небольшие округлые скребки на отщепях, вкладыши серпов. Найден фрагмент глиняной статуэтки, окрашенный белой краской и половина головки — костяной, со сквозным отверстием. Подобные статуэтки широко распространены в бассейне Дуная и южнее, в Болгарии<sup>14</sup>.

В культурном слое Флорешты наряду с находками керамики и орудий из кремня, камня и кости встречено и некоторое количество (328) костей животных. В. И. Цалкин определил из них 227 экземпляров.

Костей домашних животных:

Вид	Количество костей	Число особей	Примечание
Крупный рогатый скот	40	5	Только молодые особи
Мелкий рогатый скот	9	5	
Свинья	9	4	
Собака	3	1	
	61	15	

Костей диких животных:

Вид	Количество костей	Число особей	Примечание
Зубр или тур (?)	75	7	
Благородный олень	26	7	
Косуля	13	5	
Кабан	50	10	
Бобр	1	1	
Лошадь	1	1	
	166	31	

<sup>14</sup> В. Миков. Идолната пластика през невокаменната епоха в България. «Известия на Български археол. институт», т. VIII, София, 1935; Н. Петков. Классификация на плоските костни идоли в Балкано-Дунавската област. «Годишник на Народния археологически музей Пловдив», кн. II, София, 1950.

На основе полученных определений крайне небольшого числа костей возможно сделать следующие предварительные заключения о фауне поселения во Флорешты; наибольшее количество костей принадлежит диким животным: 31 особь из 46 общего числа особей. Среди них первые места занимают зубр или тур (7 особей), благородный олень и косуля (12 особей) и кабан (10 особей). Все это дикие животные, на которых человек, живший на поселении Флорешты, охотился в окрестных больших лесах.

Среди костей домашних животных кости крупного рогатого скота (40 шт.) принадлежат пяти особям, кости мелкого рогатого скота (9 шт.) — пяти особям. Только от молодых особей обнаружены кости свиньи. По этим предварительным данным возможно говорить о значительной роли охоты (66,7%) в хозяйстве по сравнению со скотоводством (33,3%). Это процентное соотношение костей домашних и диких животных в культурном слое во Флорешты заметно отличается от процентного соотношения известных наиболее ранних трипольских поселений. (Например, в Луке-Врублевещкой кости домашних животных составляют 41%, а диких — 59%).

Таким образом, возможно сделать предположение, что разведывательный раскоп во Флорештах обнаружил часть большого жилища с отдельными ямами-углублениями на дне, характерными для больших неолитических жилищ культуры с линейно-ленточной керамикой в средней Европе, где эти большие жилища состоят из комплекса ям-полуземлянок. Следует предполагать также, что на поселении во Флорештах обнаружена большая землянка времени дунайской культуры первого периода с линейно-ленточной керамикой, залегающей в нижнем горизонте культурного слоя. Вторично эта землянка была, видимо, использована позднее, племенами—носителями культуры типа Боян (фазы Джулешты), чему соответствует верхний горизонт культурного слоя во Флорештах. На основании стратиграфических наблюдений следует сделать заключение, что в бассейне р. Реут во Флорештах открыто неолитическое поселение, культурный слой которого включает два различных керамических комплекса, соответствующих двум культурным горизонтам. Особо важно то, что оба горизонта поселения по времени предшествуют всем известным до сих пор раннетрипольским поселениям и на Украине и в Молдавии.

Изучение находок из верхнего культурного горизонта с неолитической керамикой фазы Джулешты, известной в Румынии в бассейне Серета и Прута, или типа Боян в бассейне Дуная, позволяет проследить преемственную связь более древней неолитической культуры типа Боян-Джулешты (IV тыс. до н. э.) с трипольской, на основе которой оформляется на Днестре (в начале III тыс. до н. э.) культура раннетрипольских племен. Тем самым вопрос о происхождении трипольской культуры в Поднестровье после открытий во Флорештах ближе чем когда-либо становится на правильном пути своего разрешения. Культура раннетрипольских племен в Днестровском бассейне возникает на местной неолитической основе — культуре типа Боян-Джулешта. Поселение во Флорештах является, таким образом, важнейшим новым звеном в понимании сложения на Днестре культуры раннетрипольских племен.

Не менее интересным оказался и нижний культурный горизонт первой дунайской культуры с линейно-ленточной керамикой, принадлежащей средневропейским нетрипольским неолитическим племенам.

Культура этих земледельческих племен широко известна на всем пространстве от Венгрии до Северной Германии и от Поднестровья до Бельгии, охватывая Польшу, Чехословакию, Моравию, Румынию. В керамике с линейно-ленточным орнаментом выделяются две группы — более ранняя с волотным (спиральным) и более поздняя с угловым, так называемым нотным орнаментом.

Вопрос о соотношении дунайской культуры первого периода (с линейно-ленточным орнаментом) с культурой Боян-Джулешты в науке до сих пор остается не разрешенным окончательно. Также не решенным остается и вопрос о соотношении культур с линейно-ленточной керамикой и трипольской.

Попытки связать трипольскую культуру в своем происхождении с культурой линейно-ленточной керамики не находят в настоящее время себе подтверждения. В последнем обзоре памятников культуры с линейно-ленточной керамикой в верхнем Поднестровье И. К. Свешников<sup>15</sup> предполагает что: 1) древняя линейно-ленточная керамика со спиральным орнаментом датируется временем более ранним, чем этап А трипольской культуры; 2) более поздняя линейно-ленточная керамика с угловым нотным орнаментом одновременна этапу А трипольской культуры и является более древней, чем триполье этапа В/1. Это подтверждается раскопками Е. К. Черныш в Незвиско на Днестре<sup>16</sup> и С. Н. Бибикова в Луке-Врублевцевкой<sup>17</sup>. Так, в Незвиско погребение и жилище с линейно-ленточной керамикой стратиграфически залегало ниже трипольского жилища этапа В/1, а в Луке-Врублевцевкой (этап А) было несколько фрагментов керамики с линейным орнаментом, как объясняет С. Н. Бибиков, привезенных из Подунавья и синхронных раннему Триполюю.

В своих исследованиях о неолите в Румынии И. Нестор пишет о большей древности керамики с линейно-ленточным нотным орнаментом по сравнению с трипольскими памятниками докукутеновского этапа (этап А моей периодизации)<sup>18</sup>. И. Нестор ссылается при этом на ряд поселений, где в Румынии были сделаны находки типа Боян и Кёреш в одном районе, по соседству с неолитическими поселениями с линейно-ленточной керамикой и считает последнюю более древней, хотя нигде не было сделано наблюдений стратиграфических о соотношении этих двух основных неолитических культур — дунайской первого периода и культуры (докукутеновской) типа Боян.

За последнее время в Румынии вышло несколько исследований Е. Комша, специально посвященных вопросам периодизации докукутеновской неолитической культуры Боян, причем Е. Комша выделяет четыре фазы культуры Боян — Болинтиняну, Джулешты, Видра, Петру Рареш — и наносит на карту основные пункты находок<sup>19</sup>. Хозяйство племен типа Боян было земледельческо-скотоводческим, о чем свидетельствуют находки зерен пшеницы (*triticum monocossum* и *triticum vulgare*), проса, вероятно гречихи; кости домашних животных — быка, овцы, козы, свиньи и собаки. Наиболее древней фазой выделяется фаза Болинтиняну, занимающая нижнее течение Дуная. Позднее, во время последующей фазы — Джулешты племена распространяются с юга на север, занимая бассейн р. Серет на востоке и среднее течение р. Марош, где находится известное поселение Тордош. Одновременно, в период фазы Видра и Петру Рареш, племена типа Боян распространяются на юг в Болгарию до р. Марицы. На ряде поселений в Румынии в бассейне Серета обнаружена керамика, аналогичная Флорешты (фаза Джулешты) — у с. Траян и у Дялуй-Вий, в бас-

<sup>15</sup> И. К. Свешников. Культура линейно-ленточной керамики на территории верхнего Поднестровья и Западной Вольны. СА, XX, 1954, стр. 100—130.

<sup>16</sup> Е. К. Черныш. Многослойное поселение у села Незвиско на Днестре. КСИИМК, 63, 1956.

<sup>17</sup> С. Н. Бибиков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевцевая на Днестре. МИА № 38, 1953.

<sup>18</sup> I. Nestor. Cultura cerameicei Iiniare in Moldova. «Studii si cercetări de istorie veche», т. II, № 2, июль—декабрь, Bucureşti, 1951.

<sup>19</sup> Eug. Comsa. Stadiul cercerărilor dispre viața oamenilor din faza Bolintineanu a culturii Boian. Там же, т. VI, № 1—2, 1955.

сейне р. Прут у Ларга Жижия (Долина Лупулуй) и близкая к ней у Эзешты<sup>20</sup>. Здесь же, как во Флорештах, найдены и сосуды с линейно-ленточным орнаментом. Однако наблюдений стратиграфических сделано не было и, таким образом, не удалось установить точное хронологическое соотношение между культурами с линейно-ленточной керамикой и типа Джулешты культуры Боян.

Все известные находки керамики, по последней сводке Б. Соудского в Чехословакии<sup>21</sup> и в Польше, не дают точной стратиграфии для установления относительной хронологии отдельных этапов культуры с линейно-ленточным орнаментом, с одной стороны, и относительной датировки этой культуры с памятниками типа Боян и ее вариантов.

Нанесение на карту находок керамики с линейно-ленточным орнаментом и раннетрипольских показывает, что в бассейне Днестра и Вольни эти культуры представляли две соседствовавшие и частично одновременно существовавшие группы неолитических племен. Поднепровье, видимо, является районом, где обе эти культуры граничили друг с другом.

Небольшие раскопки во Флорештах в 1955 г. приобретают, таким образом, особое значение и прежде всего — в связи с общими проблемами истории племен периода неолита и энеолита на юге Восточной Европы. Два культурных горизонта обнаруженные на поселении во Флорештах и наблюдения над их залеганием должны уточнить, с одной стороны, вопрос соотношения дунайской культуры первого периода и неолитической культуры типа Боян, с другой — наметить новые пути решения вопроса о соотношении культуры типа Боян и раннетрипольской. Тем самым продвинется решение важнейшего вопроса о происхождении трипольской культуры, возникшей, видимо, на Днестре на основе местной неолитической культуры типа Флорешты — Боян и его варианта — Джулешты.

---

<sup>20</sup> См. «Studii si cercetări de istorie veche», т. III, 1952; 10, № 1—2, 1953; т. V, № 1—2, 1954.

<sup>21</sup> Bohumil Soudek. K methodice trideni volutove keramiky. «Pamatky Archeologicke», Cislo — 1—2. Ročník, XLV, 1954. Československá akademie věd.

Т. Г. МОВША

## МЕДНЫЕ УКРАШЕНИЯ ИЗ КИЕВА

В 1925 г. Киевский исторический музей приобрел пять медных украшений, найденных около 1905 г. в Киеве на Трехсвятительской улице (современная ул. Героев Революции), дом № 9 во время копки котлована для фундамента здания. В каталоге музея эти предметы записаны под инв. № 32878—32882. Более подробные данные об обстоятельствах находки отсутствуют.

В числе вещей диадема, луновидная подвеска и три височных кольца.

1. **Диадема** (инв. № 32878) неправильно-округлой формы изготовлена из расклепанного прута медной проволоки. Она имеет вид тонкого широкого обруча (длина 71,5 см, максимальная ширина 3 см, диаметр 19 см × 20,8 см), постепенно сужающегося к заходящим друг за друга концам, законченным завитками в один оборот. Внешняя сторона предмета украшена продольным рельефным ребрышком, которому на внутренней поверхности отвечает продольный желобок (его наибольшая ширина 0,4 см), проходящий почти посередине полосы диадемы и сходящий на нет на ее концах (рис. 35 — 1). Поверхность покрыта налетом патины темно-зеленого цвета. На обруче заметны незначительные повреждения: надломы, погнутость, в двух местах на внешней стороне поверхность надпилена, в нескольких местах стерта до металла (красная медь). На внутренней стороне заметно отслаивание тонких пластин, видимо, в результате проковки поверхности.

Аналогии диадеме из Киева нам неизвестны. По форме она напоминает два браслета из клада эпохи ранней бронзы, найденного у с. Стубло (Стеблевка), Ровенской области<sup>1</sup>. Но эти браслеты — меньших размеров, продольное ребро и завитки на заостренных концах отсутствуют.

2. **Луновидная подвеска** (инв. № 32882) представляет собой широкую, округлой формы, плоскую, расклепанную из прута медной проволоки пластинку (диаметр 11,5 см, максимальная ширина пластинки — 2,4 см), постепенно сужающуюся к концам. Один конец заканчивается завитком в один оборот, второй, более длинный, переходит в круглую в сечении проволоку, заходящую своим заостренным концом за короткий конец и располагающуюся в углублении, образованном загнутым внутрь почти под прямым углом верхним краем подвески. Наружная поверхность украшена группами выдавленных с внутренней стороны коротких ребрышек, располагающихся по нижнему краю подвески в следующем порядке: у уз-

<sup>1</sup> W. Antoniewicz. Der in Stublo in Walhynien aufgefundene Bronzeschatz. ESA, т. IV, рис. 4, 5.

ких концов — группы (по одной с каждой стороны) из шести ребрышек, причем с левого конца ребрышки едва заметны; у центра нижнего края находятся на неодинаковом расстоянии друг от друга три группы, состоящие из восьми ребрышек каждая (рис. 35—2). Поверхность подвески покрыта налетом темнозеленой патины. Сохранность хорошая.

Точные аналогии описанной подвеске отсутствуют. Наиболее близки к ней по форме золотые шейные гривны с датских островов, отличающиеся, однако, от публикуемого экземпляра отсутствием загиба на верхнем крае пластины, расклепанными концами и орнаментом (на одной из них), состоящим из групп продольных углубленных линий<sup>2</sup>. Напоминают подвеску две

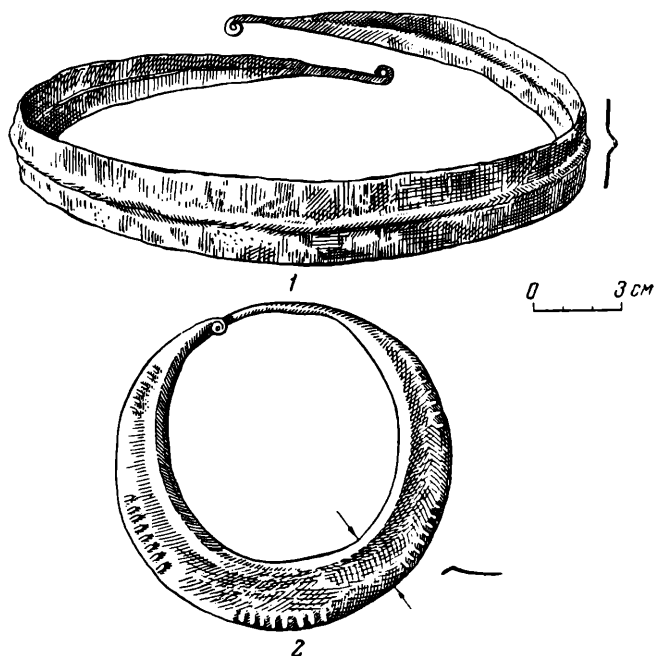


Рис. 35. Украшения, найденные в Киеве в 1905 г.

1 — диадема; 2 — подвеска.

золотые шейные гривны, найденные в Ирландии и Северной Франции<sup>3</sup>. Однако и эти аналогии весьма отдаленны: поверхность этих украшений покрыта тонким гравированным орнаментом, на концах — граненые шпешечки. Перечисленные аналогии датируются ранним периодом бронзового века.

3. Височное кольцо (инв. № 32879), изготовленное из прямоугольной в сечении медной проволоки, расклепанной от половины в широкую тонкую пластинку овальной формы, напоминающую листочек со стебельчатым концом (длина пластинки 7,7 см, максимальная ширина — 4,1 см). Пластинка и проволока согнуты, благодаря чему кольцо получило овальную форму (диаметр — 8,5 см × 9 см). На внешней стороне листочка нанесено продольное ребрышко, которому на внутренней соответствует такое же вдавление. Края украшены короткими поперечными рельефными полосками, оттиснутыми с внутренней стороны и расположенными по три у каждого края листочка. Полоски не одинаковы — по одному краю они

<sup>2</sup> O. Montelius. Die Chronologie der ältesten Bronzezeit in Nord-Deutschland und Skandinavien. Braunschweig, 1900, стр. 79, фиг. 202, 203.

<sup>3</sup> O. Montelius. Указ. соч., стр. 211, фиг. 511, 512.

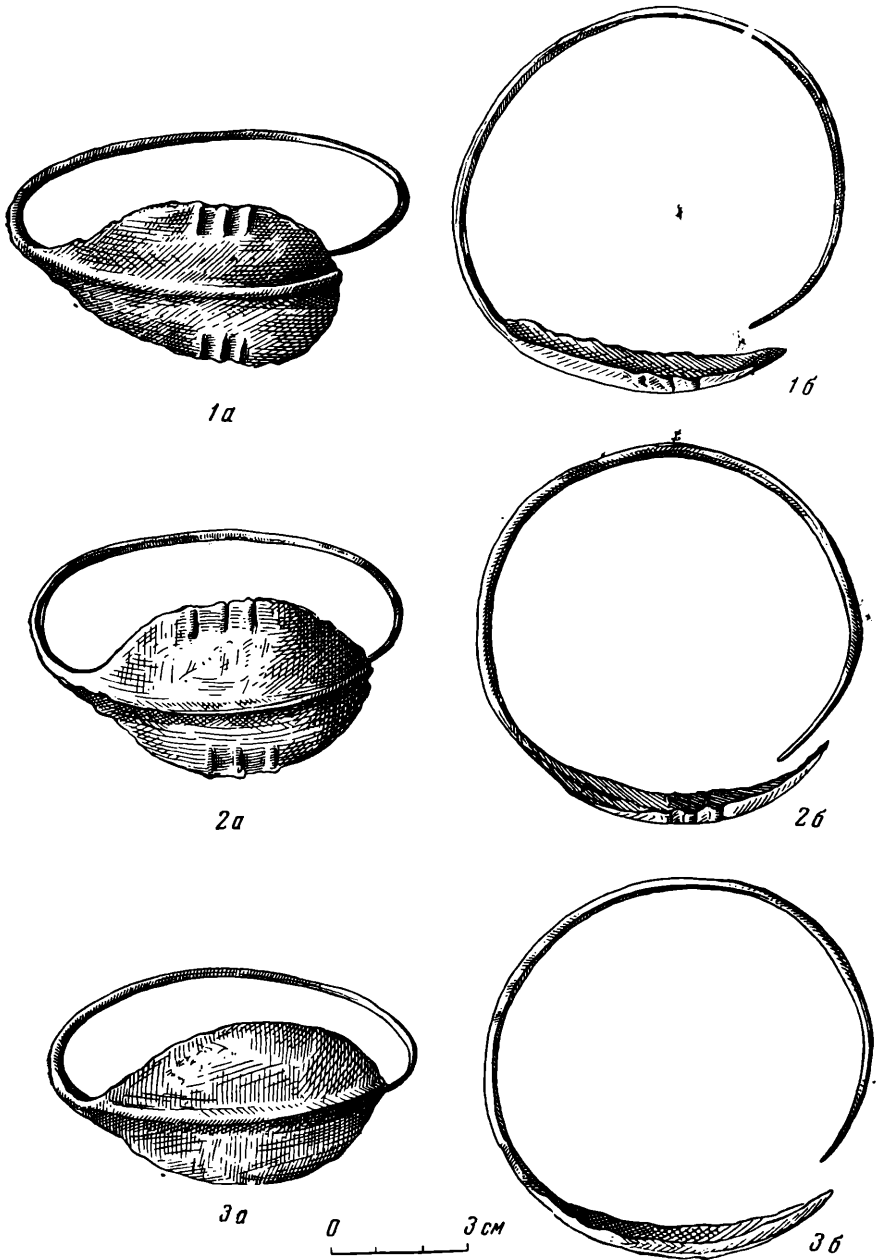


Рис. 36. Височные кольца, найденные в Киеве в 1905 г.  
 1а, 1б — височное кольцо № 32879; 2а, 2б — № 32880; 3а, 3б — № 32881.



длиннее чем по другому (0,8 см и 0,6 см). Толщина проволоки у основания листочка 0,3 см, на его конце 0,1 см. Проволока заходит под листочек, ее конец обломан. Поверхность кольца покрыта темнозеленым налетом патины, местами стерта до металла (красная медь). Края листочка слегка вогнуты, в нескольких местах выщерблены (рис. 36—1).

4. Височное кольцо (инв. № 32880), по форме и орнаменту аналогичное предыдущему (диаметр 8,4 см × 8,7 см). Края широкого листочка (длина 7,8 см, ширина 4,3 см) также стерты, согнуты и слегка надломлены. Конец проволочки, заходящий, видимо, прежде в желобок на внутренней стороне листочка, обломан (рис. 36—2).

Несмотря на незначительные различия обоих колец в размерах, они составляют, видимо, одну пару украшений головного убора.

5. Височное кольцо (инв. № 32881), близкое по форме двум предыдущим, но отличается от них несколько более удлиненной формой листочка (длина 7,5 см, ширина 3,9 см) и отсутствием поперечных рельефных полосок у его краев. Диаметр 8 см × 8,4 см (рис. 36—3).

Ближайшей аналогией этому кольцу является бронзовое височное кольцо из погребения у с. Семаки Сенкевичевского р-на, Волынской области<sup>4</sup>. Двум другим височным кольцам точные аналогии отсутствуют. Несмотря на это, все три кольца из коллекции Киевского государственного исторического музея следует отнести к группе украшений, встречающихся в поздних погребениях «культуры шнуровой керамики» на территории Западной Волыни, Прикарпатья и Западного Подолья. В настоящее время бронзовые височные кольца с тонкой изогнутой пластинкой в виде ивового листочка с одним продольным ребром, кроме погребения у с. Семаки, известны еще из сел: Передиванье Станиславской обл. (два экземпляра)<sup>5</sup>, Почапы Львовской области<sup>6</sup>, Хлопы (Переможное) Дрогобычской обл.<sup>7</sup>, Городок Ровенской обл.<sup>8</sup>, Дубно Ровенской обл.<sup>9</sup>, Торчин Волынской обл.<sup>10</sup>. Десять подобных височных колец входило в состав клада, найденного у с. Стеблевки<sup>11</sup>. Перечисленные височные кольца изготовлены из бронзы, имеют более удлиненную форму листочка (чем у украшений из Киева) и, кроме того, они значительно меньших размеров. Исключение составляет височное кольцо из Семаков, по размерам близкое найденным в Киеве (диаметр 9,5 см).

И. К. Свешников<sup>12</sup> разделяет височные кольца из погребений «культуры шнуровой керамики» на три типа: 1) кольца в виде ивового листочка с гладкой поверхностью, 2) кольца с продольным, оттиснутым с внутренней стороны листика рельефным ребром, 3) кольца с тремя продольными ребрами на внешней поверхности листочка. Первый и третий типы колец

<sup>4</sup> Хранится в Львовском историческом музее, инв. № А—4114/3.

<sup>5</sup> J. Kostrzewski. «Przegląd Archeolog.», т. X, стр. 9. Хранятся в Львовском историческом музее, инв. № А—4114/1, А—4114/4.

<sup>6</sup> Три обломка из разрушенных погребений. Хранятся в Львовском историческом музее, инв. № А—4112/1, А—4112/3, А—4115.

<sup>7</sup> V. Antoniewicz. Указ. соч., стр. 140. Хранится в Львовском историческом музее, инв. № А—4114/2.

<sup>8</sup> Два височных кольца, найденные возле каменной гробнице V. Antoniewicz. Указ. соч., стр. 140).

<sup>9</sup> Четыре височных кольца из случайно открытого погребения с труположением на Сурмичах (предместье г. Дубно). Хранятся в Дубновском краеведческом музее, инв. № 3650, 3651, 3652, 3653.

<sup>10</sup> Одно целое и два обломка височных колец из погребений, раскопанных в 1937 г. І. Фидке (J. Fitzke. Smentarzysko kultury ceramiki sznurowej w Torczynie pow. Luck irowozdania Polskiej Akad. Umiejętności, т. XLIII, № 1, 1938, стр. 26). Хранятся в Луцком музее.

<sup>11</sup> V. Antoniewicz. Указ. соч., рис. 13—19.

<sup>12</sup> И. К. Свешников. Памятки бронзовой доби заходних областей УРСР. 1949. Рукопись. Хранится в Ин-те археологии АН УССР в Киеве.

распространены также на территории Польши<sup>13</sup>, второй — следует считать характерным для той группы памятников «культуры шнуровой керамики», которая распространена на территории Прикарпатья, Западной Волыни и Западного Подолья.

Височные кольца из Киева (вернее, одно из них) относятся ко второму типу этих украшений и являются наиболее восточной находкой подобных колец. Они указывают на связи, существовавшие между племенами-носителями «культуры шнуровой керамики» территории теперешних западных областей УССР и населением Среднего Поднепровья (возможно, племенами, оставившими памятники среднеднепровской культуры) в первой половине II тысячелетия до н. э. Медную диадему на основании указанных аналогий следует, видимо, отнести к той же группе изделий, что и височные кольца. Луновидная подвеска, являющаяся, видимо, своеобразным местным подражанием скандинавским золотым шейным гривнам, указывает на некоторые связи Среднего Поднепровья с Северной Европой в начале бронзового века.

---

---

<sup>13</sup> Например, S. N o s e k. Zagadnienie Prastowiańszczyzny w świetle prehistorii. Swiatowit XIX, табл. XV, 4, 6, 7; XVIII, 2.

Г. И. СМЕРНОВА

ПОСЕЛЕНИЕ ПОЗДНЕБРОНЗОВОГО ВЕКА И РАННЕГО  
ЖЕЛЕЗА ВОЗЛЕ с. МАГАЛА ЧЕРНОВИЦКОЙ ОБЛАСТИ

В 1955 г. Западно-Украинской экспедицией Государственного Эрмитажа раскапывалось поселение возле с. Магала Садгорского района, в 10 км от г. Черновцы.

Поселение открыто сотрудником Черновицкого историко-краеведческого музея Б. А. Тимошуком. Во время разведки 1953 г. здесь им был собран материал, характерный для культуры фракийского гальштата<sup>1</sup>.

Это селище открытого типа; оно занимает высокий мыс с крутыми и мало доступными склонами, который возвышается над долиной р. Прут; русло реки в настоящее время находится в четырех км от села.

В начале работ в различных концах мыса было заложено пять разведочных траншей, три из них затем расширены в раскопы. Общая площадь раскопов равняется 730 кв. м, что приблизительно составляет  $\frac{1}{10}$  часть всей площади, занятой поселением. Культурные остатки сосредоточены в верхнем слое чернозема (0,5—0,6 м толщиной), а также в жилых и хозяйственных ямах, углубленных в слой гумусированной глины, подстилающей чернозем.

При раскопках обнаружены остатки шести жилых построек и ямы хозяйственного назначения. Выяснилось, что материал, находимый в заполнении жилых сооружений и на отдельных участках раскопов, далеко не однороден. Наряду с материалом голиградского типа, о наличии которого было известно по данным разведки, встречены находки, более архаичные по облику.

К раннему периоду жизни на поселении относятся три наземных жилых постройки, к позднему — два наземных жилища и одна землянка. По данным раскопок 1955 г. существенной разницы в устройстве разновременных

<sup>1</sup> Культура фракийского гальштата, или так называемая голиградская группа памятников, известна по Михалковскому кладу, поселениям возле сс. Голиграды, Городница и др. Эти памятники польскими специалистами выделены в особую группу, тесно связанную с культурами Карпато-Дунайского бассейна, и отнесены к VIII—VII вв. до н. э. (См. T. Sulimirski. Die thrakokimmerische Periode in Südostpolen. Wien, 1938. L. Kozłowski. Zarzys pra dziejów Polski południowo-wschodniej. Lwów, 1939. В настоящее время памятники голиградского типа известны на территории западных областей Украины (Тернопольская, Станиславская и Черновицкая обл.) и в Молдавии (например, пос. Гидигич и Лукашевка). Однако систематического исследования голиградских памятников, несмотря на их важность для решения ряда проблем скифской археологии, фактически не проводилось. Остаются невыясненными характерные особенности культуры голиградского типа. Вопросы об ее датировке и происхождении также нельзя считать окончательно решенными.

построек наземного типа не наблюдается. Остатки их прослеживались по ямам от столбов, служивших для крепления кровли, и глинобитным печам, устроенным или непосредственно на земляном полу, или в специально выкопанной яме. Ямы от столбов во всех жилищах одинаковы. Они обычно круглые или слегка овальные в плане, в разрезе — цилиндрические; дно — горизонтальное. Диаметр их достигал 0,4—0,5 м. Не все обнаруженные на поселении наземные жилища удалось вскрыть полностью, однако можно сделать ряд выводов относительно их конструкции и планировки. Судя по расположению ям от столбов, жилые постройки были прямоугольными в плане, ориентированы с востока на запад (чаще с отклонением к северу или югу), площадь их приблизительно равнялась 25—30 кв. м. Кроме угловых столбов, по сторонам постройки ставились промежуточные. Обнаружены внутренние столбы, часть которых расположена по центральной оси помещения.

Печь обычно устраивалась в западной части.

В жилище № 2 (раскоп III), которое относится к нижнему слою, на дне неглубокой прямоугольной ямы, углубленной в пол жилища, обнаружены остатки сильно разрушенной глинобитной печи — скопление аморфной глиняной обмазки.

В жилище № 1, также раннего периода (раскоп II), глинобитный очаг находился непосредственно на земляном полу. Возле очага оказалась предочажная яма размером 1,05 м × 1,20 м, глубиной 1 м, с двумя ступеньками для входа. Стенки ее ко дну, диаметром 2,2 м, сильно расширяются, и яма в разрезе имеет колбообразный вид. Заполнение состояло из золистого слоя с включениями угля, кусков обмазки, керамики, костей животных.

Несколько иначе была устроена печь в третьем наземном сооружении, относящемся к раннему периоду жизни на поселении (жилище № 4, раскоп I). Удалось вскрыть только его западную часть, где между ямами от столбов обнаружена довольно большая овальная яма, вытянутая с востока на запад. Размеры ее 2,35 м × 1,6 м, глубина 0,8 м. В западной половине ямы на дне зачищено скопление кусков обмазки с отпечатками толстого прута. Здесь же найдены обломки ранних сосудов. Обмазка, лежащая на слое угля, сажи и золы на дне ямы представляла собой завалившуюся печь; стенки ее состояли из прутьяного каркаса, обмазанного глиной. Таким образом, печь здесь была глинобитная и находилась на дне ямы.

В более позднем (голиградском) жилище № 3 (раскоп I) остатки печи в виде завала кусков обожженной глины находились в западном конце ямы, сходной с очажной ямой из раннего жилища № 4, по размерам и овальным очертаниям, она отличается лишь меньшей глубиной (0,3—0,4 м) и наличием входа в виде двух ступенек.

В другом голиградском жилище (№ 5), вскрытом частично, (сохранились две ямы от столбов и печь) скопление кусков обмазки глинобитной печи заполняло неглубокую округлую яму, диаметром в 1,25 м и глубиной 0,55 м. Стенки ее сильно обожжены, к ним вплотную примыкала обмазка, расположенная в нижней части ямы по кругу вдоль ее стенок. Над земляным подом печи оказалась прослойка из аморфной обмазки, сажи и угля. Судя по отпечаткам прутьев на глиняной обмазке, печь, так же как и в предголиградском жилище № 4, состояла из прутьяного каркаса, обмазанного глиной.

Относительно устройства стен и крыши наземных жилых построек трудно сказать что-либо определенное. Только в одном случае возле голиградского жилища (№ 3) обнаружено большое скопление кусков обмазки с отпечатками прута и деревянных плах. Вероятно, это остатки стен жилища, для которых использовались плахи и прутья, обмазывавшиеся сверху глиной.

Кроме наземных жилищ, к позднему голиградскому периоду жизни на поселении относится землянка, овальная в плане, вытянутая с северо-запада на юго-восток. Она занимает площадь, почти вдвое превышающую площадь наземных построек, обнаруженных на поселении. Длина ее 9 м, ширина — 6 м. В землянке оказалось два пола, но разницы в материалах, относящихся к различным строительным периодам, не наблюдается. В начале землянка представляла собой систему ям, разделенных узкими и широкими перемычками небольшой высоты. Пол находился на глубине 1 м—1,2 м от края сооружения. На полу, в юго-восточном конце, выявлены остатки сильно разрушенного очага: в небольшой округлой яме — скопление угля, золы и кусков обмазки.

Второй пол землянки, плотный по структуре, перекрывает нижний жилой горизонт. Высота стен 0,4—0,5 м. На этом этапе заселения пол был горизонтальным. В центре жилища и в концах его обнаружены остатки трех глинобитных очагов, представленных большими скоплениями обмазки, золы, и угля.

Устройство надземной части сооружения выяснить не удалось. Решение этого и ряда других вопросов, в частности, каков был план расположения жилых построек на поселении — одна из задач экспедиции.

Раскопки 1955 г. возле с. Магала показали, что это поселение, в отличие от многих известных нам памятников предголиградской и голиградской культур, благодаря хорошей сохранности остатков построек позволяет с достаточной полнотой изучить элементы конструкции и планировку жилищ. Ввиду слабой изученности особенностей гальштатского домостроительства, это имеет большое значение.

Археологический материал, найденный на поселении, оказался неоднородным.

Материал из землянки и двух наземных жилищ, раскрытых в юго-западном конце поселения (раскоп I), типичен для культуры фракийского гальштата. В жилищах обнаружены бронзовые, железные и кремневые орудия труда, бронзовые украшения, изделия из глины и кости. Особенно большую группу находок составляет лепная глиняная посуда, которая по технике отделки и формам характерна для голиградской группы памятников<sup>2</sup>.

Грубая кухонная посуда представлена толстостенными горшками со сглаженной или слегка подлощенной поверхностью. В глиняном тесте содержится примесь шамота. Стенки сосудов прямые, слегка сужаются ко дну. Как правило, на слабовыраженной шейке имеются ручки-упоры (рис. 37 — 2—4).

Другую группу керамики из голиградских жилищ составляет тщательно сделанная, хорошо лощеная посуда черного или желтого цвета.

Основными видами столовой посуды являются различные по размерам корчаги с воронковидным горлом, раздутыми боками и ручками-упорами на перегибе. Под упорами имеются каннелюры в виде концентрических полукружий, по горлу корчаг в некоторых случаях наносились ряды горизонтальных каннелюр (рис. 37 — 6; рис. 38 — 2, 14). Затем миски двух типов: 1) преобладают миски с краями, слегка загнутыми внутрь. По краю иногда нанесен орнамент в виде косых каннелюр. Проколы на мисках отсутствуют; 2) найдено несколько мисок с лепестковидным краем (рис. 37 — 5, 7; рис. 38 — 4, 5). Оригинальны черпаки, представленные, к сожалению, обломками. Это сосуды в виде высокой чашечки с волнистыми краями. Петельчатая ленточная ручка, находящаяся под венчиком, обычно не превышает его край (рис. 38 — 6, 7). Найден также сосуд в виде вазочки на

<sup>2</sup> Например, керамика с поселений у сс. Голиграды, Городница и др., хранящаяся в фондах Львовского исторического музея.

ножке и с двумя симметричными выступами, в которых проделаны отверстия для подвешивания. Между выступами по выпуклой части сосуда нанесены каннелюры (рис. 38—8).

Кроме того, на мисках встречается орнамент, нанесенный тупым концом какого-то орудия (рис. 38—5). Резной орнамент встречается как исключение (рис. 37—8).

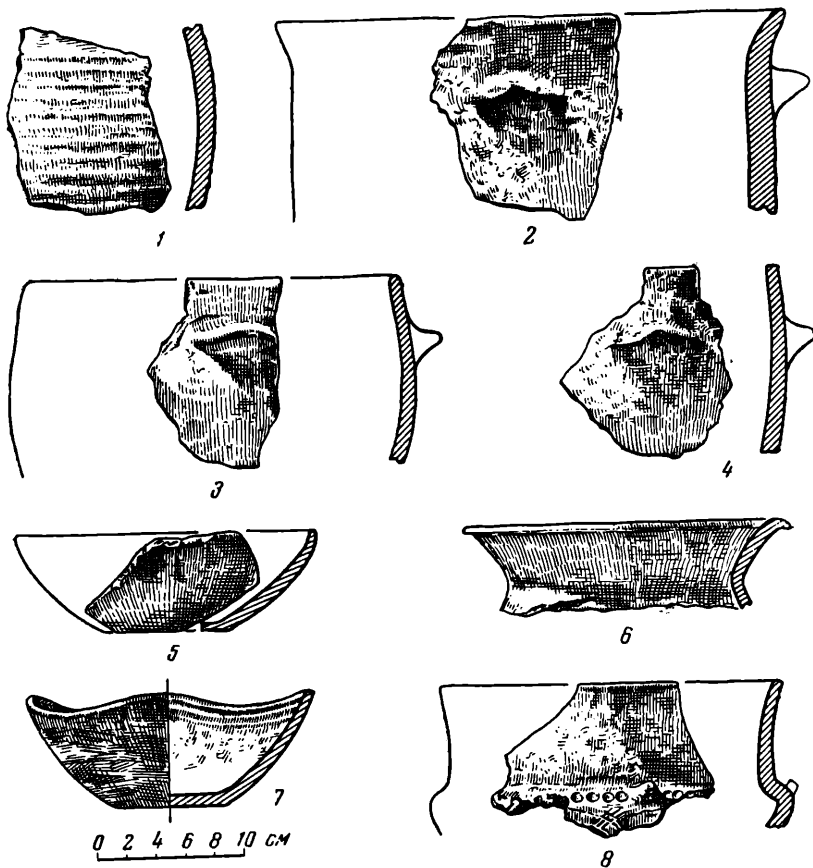


Рис. 37. Магала. Фрагменты керамики из верхнего слоя поселения.

1, 6 — корчаги; 2—4 — кухонные горшки; 5, 7 — миски; 8 — сосуд с резным орнаментом.

Среди глиняных изделий, обнаруженных в землянке, интересны детская погремушка в виде булавы и глиняная шестиконечная поделка с отверстием (рис. 38—1, 3). В одном комплексе с гальштатской керамикой найдены костяные изделия: множество проколов и молоток. Здесь же найдены две бронзовые иголки, бронзовые булавки и долота (рис. 38—10—13). Наряду с бронзовыми изделиями встречались и железные, в том числе два ножа со слегка изогнутой спинкой и черенком для насада (рис. 38—9).

Время верхнего слоя поселения, судя по изделиям из металла, должно быть определено VIII—VII вв. до н. э. Это не противоречит существующей хронологии голиградской группы памятников, разработанной И. К. Свешниковым<sup>3</sup>.

Так, обнаруженные на поселении бронзовые булавки, одна из которых с вазочковидной головкой, а другая — с гвоздевидной с отверстием для

<sup>3</sup> И. К. Свешников. Памятники голиградского типа. Рукопись. Львовский исторический музей.

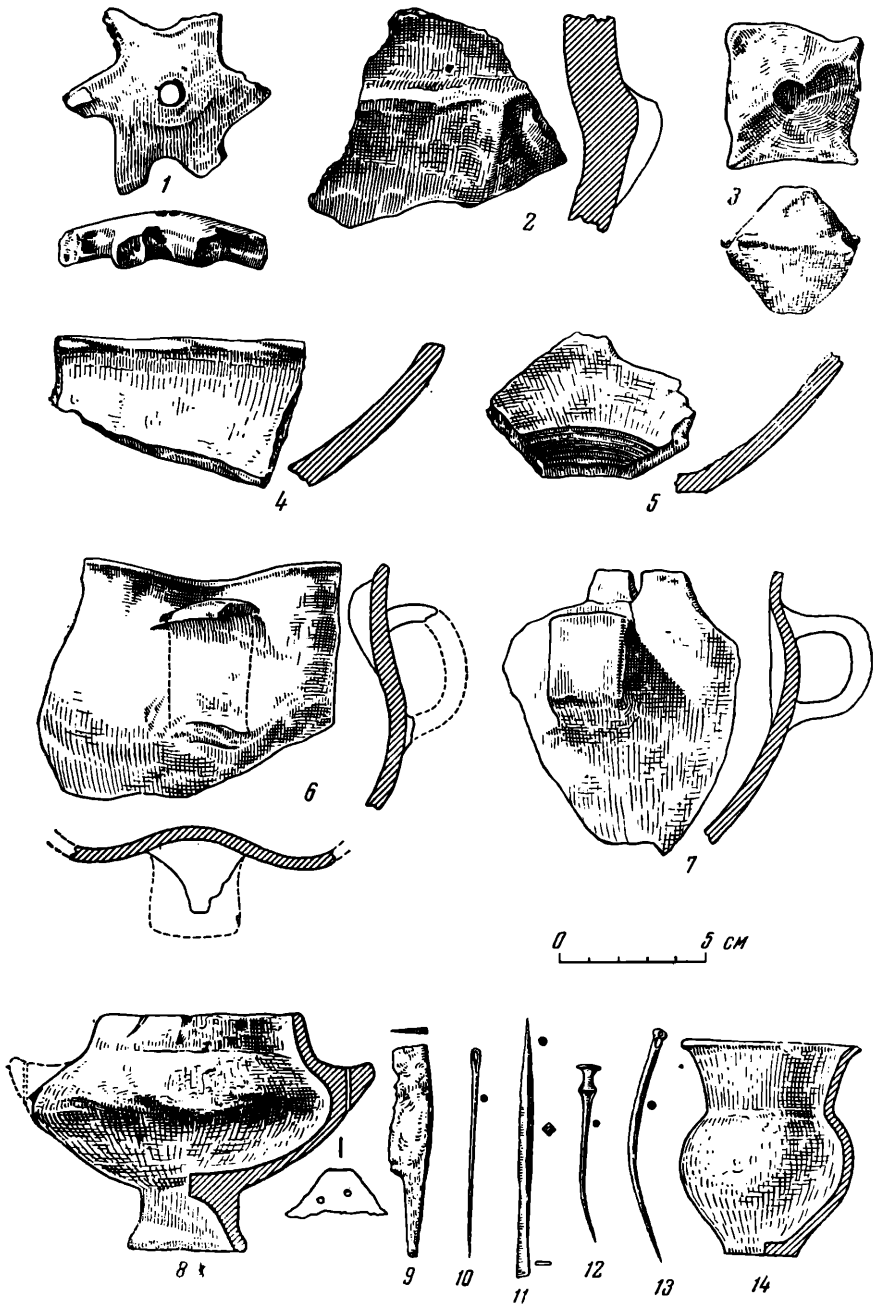


Рис. 38. Магала. Находки из верхнего слоя поселения.

1 — глиняная подсака; 2 — фрагмент корчаги; 3 — глиняная погремушка; 4, 5 — фрагменты мяса; 6, 7 — фрагменты черпаков; 8 — вазоподобный сосуд; 9 — железный нож; 10—13 — бронзовая иголка, булавки и долото; 14 — корчага.

продевания, находят себе аналогии среди находок Высоцкого могильника, время которого VIII—VII вв. до н. э.<sup>4</sup> Бронзовые иголки, подобные магальянским, встречаются среди материалов, относящихся к высококой культуре и в раннескифских комплексах Подолии (например, курганы Луки Врублевецкой, Немировское и Григоровское городища). Аналогии железным ножичкам известны среди инвентаря Кустановицких курганов Прикарпатья, датируемых обычно VII в. до н. э.<sup>5</sup>

На раскопе II и III, в центре и в северном конце мыса, а также в наземном жилище № 4 (раскоп I), перекрытом слоем с находками голиградского типа, обнаружен материал, по ряду признаков отличающийся от голиградского из раскопа I.

В первую очередь следует отметить разницу в керамике.

Для кухонной посуды характерна примесь не шамота, а кварцевой дресвы и крупнозернистого песка. Поверхность сосудов шероховатая, изредка немного сглаженная. Наиболее распространенным видом были горшки баночной формы со слабо или почти невыраженной шейкой. Ко дну стенки сосуда заметно сужаются. Как правило, сосуды орнаментированы несквозными проколами и валиком, расположенными на 3—5 см ниже венчика, край которого горизонтально срезан. Встречаются два вида валика — гладкий и расчлененный зашипами, при этом большая часть сосудов украшена гладким валиком, концы которого часто оставались не сомкнуты (рис. 39 — 7, 10, 13, 14; рис. 40 — 8).

Обломки толстостенных горшков с ручками-упорами, обычные для голиградских комплексов Магалы, на этих участках поселения встречаются редко (рис. 39 — 9; рис. 40 — 5).

Столовая посуда из нижнего слоя, в отличие от кухонной, изготовлена более тщательно. Однако поверхность ее лишена черного блестящего лощения, столь характерного для голиградской посуды. В основном преобладают слегка подлощенные сосуды серого цвета.

Многочисленную группу столовой посуды образуют черпаки с ручкой, слегка возвышающейся над краем венчика (рис. 39 — 1, 3; 40 — 1—3, 6). Они имеют вид высокой чашечки с плоским дном. Профиль этих сосудов различен: встречаются биконические черпаки, черпаки с цилиндрической шейкой и округлым туловом, черпаки с S-образным профилем. Петельчатые ручки их — овалы или треугольные в разрезе. Отростки на ручках — пуговичные, гребенчатые и др.

Другой разновидностью являются сосуды с двумя ручками, приподнятыми над краем. Они напоминают «вазы» с двумя ручками, характерные для керамики комаровской культуры. На поселении найдены только обломки этих сосудов, в основном ручки с отростками, в виде низкого цилиндра или гребешка (рис. 39 — 2, 4).

Посуда других форм попадалась значительно реже. Это обломки мисок с краями, слегка загнутыми внутрь (рис. 39 — 15), и корчаг. Любопытны находки сосудов типа корчаг, украшенных гладким валиком и прочерченным узором (рис. 39 — 6, 12) и снабженных небольшими петельчатыми ручками. Среди голиградской керамики поселения возле с. Магала такого рода сосуды, так же как упомянутые выше, т. е. с одной или двумя ручками, возвышающимися над краем, не встречаются.

Орнамент на столовой посуде из нижнего слоя поселения встречается редко. Найдено несколько обломков черпаков с каннелюрами. На некоторых сосудах сделан поясok из округлых неглубоких вдавлен или прочерченный узор, нанесенный тупым концом орудия. На основании перечислен-

<sup>4</sup> T. Sulimirski. *Kultura Wysocka*. Kraków, 1931, табл. XXV, 10, 12.

<sup>5</sup> J. Böhm u. J. Jankovich. *Scythové na Podkarpatské Rusi*. Carpatica. Praha, 1936, табл. VIII, XVII, XXI.



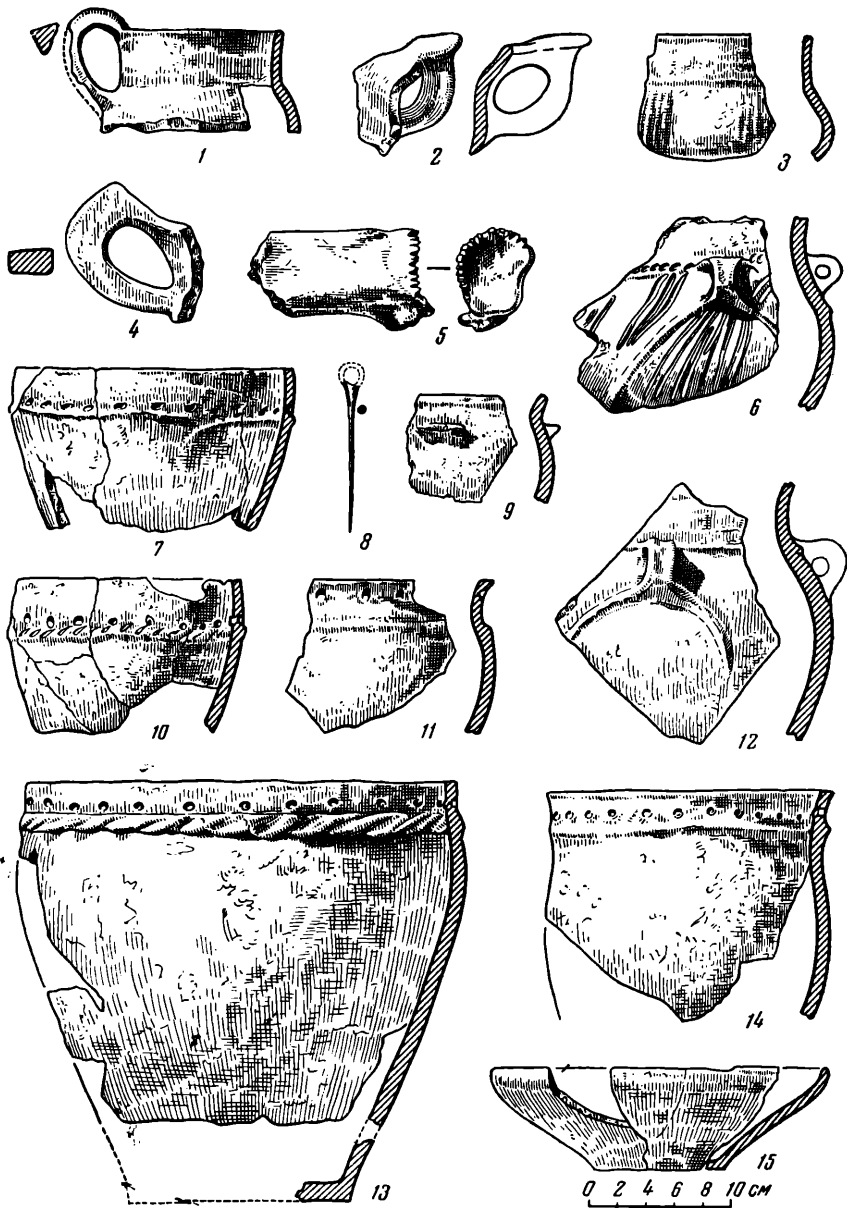


Рис. 39. Магала. Находки из нижнего слоя поселения.

1, 3 — фрагменты черпаков; 2, 4 — ручки от вазоподобных сосудов; 5 — орудие из кости; 6, 12 — фрагменты сосудов типа корчаг с петельчатыми ручками; 7, 9—11, 13, 14 — фрагменты горшков; 8 — бронзовая булава; 15 — миска.

ных особенностей керамику нижнего слоя поселения нельзя относить к голиградскому комплексу находок верхнего горизонта.

Нижний слой поселения оказался менее богатым металлическими изделиями. Найдена только одна бронзовая булавка с кольцевидной головкой (рис. 39—8). Железо отсутствует. Среди прочих находок отметим обломок сланцевой литейной формочки, служившей для отливки листовидного кинжала (рис. 40—4).



Рис. 40. Магала. Находки из нижнего слоя поселения.

1—3, 6 — черпаки; 4 — обломок литейной формы; 5, 8 — горшки; 7 — сосуд с вертикальнонаправленной горловиной.

К числу изделий из глины относятся глиняные пряслица. Правда, на поселении их найдено немного.

В нижнем и верхнем культурных слоях поселения попадались каменные точилки и терочники. Терочники невелики по размерам (7—9 см в диаметре) и имеют вид шара, усеченного с двух сторон. Больших плоских зернотерок пока не встречено. В нижнем слое найдено много костяных изделий: проколки, две мотыги из рога козули и любопытные орудия из обломка лопатки (рис. 39—5). На сохранившемся эпифизальном конце лопатки сделаны зубчатые нарезки, других следов обработки не отмечено. На поселении обнаружено 10 экземпляров таких орудий. В настоящее время мы затрудняемся судить об их назначении, хотя аналогии им известны в ряде памятников степной Украины (Сабатиновка и др.) и Румынии.

В Румынии, в бассейне Прута, такие орудия в одном комплексе с керамикой, подобной встреченной в нижнем слое поселения у Магалы, найдены

на ряде селищ и могильников. Эти памятники как, например, поселения в Корлэтени, Ларга Жижики, могильник и селище в Трушешти, относятся румынскими археологами к периоду поздней бронзы и раннего железа, к так называемой группе Монтеору и Ноа<sup>6</sup>.

Сходство материалов нижнего слоя с материалами этих памятников позволяет относить поселение возле с. Магала к кругу культур Монтеору-Ноа.

В этом слое не обнаружены пока точно датирующие вещи. По аналогии с материалами Трушешти и других памятников Румынии, нижний слой поселения приблизительно датирован концом X—IX вв. до н. э.

Основу хозяйственной деятельности жителей поселения у Магала составляло земледелие и скотоводство. О занятии населения скотоводством свидетельствуют находки большого количества костей домашних животных. Населению были известны бык, лошадь, овца, свинья.

Развитие земледелия характеризуют находки костяных мотыг, терчонки, обломок кремневого серпа. Таким образом, нельзя согласиться с точкой зрения румынских археологов о господствующей роли скотоводства в хозяйственной деятельности племен бассейна Прута в конце эпохи бронзы и начале века железа. Обитателями поселений были не пастухи-скотоводы, а оседлое земледельческо-скотоводческое население. Свидетельством этого могут служить не только находки земледельческих орудий на поселениях предголиградского и голиградского типа западных областей Украины, но и земледельческие орудия, в частности бронзовые серпы, которые в большом количестве встречаются в составе кладов, относимых специалистами, в том числе и румынскими археологами к группе памятников типа Монтеору—Ноа<sup>7</sup>. При сопоставлении материалов верхнего и нижнего слоев поселения можно отметить и ряд общих для них черт. Так тип наземного жилища одинаков как в поздний, так и в ранний период жизни на поселении.

Некоторые виды посуды, свойственные голиградскому комплексу находок, появляются еще на раннем этапе жизни поселения. В нижнем слое, хотя и в небольшом количестве, встречаются кухонные горшки с ручками-упорами, обычными для верхнего слоя, обломки слабоощенных корчаг желтого цвета и обломки мисок.

Виды и приемы ornamentации, характерные для лощеной посуды верхнего слоя (каннелюры, прочерченный тупым концом орудия узор), иногда встречаются на столовой керамике нижнего горизонта.

На остальном, сравнительно немногочисленном инвентаре, общность в материальной культуре нижнего и верхнего слоев проследить труднее.

До последнего времени ранние комплексы культуры голиградского типа на территории западных областей Украины не были известны. Таким предголиградским памятником, по всей вероятности, и надо считать нижний слой поселения в Магале.

Наличие двух культурных слоев на поселении и хорошая сохранность культурных комплексов показывают, что перед нами очень интересный памятник, материалы которого помогут правильно подойти к решению вопросов о происхождении культуры фракийского гальштата и ее связях с культурами фракийских племен Карпато-Дунайского бассейна и племен лесостепной Украины.

Позднее предполагается продолжить раскопки поселения возле с. Магала, и одновременно провести поиски могильника, относящегося к этому селищу.

<sup>6</sup> «Studii și cercetări de istorie veche», IV, 3, 4, 1953, стр. 444—483, и V, 1, 2, 1954 (раскопки в Трушешти).

<sup>7</sup> «Studii și cercetări de istorie veche», IV, 3, 4, 1953, стр. 460—483.

О Д. ДАШЕВСКАЯ

## СКИФСКОЕ ГОРОДИЩЕ КРАСНОЕ (КЕРМЕН-КЫР)

В начале III в. до н. э., в результате перехода крымских скифов от кочевого образа жизни к оседлому, на территории Крымского полуострова возникли многочисленные скифские поселения. В настоящее время их известно свыше пятидесяти. Основная масса их сконцентрирована в центральной части предгорного Крыма и на западном побережье.

В предгорном Крыму скифские поселения, среди которых преобладают укрепленные городища, расположены почти всегда на высоких плато, часто на мысах. Большинство городищ находится на второй и третьей грядах Крымских гор.

Городище Красное, известное в литературе также под названием Кермен-Кыр, одно из крупнейших скифских городищ Крыма, находится на высоком плато третьей гряды. Это была важная крепость Скифского царства, ближайшая к центральному городу крымских скифов, расположенному на юго-восточной окраине современного Симферополя и отождествляемому обычно с Неаполем письменных и эпиграфических источников. Красное отстоит на 4 км к северо-западу от Симферополя, вниз по левому берегу р. Салгира.

Городище возвышается над территорией совхоза «Красный» (бывшая деревня Сарайлы-Кият), на мысу, ограниченном с двух сторон балками и укрепленном с напольной стороны двумя линиями оборонительных каменных стен и рвов. Внутренняя линия отделяет акрополь, находящийся на острой северо-восточной части мыса, от остальной части городища, вся площадь которого около 4 га. Акрополь занимает около 1 га (рис. 41)<sup>1</sup>.

Первое упоминание городища в литературе относится к 30-м годам прошлого века и принадлежит Дюбуа де Монперё, заметившему «на вершине холма» обломки древней керамики, следы стены и жилищ и несколько маленьких курганов<sup>2</sup>. За последние, очевидно, он принял имеющиеся на городище зольники.

В 1889 г. городище посетил А. И. Маркевич, который отметил, что оно «очень напоминает Неаполис и по следам окопов и жилищ, и по валам, и по массе черепков и камня», и высказал предположение о том, что здесь было укрепление, связанное с Неаполем и одного типа с ним<sup>3</sup>.

В 1929 г. Центральный музей Крыма произвел под руководством

<sup>1</sup> Ср. площадь Неаполя — около 20 га.

<sup>2</sup> Письмо Дюбуа де Монперё к Кёппену. См. П. Кёппен. О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. «Крымский сборник», СПб., 1837, стр. 334—335.

<sup>3</sup> А. И. Маркевич. Кермен-Кыр, древнее укрепление вблизи Симферополя. ИТУАК, № 8, 1889, стр. 114—115.



Рис. 41. План городища Красного.

I — раскоп 1945 г.; II — раскоп 1945—1951 гг.; III — карьер с ямами, расчищенными в 1951 г.

Н. Л. Эрнста первые раскопки на городище, затронувшие его внутреннюю стену и ров. Н. Л. Эрнст считал, что городище относится к позднеэллинистической и раннеримской эпохам и вполне аналогично Неаполю<sup>4</sup>.

Через внутреннюю оборонительную стену был сделан разрез в средней ее части и выявлена следующая структура (рис. 42):

а) внутренний (по отношению к акрополю) панцырь. Сохранились 2 больших грубо обтесанных камня, под ними — кладка из крупных неот-

<sup>4</sup> Н. Л. Эрнст. Летопись археологических раскопок и разведок в Крыму за 10 лет (1921—1930 гг.). ИТОИАЭ, вып. IV, 1930, стр. 89; его же. Предварительный отчет о разведках на городище Сарайлы-Кият у Симферополя в октябре 1929 г. Архив ЛОИИМК, № 143/1930.

саннных камней в 2—3 ряда, на глине; кладка эта лежит без фундамента на поверхности погребенной почвы;

б) забутовка из небольших камней и щебня на глине с известью. Сохранилась до высоты 1,0—1,3 м; толщина 1,5 м;

в) забутовка из искусственно наслоенных глинистых слоев, протяжением по горизонтали в 4,5 м и по вертикали — около 1,5 м;

г) внешний панцырь на исследованном участке не сохранился. Слои глинистой забутовки кончаются почти вертикальным срезом, углубляющимся на 1 м в материк, образуя в нем канаву шириной в 1 м. Далее дно канавы повышается на 0,4 м и продолжается еще на 2 м. Канавка представляет собой, по-видимому, выемку для фундамента внешнего панцыря. Наслоения над выемкой состоят из земли со строительным мусором, камнями, керамикой и пр.

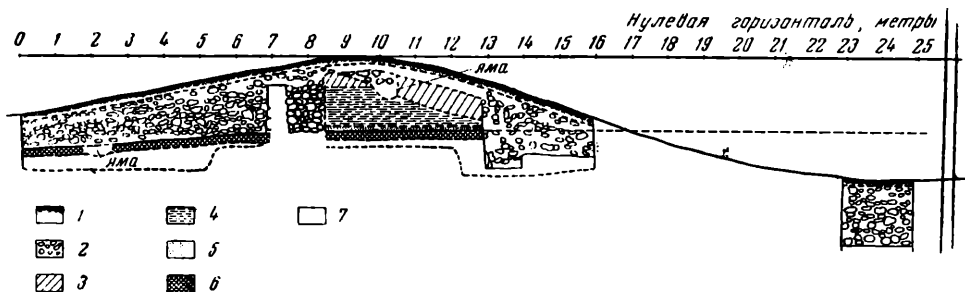


Рис. 42. Разрез внутренней оборонительной стены (с востока на запад).  
Чертеж Н. Л. Эрнста, 1929 г.

1 — гумусный слой; 2 — камни; 3 — желтая глина; 4 — гравий с оранжевой глиной; 5 — глинисто-вогалистая прослойка; 6 — погребенная почва; 7 — материк (гравий с бурой глиной).

Общая толщина внутренней оборонительной стены составляла 7,25 м. Исследование рва показало, что дно его лежит на 3,35 м ниже уровня погребенной почвы. Таким образом, здесь оказалась мощная стена, лишь немногим уступающая по толщине внешней стене Неаполя<sup>5</sup>. Причем в Неаполе стена постепенно наращивалась в ширину, несколькими разновременными поясами, на городище же мы видим в основном одновременное сооружение. Особенностью стены является применение, помимо каменной забутовки, еще и забутовки из глинистых слоев и наличие углубленного в материк фундамента внешнего панцыря, обращенного к врагу и поэтому сильнее укрепленного, чем внутренний.

Основная конструкция стены — сооружение из двух панцырей и забутовки между ними, кладка из рваного камня с применением глиняного раствора — сближает ее со стеной Неаполя.

Проведение рва в Неаполе было невозможно из-за выхода материковой скалы; для увеличения оборонительной мощности стены перед ней была построена протейхизма.

Следующие раскопки проведены на городище в 1945 г. Тавро-Скифской экспедицией ИИМК АН СССР под руководством П. Н. Шульца. Одной из задач было выяснение конструкции внешней оборонительной стены. Раскопки показали, что стена, толщиной около 1,5 м, сложена из глыб нуммулитового известняка на глине; между двумя панцырями проложена каменная забутовка. Вдоль стены сооружены прямоугольные башни. Исследовано основание одной из них (3 м × 2 м). Время соору-

<sup>5</sup> А. Н. Карасев, Раскопки Неаполя Скифского в 1948 г. ВДИ, 1950, № 4, стр. 179—187; его же. Раскопки Неаполя Скифского. КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 161—166.

жения стены — III—II вв. до н. э. Построена она была поверх вала, насыщенного из коренных пород (рис. 41—1).

При сравнении обеих стен обращает на себя внимание значительно большая мощность внутренней. Надо полагать, что при обороне городища внутренняя стена играла важную роль и что наиболее ценные сооружения находились на акрополе.

Другой раскоп 1945 г. заложен в центральной части городища, на небольшом зольнике, где в обрете траншеи были замечены остатки гончарной печи. Печь круглая в плане, двухъярусная, сложенная из сырцовых кирпичей, была исследована и реконструирована О. И. Домбровским, датировавшим ее I в. н. э.<sup>6</sup> Здесь же обнаружены следы еще одной гончарной печи. Раскоп был продолжен в 1951 г. Крымским филиалом АН СССР<sup>7</sup>. Верхний слой (толщиной в 1—1,25 м), вскрытый в 1945 г., представлял собой зольник, возникший над разрушенными гончарными печами. Керамика, найденная в нем, относится к первым трем векам нашей эры. На уровне основания печи открыта вымостка из гольшей (рис. 43). И печь, и вымостка лежали на развале сырцовых кирпичей. Находки из этого слоя относятся к I в. до н. э. — I в. н. э. Под развалом на глубине 1,5 м от поверхности обнаружены остатки большого прямоугольного каменного здания. Раскрыто одно из его помещений, от которого сохранились основания стен, сложенные из рваного камня на глине. Здание продолжается к северо-западу, за пределы раскопа.

Размеры помещения 5 м × 4 м (рис. 43). В высоту стены сохранились только в один ряд. В ширину северо-восточная стена сохранилась в один ряд, а северо-западная и юго-западная — в два ряда, что составляет ширину 0,60—0,65 м. От юго-восточной осталось лишь несколько камней, а восточная ее часть нарушена ямой (№ 2), на обклад которой и использованы, вероятно, камни из постройки.

Стены положены без фундамента. Хорошо прослежена тонкая глинистая обмазка пола, под которой находился сплошной слой чистой золы, толщиной 0,3 м; лежавшей на глине. В северо-западном углу раскопа, где находится второе помещение, также прослежен зольный пол.

В пределах раскопа 1951 г. были обнаружены четыре хозяйственные ямы, из которых одна (№ 2) вырыта после разрушения здания и три (№ 1, 3 и 4) в период, предшествующий его сооружению.

Яма № 2 (глубина 2,7 м, диаметр горловины 0,6 м, диаметр дна 1,6 м) была бутылкообразной формы. Горловина, обложенная камнем в три ряда, вырыта в глинистом культурном слое, а основная часть — в материке. Яма эта, заполненная мягкой золистой землей, содержавшей кусочки угля и довольно много обломков сосудов I в. до н. э. — I в. н. э., относится к типу обычных в Северном Причерноморье зерновых ям, которые часто потом использовались как мусорные.

Находки в яме № 2, вырытой после разрушения здания, и в глинистом слое, перекрывавшем остатки постройки, относятся к I в. до н. э. — I в. н. э. В зольном полу помещения оказался материал III—II вв. до н. э. Таким образом, здание датируется II в. до н. э.

Под основанием и полом помещения, а также вне его лежал глинистый слой, толщиной 0,35 м, с находками III—II вв., среди которых довольно много черепицы. Ниже, на глубине около 2 м от поверхности, находился слой погребенной почвы (0,20—0,25 м), а затем материк. На погребенной

<sup>6</sup> П. Н. Шул ь ц. Тавро-скифская археологическая экспедиция в Крыму. Сов. Крым, 1946, № 2, стр. 111—112; О. И. Дом б р о в с к и й. Керамическая печь на жифском городище «Красное». Сб. «История и археология древнего Крыма». Киев, 1957, стр. 199.

<sup>7</sup> О. Д. Д а ш е в с к а я. Отчет о раскопках и разведках в Симферопольском районе Крымской области в 1951 г. Архив ИИМК, № 606. В раскопках, кроме автора, принимали участие О. И. Домбровский и В. М. Маликов.

почве обнаружены остатки стены более раннего здания, к которому могла относиться найденная здесь черепица III в. до н. э. Ямы № 1, 3 и 4 вырыты в материке.

Яма № 1. Горловина обложена камнем. Диаметр ее 0,65 м, глубина ямы 0,80 м, диаметр дна 1,40 м. Яма была наполнена золой с кусочками угля. Керамики мало. Обнаружены скелеты двух собак: один — на глубине 0,3 м, другой — на дне.

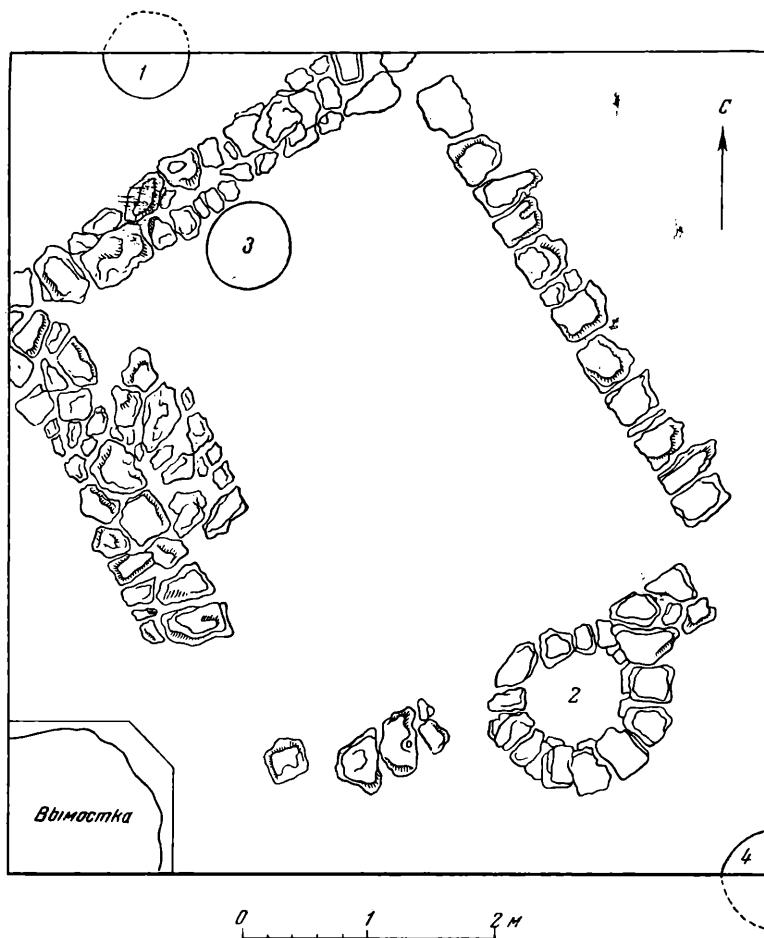


Рис. 43. План раскопа 1951 г.

1—4 — хозяйственные ямы.

Яма № 3, грушевидной формы (диаметр горловины 0,7 м, глубина ямы 2,4 м, диаметр дна 1,6 м) — заполнена темной золистой землей, содержащей огромное количество угля, куски обуглившихся палок, прутьев и соломы. Здесь оказалось много кусков обожженных саманных кирпичей и сырца, 3 необожженных глиняных пирамидальных грузил, много керамики, главным образом лепной. Почти полностью собраны два больших горшка, кружка (рис. 44) и верхняя часть косской амфоры. Найден обломок гончарного сосуда (миски) грубой глины, фрагмент чернолакового сосуда III в. до н. э., ручка родосской амфоры. Судя по заполнению ямы, поблизости существовала большая печь, возможно, керамическая.



Яма № 4, грушевидная; горловина ее была обложена камнем, но теперь разрушена. Диаметр ее — 0,7 м, глубина ямы — 1 м, диаметр дна — 1,5 м. Находок очень мало; признаков вторичного использования ямы нет.

Комплекс хозяйственных ям, по-видимому, продолжается к востоку от раскопа, судя по прослеженному здесь над погребенной почвой материковому выкиду.

Итак, на раскопе прослежены остатки 5 строительных периодов:

1. Ранняя гладкая (стена?) и 3 ямы (№ 1, 3 и 4). III—II вв. до н. э.
2. Прямоугольное каменное основание здания с полом, утепленным золой. II в. до н. э.
3. Яма № 2. Не позже I в. до н. э.—I в. н. э.
4. Вымостка из голышей и гончарные печи. I в. до н. э.—I в. н. э.

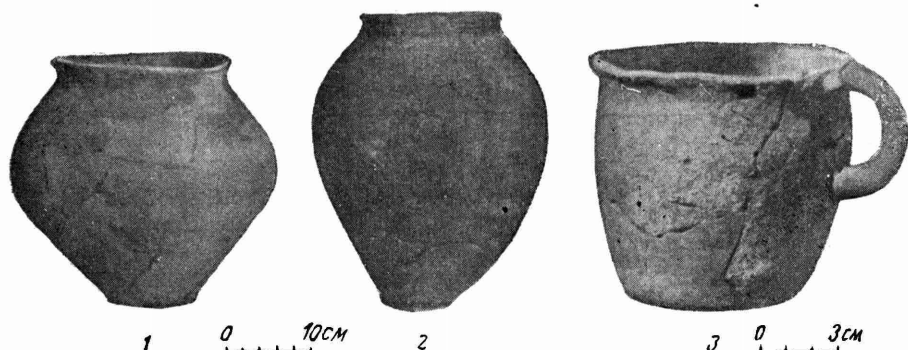


Рис. 44. Лепные сосуды из ямы № 3.

#### 5. Зольник. II—III вв. н. э.

По своему характеру эти остатки (строения из рваного камня на глиняном растворе, с применением штукатурки<sup>8</sup>, хозяйственные ямы, зольник) близки памятникам Неаполя и других скифских городищ Крыма<sup>9</sup>. Комплекс хозяйственных ям городища Красного наиболее ранний из всех пока известных у крымских скифов.

В 1951 г. произведена также зачистка обреза невысокого плато, расположенного к юго-востоку от городища, по другую сторону дороги, проходящей через совхоз «Красный» (рис. 41—III).

В материке (глина) отчетливо видны сохранившиеся части трех ям<sup>10</sup> грушевидной формы, срезанных карьером по вертикали. Ямы были расчищены. Над материком лежал коричневатый дерново-почвенный слой (суглинок), без находок, толщиной 0,4—0,5 м. В ямах была темная земля с небольшой примесью золы и небольшое количество обломков керамики. В ямах № 1 и 2 оказались камни от обклада горловины<sup>11</sup>. Размеры ям (в среднем): глубина около 1,2 м, диаметр горловины 0,6 м, диаметр дна 1,4—1,7 м. Находки здесь сходны с находками на городище и датируются I в. до н. э.—I в. н. э. Вероятно, на этом месте находилось селище, примыкавшее к городищу.

<sup>8</sup> В слое III—II вв. до н. э. найден обломок красной штукатурки.

<sup>9</sup> О. Д. Дашевская я. Скифские городища Крыма. Автореф. диссертации. М., 1954, стр. 7—9.

<sup>10</sup> Эти ямы были обследованы в 1950 г. Н. Н. Погребовой, проводившей разведку по Салгиру и Зуе. См. Архив ИИМК, № 494.

<sup>11</sup> Н. Л. Эрнст. Предварительный отчет о разведках на городище Сарайлы-Кият. Архив ЛОИИМК. № 143/1930.

На городище Красном встречаются кости лошади, коровы, мелкого рогатого скота, свиньи и собаки. Кости волка, лисицы и оленя свидетельствуют о занятии жителей охотой.

Среди находок<sup>12</sup> преобладает лепная керамика, простая и лощеная, без орнамента; одна из главных форм — горшок (рис. 44 — 1, 2). Почти все встреченные здесь формы сосудов — горшки, миски, кувшины, горшочки с ручками, ковши, кружки — есть и в Неаполе<sup>13</sup>.

В слоях III—II вв. до н. э. найдены два обломка миски из грубой глины, сделанной на гончарном круге.

Античной тонкостенной керамики немного; встречено несколько фрагментов с черным, коричневым, красным лаком и один обломок мегарской чаши.

Амфоры в нижних слоях встречаются родосские, кобские и другие красноглиняные с двуствольными ручками, а также книдские.

На ручках эллинистических амфор встречено всего четыре клейма, из них три родосских:

- |                |                  |               |
|----------------|------------------|---------------|
| 1. [ἐπι. ....] | 2. 'Ηρακλ[εΐτου] | 3. ἐπι[.....] |
| φ[.....]       |                  | 'Αρτεμιδóρου  |
| Βα[δρομίου]    |                  |               |

Четвертое клеймо — книдское, округлое, с изображением головы быка en face, без легенды.

В период I в. до н. э. — I в. н. э. преобладают поздние синопские амфоры и светлоглиняные с двуствольными ручками. Имеется несколько обломков амфоры коричневой глины с черными включениями, среди таких фрагментов — ручка с узким неразборчивым клеймом.

Большое количество позднеримских амфор найдено в верхних слоях: наиболее поздние — реберчатые — III в. н. э.

В числе находок несколько обломков пифосов. Черепицы встречено немного, вся она относится к III—II вв. до н. э. (главным образом синопская). Следует упомянуть фрагменты зернотерок, обломки глиняных жаровен, глиняную подставку («рогатый кирпич»), пирамидальные грузила из сырой глины, пряслица, так называемые керамические пробки, маленький железный нож и костяную трубочку (длиной 7 см)<sup>14</sup>, имеющую аналогию в Неаполе.

Встречены и характерные для скифских городищ Крыма<sup>15</sup> глиняные стилизованные головки баранов (рис. 45) — украшения очажных подставок для вертелов.

В Крымском областном краеведческом музее хранятся две надгробные известняковые стелы, найденные на городище Красном.

Одна из них (рис. 46 — 2) внизу заканчивается шипом. Размеры ее: высота 1,40 м, ширина 0,80 м, толщина 0,24 м. Шип входит в отверстие.

<sup>12</sup> Материалы из раскопок 1945 г. хранятся в КФ АН УССР, из раскопок 1929 и 1951 гг. — в Крымском областном краеведческом музее.

<sup>13</sup> О. Д. Дашевская. Лепная керамика Неаполя и других скифских городищ Крыма. МИА, № 64. (В печати).

<sup>14</sup> Крымский областной краеведческий музей, инв. № А—5039.

<sup>15</sup> П. Н. Шульц. Тавро-Скифская экспедиция КСИИМК, XXVII, 1949, рис. 26. Публикуемая нами головка барана с городища Доброго (Мамут-Султан) хранится в Крымском областном краеведческом музее, инв. № 9736. Головки с городища Красного хранятся там же. В 1956 г. в зольнике Неаполя (в слое II—III вв. н. э.) нами была найдена целая такая подставка. Она имеет вид бруска, длиной 0,36 м, с головками баранов на обоих концах.

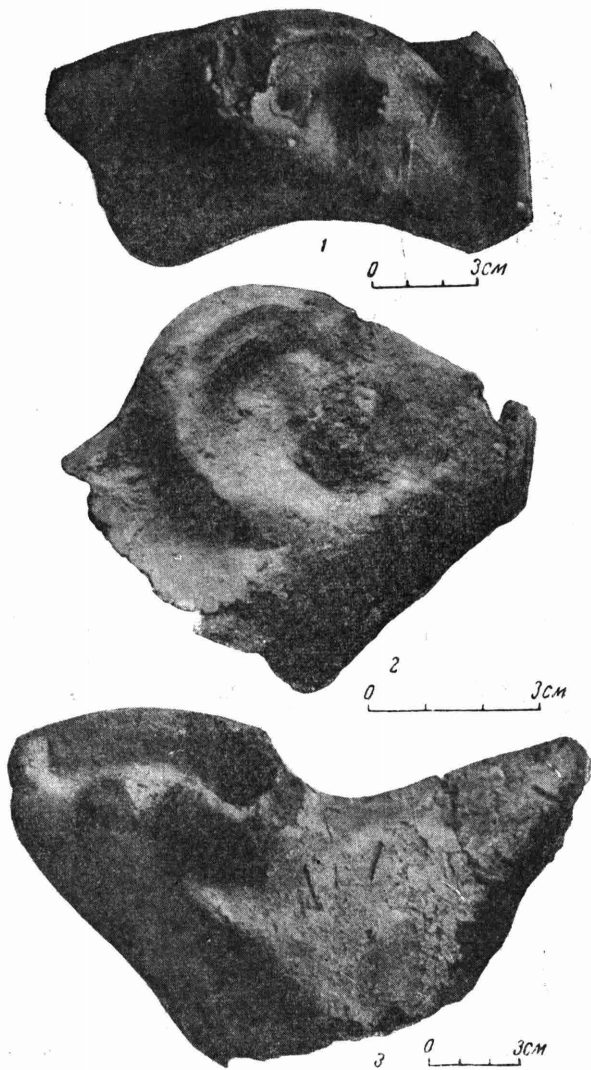


Рис. 45. Глиняные головки баранов.  
1, 2 — из городища Красное; 3 — из городища Доброе  
(Мамут-Султан).

сделанное в массивной прямоугольной подставке. Размеры подставки: длина 1,05 м, ширина 0,75 м, толщина 0,22 м. Верхняя часть стелы отбита. Обратная сторона грубо обтесана; лицевая разделена горизонтальными поясами на три яруса разной высоты, заполненных рельефными изображениями (высота рельефа 1—2 см).

В верхнем ярусе дана сцена боя всадника с пешим воином. Воин в варварской одежде, в левой руке у него щит, а в правой, по-видимому, копье.

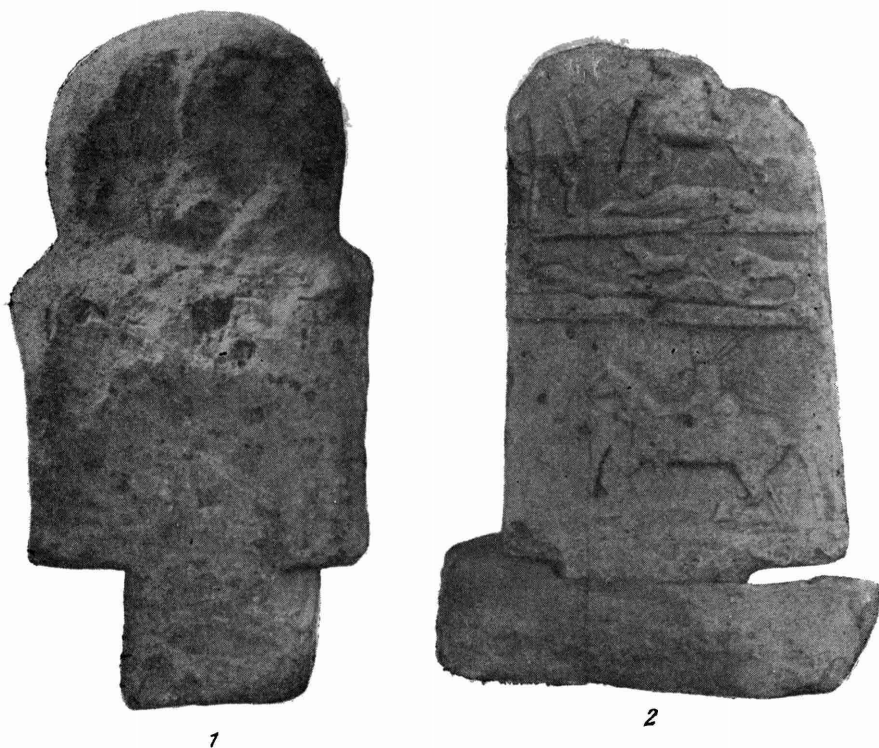


Рис. 46. Надгробные стелы.

1 — антропоморфная стела; 2 — стела с рельефными изображениями.

Фигура всадника почти не сохранилась. Под ногами коня лежит тело убитого или раненого. В среднем ярусе — две бегущие собаки, под ногами которых лежат два трупа. В нижнем ярусе изображен всадник на коне. По стилю эти рельефы близки к найденным в Неаполе<sup>16</sup>.

Другая стела (рис. 46 — 1) — грубое антропоморфное изваяние (высота 0,85 м, ширина 0,40 м), с шипом внизу. На груди фигуры слева вырезан знак, принадлежащий к серии так называемых загадочных знаков Северного Причерноморья. Антропоморфная форма надгробия хорошо известна во всем Северном Причерноморье<sup>17</sup>. Очень близкое по форме и также снабженное загадочными знаками надгробие найдено в Керчи в 1914 г.<sup>18</sup>

<sup>16</sup> П. Н. Шульц. Монументальная скульптура крымских скифов. Архив ИИМК № 657, стр. 56 и сл.; его же. Скульптурные портреты скифских царей Скилура и Палака. КСИИМК, XII, 1946, стр. 56, прим. 4. Ср. также стелу из Козырок, оком Ольвии: ОАК, 1909—1910, стр. 100, рис. 146. В 1953 г. в Западном Крыму оком скифского городища у д. Поповки найдена стела с изображением охотящегося всадника выполненная в таком же стиле (хранится в КФ АН УССР).

<sup>17</sup> А. П. Иванов. Боспорские антропоморфные надгробия. СА, XIII, 1950.

<sup>18</sup> Там же, рис. 8 и 9.

Место находки стел на городище Красное уточнить не удалось. Первая обнаружена во время Отечественной войны где-то возле него, вторая случайно найдена Н. Л. Эрнстом в 1924 г. на самом городище<sup>19</sup>. По-видимому, где-то рядом находится бескурганый некрополь, из которого и происходят эти стелы. Обе они относятся к первым векам н. э.

Большинство курганов, расположенных по соседству и раскопанных Н. И. Веселовским<sup>20</sup>, относится к периоду, предшествовавшему возникновению городища (IV в. до н. э.), и принадлежит, по-видимому, кочевым скифам. Курганы разграблены, и датировка их затруднительна<sup>21</sup>. Два из них содержат впускные коллективные одновременные захоронения, несомненно связанные с городищем. Они датируются временем от III в. до н. э. до I—II вв. н. э. Это — курган № 1 у совхоза «Красный» в бывшем имении Пастака<sup>22</sup> и курган у с. Фруктового (бывш. Кара-Кият)<sup>23</sup>. Подобный тип погребений характерен для крымских скифов с III в. до н. э. и связан с оседлой жизнью.

Выше отмечалось близкое сходство городища Красного по его оборонительным, жилым и хозяйственным сооружениям, по керамике и прочим бытовым предметам с другими скифскими городищами Крыма и особенно — с наиболее исследованным из всех них Неаполем. В отличие от Неаполя, Красное представляет собой рядовое, типичное скифское городище, и с этой точки зрения будет интересно его дальнейшее исследование.

<sup>19</sup> Н. Л. Эрнст. Указ. рукопись. Архив ЛОИИМК, № 143/1930.

<sup>20</sup> ОАК, 1892, стр. 6—13; ОАК, 1895, стр. 10—14.

<sup>21</sup> Т. Н. Троицкая. Скифские курганы Крыма. «Изв. Крым. отд. Географ. общества СССР», вып. 1, 1951, стр. 91—97.

<sup>22</sup> ОАК, 1895, стр. 10; А. О. Кашпар. Раскопки курганов в окрестностях Симферополя, произведенные по оф. Н. И. Веселовским в 1895 г. ИТУАК, 24, 1896, стр. 140; там же, стр. 162; ИТУАК, 28, 1898, стр. 206; Т. Н. Троицкая. Указ. соч., стр. 96—97.

<sup>23</sup> ОАК, 1890, стр. 10; А. Х. Стевен. Раскопки курганов близ Симферополя. ИТУАК, 11, 1891, стр. 152; Т. Н. Троицкая. Указ. соч. стр. 96—97.

В. Д. БЛАВАТСКИЙ

## ЧЕТВЕРТЫЙ ГОД РАСКОПОК В СИНДИКЕ

В 1953 г. Синдский отряд<sup>1</sup> Таманской экспедиции, организованной ИИМК совместно с МГУ, продолжал работу по обследованию северо-западной части Синдики, главным образом к востоку, юго-востоку и западу от станицы Таманской.

Были продолжены раскопки некрополя, лежащего на юг от Суворовского поселения<sup>2</sup>. К раскопу 1951—1952 гг. прирезано с южной стороны четыре отсека (6 м × 4 м каждый), в которых обнаружены четыре могилы. Раскопы доведены до материка, до глубины 1,09—1,45 м.

Могила № 7, глубиной от 0,55 м (подошва) до 0,40 м (верхняя точка). Плохо сохранившийся, нарушенный костяк ребенка, видимо, был ориентирован головой на восток-северо-восток. Выше костей обнаружен фрагментированный красноглиняный флакон. Ножка его найдена ниже. На различных уровнях лежали обломки красноглиняной миски сарматского времени и дно простого кувшина.

Могила № 8. Глубина 0,75 м (около черепа), у таза 1,09 м. Ориентированный головой на восток-северо-восток, не очень хорошо сохранившийся костяк ребенка лежал на спине, руки и ноги вытянуты. У левого бедра обнаружен разбитый чернолаковый килик V в. до н. э.

Могила № 9. Глубина — 0,80—1,05 м. Довольно хорошо сохранившийся костяк ориентирован головой на восток-северо-восток; лицо было обращено к северо-западу. Костяк лежал на спине, руки немного согнуты в локтях, ноги — в коленях. В ногах найдена мелкая медная монета.

Могила № 10. Глубина у черепа 1,17 м, около таза — 1,28 м, возле пяточных костей — 1,20 м. Костяк длиной 1,37 м, ориентированный головой на восток-северо-восток, лежал на спине; руки вытянуты вдоль туловища. Кисть левой руки была сжата; вытянутые ноги несколько раздвинуты. У левой ноги, выше колена, лежал бронзовый браслет из проволоки со слегка загнутыми концами, а около голени — два очень сильно фрагментированных красноглиняных сосуда, видимо — килик и ойнохоя.

Могилы относятся ко времени от V в. до н. э. до сарматского периода, что раздвигает хронологические границы Суворовского некрополя.

В 1953 г. впервые производились раскопки четырех поселений: Восточно-Карabetова, Десятого километра, Двенадцатого километра и Пятиколодезного.

<sup>1</sup> Начальник отряда В. Д. Блаватский, руководители групп — Т. В. Блаватская и Н. А. Онайко.

<sup>2</sup> Этот некрополь раскапывался в 1951—1952 Т. В. Блаватской, причем была вскрыта площадь 240 кв. м.

Поселение Восточно-Карабетово расположено к востоку от Карабетовой горы между этой горой и Комендантской<sup>3</sup>. Раскоп (80 кв. м) доведен до материка — коричневатой глины-белоглазки, обнаруженной на глубине 0,5 м. Состоявший из коричневато-сероватого гумированного суглинка культурный слой был очень тощий; обнаружены немногочисленные находки, относящиеся к античному, средневековому и новому времени. Это — черепки остродонных амфор, в том числе узкогорлых, пифоса, сероглиняных сосудов, фрагмент края чернолакового глубокого килика IV в. до н. э. и плоской ручки средневекового сосуда, а также черепки современной посуды и кости животных.

Характер находок позволяет заключить, что в античную эпоху здесь вряд ли могло быть сколько-нибудь значительное постоянное поселение. Скорее здесь была стоянка пастухов типа коша, существовавшая с IV в. до н. э. до III—IV вв. н. э. Позднее жизнь возобновилась в период средневековья, но менее оживленная, чем прежде.

Ниже по склону горы обнаружены черепки амфор III—II вв. до н. э. и I в. до н. э. — I в. н. э.: синопских, гераклейских и особенно с азиатского Боспора, фрагменты пифоса и рыбного блюда из боспорской глины, а также обломок чернолакового сосуда IV в. до н. э.

Древнее поселение на урочище Десятый километр расположено на десятом километре от станицы Таманской по дороге в Сенную. Там, на нижней террасе берега Таманского залива, обнаружен подъемный материал на площади около 90 м в длину и примерно 40 м в ширину.

Был разбит раскоп, площадью 80 кв. м, доведенный до материка на глубине до 1 м. Выявлен культурный слой, заключающий много находок, в том числе античного времени. Были найдены обломки амфор средневековых и античных (среди них V в. до н. э. и III—IV вв. н. э.), реберчатых и рифленых, фрагмент стенки пифоса, черепки посуды простой тонкостенной и черноглиняной, в том числе лощеной, обломок красноглиняной кастрюли, бронзовая подвеска каплевидной формы, медная плоская монета и кости животных. Остатков построек не обнаружено.

Незначительное количество ранних предметов побуждает думать, что постоянного поселения на урочище Десятый километр в это время еще не было. Оно, вероятно, возникло в позднеантичное время и существовало главным образом в средневековый период.

Древнее поселение на урочище Двенадцатый километр находится на берегу моря, на двенадцатом километре от станицы Таманской по дороге на Сенную. В этом месте нижняя терраса берега Таманского залива разрывается довольно глубокой балкой. К западу от балки<sup>4</sup> обнаружен подъемный материал; в большем количестве встречались черепки и к востоку от балки на протяжении более 300 м.

Раскопы разбиты около кромки нижней террасы по обеим сторонам балки. Западный раскоп, площадью 40 кв. м, находился примерно в 130 м к западу от устья балки и был доведен до материка; под гумусным слоем и пластом суглинка на глубине 0,92—1,33 м обнаружена материковая глина-белоглазка. Из строительных материалов сохранился только кусок сильно обожженного сырцового кирпича; встречались главным образом обломки остродонных амфор (в том числе реберчатых) античного и средневекового времени, черепки сероглиняных и простых тонкостенных боспорских сосудов.

Большие результаты дали раскопы, разбитые к востоку от балки. Общая площадь их была 200 кв. м. Примерно в 110 м от устья балки вскрыта площадь в 80 кв. м. Здесь выявлена наиболее сложная картина.

<sup>3</sup> Примерно на месте поселения № 8 по карте А. А. Миллера.

<sup>4</sup> Примерно на месте городища VII карты Соколова.

Под гумусным слоем и пластами более или менее чистого суглинка обнаружена материковая глина-белоглазка, лежавшая на глубине 1,17—1,72 м. Установлено наличие трех культурных напластований I—IV вв. н. э., в которых встречались отдельные предметы III, II и I вв. до н. э.

Первый слой I—II вв. н. э., мощностью в среднем около 0,6 м, заключал черепки остродонных амфор, преимущественно узкогорлых, с профилированными ручками (встречались боспорские, синопские и светлоглиняные), обломки пифосов, посуды — сероглиняной, лепной и краснолаковой, а также ручки кастрюли. Строительные материалы представлены кусками черепицы боспорской и синопской и осколком, вероятно, оконного стекла. Особо отметим куски обожженной сырцово-обмазки, нужно думать, от гончарной печи и куски керамического шлака, указывающие на наличие керамического производства. Найдены также кости крупного и мелкого рогатого скота, свиньи и лошади.

Второй и третий слои относятся к III—IV вв. н. э. Второй слой, мощностью около 0,5 м, датируется примерно III в. н. э. В нижнем горизонте этого слоя залегала вымостка (№ 2), состоящая из мелких и средних рваных известняковых камней, довольно плотно уложенных. Глубина подошвы ее 0,89—1,03 м, толщина пласта 0,18—0,23 м. К северу от вымостки открыта кладка (№ 4), сохранившаяся в высоту на 0,6 м, и, видимо, представляющая развал цоколя стены. Возможно, что вымостка (№ 2) была мостовой внутреннего дворика, а кладка (№ 4) — остатки цоколя наружной стены дома.

Среди многочисленных находок главным образом обнаружены обломки остродонных амфор I—II вв. н. э. и реберчатых; встречались и черепки амфор I в. до н. э. Меньше было черепков посуды: простой тонкостенной, сероглиняной, краснолаковой. Собраны фрагменты чернолаковых сосудов III—II вв. до н. э., в том числе сероглиняных, посуды, покрытой эллинистическим коричневым лаком и буро-коричневым «синдским» лаком, кастрюль, черноглиняной лощеной и лепной посуды из грубой черной и серой глины; некоторые из них украшены простыми налепами. Назовем еще фрагменты черепиц (один с отверстием, возможно для закрепления), куски обмазки гончарной печи и керамического шлака, а также хорошо обожженное глиняное грузило пирамидальной формы, довольно плоское, сильно вытянутое; отверстие в нем одно, довольно широкое. Грузило сильно окатано, очевидно — морским песком.

Третий слой, толщиной 0,32—0,46 м, датируется последними десятилетиями III—IV вв. н. э. В нем обнаружена кладка (№ 1) — остатки цоколя стены, из довольно больших, средних и мелких камней; сохранились они в высоту на 0,33 м. Находки слоя представлены обломками остродонных амфор I—II и III—IV вв. н. э., в том числе пантикапейских, фанагорийских и синопских. Столовая и кухонная посуда в основном относится к тем же группам, что и в предшествующем слое.

Следующий раскоп, площадью 40 кв. м, разбит в 14 м к востоку от первого. По характеру культурных напластований он был близок предыдущему. То же можно сказать и о третьем раскопе, площадью также 40 кв. м, расположенном в 66 м к восток-северо-востоку от второго. Там также обнаружены три культурных напластования: первое I—II вв. н. э., второе и третье — III и IV вв. н. э. Наиболее ранние из отдельных находок датируются III в. до н. э., а в верхнем горизонте встречались предметы средневекового времени. Среди находок в слое I—II вв. н. э. отметим куски сырцового кирпича, обмазки гончарной печи и керамического шлака. Упомянем также обнаруженные в верхнем, третьем, слое фрагменты глиняных цедилок, вероятно, применявшихся при изготовлении сыра, небольшой обломок жернова ручной мельницы с лучеобразно расходящимися насечками и куски глиняной обмазки. В числе средневековых



находок были плоское дно глиняного кувшина и железный черешковый наконечник стрелы листовидной формы.

Последний раскоп, площадью 40 кв. м, разбит в 63 м на восток-северо-восток от предыдущего. Там обнаружен всего один культурный слой III—IV вв. н. э., мощностью 1,25—1,45 м, менее насыщенный, чем на других раскопах. Из найденных там предметов назовем обломки пряслица конусовидной формы.

В результате раскопок поселения Двенадцатый километр можно считать установленным, что жизнь на нем началась примерно в III в. до н. э. Особенно интенсивной она была в I—IV вв. н. э. К этому времени относятся три культурных напластования, сохранившиеся же остатки строений датируются III—IV вв. н. э.; они показывают, что стены домов возводились на каменных цоколях, дворики были мощеные, а для крыш, хотя бы частично, применялась черепица.

Судя по находкам, обитатели поселения существовали не только сельским хозяйством (в частности скотоводством; найдены кости крупного и мелкого рогатого скота, свиньи, лошади, собаки) и обработкой сельскохозяйственных продуктов (о чем свидетельствуют обломки жернова и находки цедилок, вероятно — для изготовления сыра). Они занимались рыболовством (находки грузил), ремеслами: гончарным, ткаческим (находка пряслица), очевидно, лишь для домашних потребностей.

Наконец, обломки керамической тары пантикапейской, фанагорийской и синопской, а также черепки привезенной из метрополии столовой посуды (чернолаковой и краснолаковой) позволяют проследить торговые связи поселения, осуществлявшиеся через ближайшие города.

Основные работы производились на месте бывшего хутора Кроткова (Кротенка), около берега Керченского пролива, примерно в 6,5 км к запад-юго-западу от станицы Таманской. Там раскопаны древнее поселение (Пятиколодезное) и прилежащий некрополь<sup>5</sup>. Возможно, что поселение идентично с древней Корокондамой, но утверждать это нельзя, ибо свидетельство Страбона<sup>6</sup> не обладает достаточной точностью, а другие указания<sup>7</sup> еще более неопределенны.

Вскрыто 525,5 кв. м. Четыре раскопа некрополя разбиты на склонах невысокой гряды холмов, расположенной в 400 м на юго-запад от домика бригадира МТФ.

Раскоп на юго-западном склоне гряды площадью 60 кв. м доведен до материковой желтой глины, обнаруженной на глубине до 0,82 м. В дерновом слое (толщиной 0,2 м) и залегавшем под ним пласте более или менее гумированного суглинка обнаружены немногочисленные находки, что обычно для участков некрополей или урочищ, прилегающих к древним поселениям. Встречены черепки остродонных амфор VI—II вв. до н. э. и III—IV вв. н. э. (хиосских пухлогорлых, архаических расписанных полосами, коксских с двустольными ручками, реберчатых, рифленых), простые тонкостенные сосуды, расписных ионийских с узором в виде полос, чернолаковых VI—V и III—II вв. до н. э., краснолаковых эллинистических и лепных, а также осколок бесцветного стекла первых веков н. э.

Близкая картина наблюдалась на северо-западном склоне западного холма, где раскоп (площадью 40 кв. м) был также доведен до материка. На северном склоне соседнего холма разбит раскоп площадью 65 кв. м, доведенный до материковой глины на глубине 1,05 м. При этом найдено небольшое количество черепков, в общем довольно близких по характеру

<sup>5</sup> Это место примерно отвечает городищу IX и могильнику 3 карты Соколова.

<sup>6</sup> Strab., XI, 2, 8 и 14.

<sup>7</sup> Cl. Ptol., V, 8, 2. Steph. Byz. Короконδαμη Strab., XI, 1.

обнаруженным на юго-западном склоне. В пределах раскопа открыты две могилы.

Могила № 9. Два плохо сохранившихся костяка, ориентированных головами на восток, лежали на спине; руки и ноги вытянуты. Северный костяк, видимо мужской, залегал на глубине 0,9 м; голова была наклонена к левому плечу; между ногами обнаружено железное кольцо, в ногах стояла остродонная амфора (высотой 0,47 м). Южный, видимо женский, костяк лежал на глубине 1,04 м; судя по расположению костей, голова и левая рука были отделены от трупа и закопаны отдельно, несколько южнее, над красноглиняной миской. К западу от нее обнаружены чернолаковая чашка и глиняная ойнохоя. Между ног найдены чернолаковая солонка и чернофигурный лекиф последней трети VI<sup>1</sup>в. до н. э.

Могила № 12. На глубине 0,90—0,94 м обнаружен плохо сохранившийся костяк, лежавший вытянуто на спине и ориентированный головой на восток-юго-восток. Над ним, на глубине 0,62—0,73 м, тоже на спине лежал костяк подростка, головой на восток.

Последний раскоп площадью 132,5 кв. м разбит на северо-восточном склоне того же холма. Здесь обнаружено одиннадцать могил.

Могила № 1. На глубине 0,85 м лежала раздавленная хиосская пухлогорлая амфора, вероятно, заключавшая кости младенца и обращенная горлом к северо-востоку.

Могила № 2. На глубине 0,9—1,0 м найдены незначительные остатки костей, простая ойнохоя, фрагментированные блюдо с узором в виде полос и чернофигурный килик второй четверти V в. до н. э. с изображением героя, борющегося с быком.

Могила № 3. Костяк обнаружен на глубине 0,97—1,20 м. Сохранились кости ног; судя по их расположению погребенный был ориентирован головой на восток-северо-восток. У левой голени лежали ойнохоя с узором в виде полос, большое (диаметр 22 см) расписное блюдо (рис. 47) и скифос с узором в виде полос (диаметр 9,3 мм). У правой голени найдено конусовидное глиняное пряслице.

Могила № 4 — вероятно младенца, кости которого не сохранились. На глубине 0,39—0,56 м обнаружено горло хиосской пухлогорлой амфоры на подсыпке из раковин. Ниже (на глубине 0,86 м) лежали чернолаковая чашка и небольшая ольпа.

Могила № 5. На глубине 0,48—0,66 м найдена остродонная амфора римского времени, ориентированная горлом на север-северо-восток.

Могила № 6. На глубине 0,48—0,71 м обнаружена фрагментированная остродонная амфора, обращенная горлом к юг-юго-востоку.

Могила № 7. На глубине 0,93—1,03 м лежал на спине плохо сохранившийся костяк, ориентированный головой на запад. Левая рука вытянута и прижата к туловищу, правая согнута в локте; ноги вытянуты. Длина — 1,5 м. Под костяком подсыпка из раковин.

Могила № 8. Могильная яма глубиной 1,36 м, в длину она прослежена на 1,75 м, в ширину — на 1,03 м. Могила была сильно повреждена землероями, причем кости покойника встречались на глубине 0,97 м и ниже. Погребенный лежал головой на восток-северо-восток, под ним была подсыпка из раковин; встречались следы дерева, а в восточной части ямы — следы камки. В головах были обломки простой глиняной чашки, простой кувшин и небольшая амфора. У правого плеча найдены кусочки железа, возможно, фрагменты наконечника копья. У таза обнаружены бронзовый трехгранный втульчатый наконечник стрелы и бронзовая игла.

В восточной части могилы, примерно на 0,5 м и под ее дном, лежали четыре рваных камня, как бы обрамлявшие с трех сторон небольшую ямку; возможно это был упор надгробного памятника.

Могила № 10 сильно нарушена. Погребенный лежал на глубине 1,75 м; ориентирован головой на восток. Уцелели кусочки дерева от гроба. В головах обнаружена красноглиняная ойнохоя. Над захоронением, на глубине 1,04 м, отмечен пласт камки (длиной 1,85 м, шириной 1,15 м), прорезанный грабителями.

Могила № 11. На глубине 0,53—0,78 м обнаружена фрагментированная остродонная амфора, обращенная горлом к юг-юго-западу.

Могила № 13. От костяка сохранились незначительные остатки; он лежал на подсыпке из раковин, обращенный головой, вероятно, на восток. Длина могильной ямы 1,70 м, ширина — 0,75 м, глубина — 1,30 м.

Всего вскрыто тринадцать могил, относящихся по времени от VI в. до н. э. до первых веков н. э.

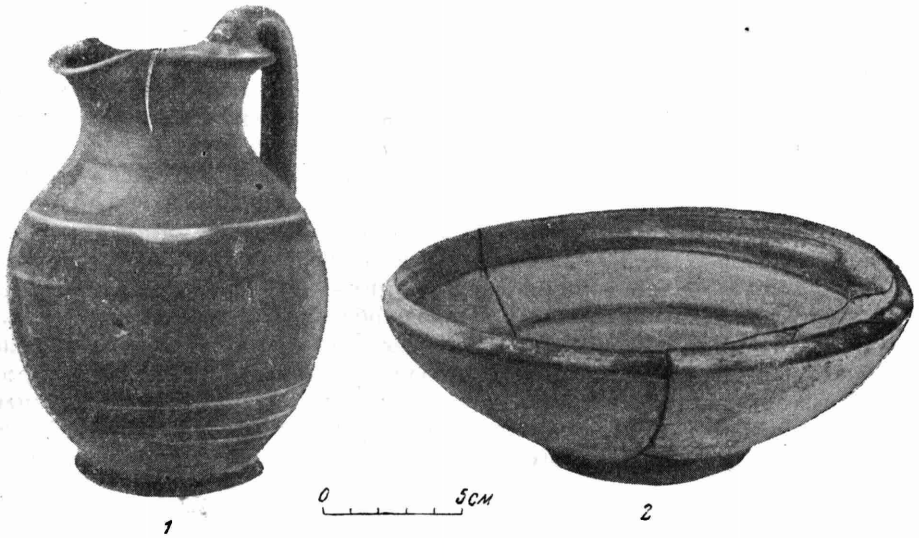


Рис. 47. Пятиколодезный некрополь. Расписные ойнохоя (1) и блюдо (2) из могилы № 3.

Примерно в 70 м от домика бригадира МТФ проходит ров, тянущийся с юг-юго-запада на север-северо-восток и прорезавший культурный слой древнего поселения, которому очевидно принадлежал обследованный нами некрополь.

Вдоль южной стороны рва были разбиты три раскопа. Примерно в 124 м к север-северо-востоку от домика бригадира МТФ разбит западный раскоп, площадью около 100 кв. м. Далее в 26 м к восток-северо-востоку, находился центральный раскоп, площадью 40 кв. м. Наконец, в 60 м в том же направлении разбит восточный раскоп площадью 88 кв. м.

Остановимся сначала на центральном раскопе, где были обнаружены наиболее ранние напластования. Там, в юго-восточном углу была открыта зольная яма. Размеры ее 2,9 × 2,6 м, глубина — 2,22 м, а верхнего края — 1,27—1,37 м. Находки в золе датируются VI—V вв. до н. э. Видимо, это дата наиболее раннего из наблюдавшихся нами здесь напластований. В зольной яме найдены черепки остродонных амфор VI—V вв. до н. э., в том числе хиосских пухлогорлых и с узором в виде полос, чернолаковой посуды конца VI—V вв. до н. э., ионийской расписной, простой тонкостенной и обломок бусы из беловатой пасты с синими глазками. Особо отметим кусок керамического шлака, свидетельствующий о гончарном производстве в поселении еще в доспартокидское время.

Выше лежал второй слой IV—III вв. до н. э., состоявший из коричневатой супеси с примесью золы. Слой простирался от 1,27—1,37 м (подошва) до 1,15—1,20 м (верхний горизонт). В нем обнаружены обломки остродонных амфор VI—IV вв. до н. э., чернолаковой керамики VI—V вв. до н. э., лепной — из грубой черной глины и кости животных.

Третий слой II—I вв. до н. э., состоявший из коричневатой супеси, залегал в восточной части раскопа на глубине от 1,15—1,20 м (подошва) до 0,9—1,0 м (верхний горизонт); в западной же части, сохраняя примерно ту же толщину, пласт залегал на большей глубине — 2,85 м и достигал материка — глины-белоглазки. В слое найдены черепки остродонных амфор V—I вв. до н. э., краснолаковой эллинистической посуды, чернолаковой желобчатой III—II вв. до н. э., лепной, обломки боспорской черепицы и куски сырцового кирпича, фрагменты сосудов: чернофигурного VI в. до н. э. и расписного с изображением белого побега по красному фону<sup>8</sup>, бусина с глазками, медная монета, а также кости животных, в том числе мелкого рогатого скота. Над описанным слоем на глубине 0,95 лежит вымостка (№ 15) I в. до н. э.—I в. н. э. из небольших грубоотесанных известняковых и рваных плитняковых камней. В длину она выявлена на 2,12 м, в ширину — на 0,87 м; толщина ее — 8 см.

Выше тянулся пласт супеси I—II вв. н. э. В восточной части раскопа он был довольно тонким — около 0,15 м; в западной же — весьма мощным: простираясь от 0,70—0,85 м до 2,50 м глубины. В этом, четвертом слое найдены черепки остродонных амфор, преимущественно с профилированными ручками, I—II вв. н. э. и более ранних — VI—I вв. до н. э., в том числе хиосских, пухлогорлых и синопских, обломки чернолаковых сосудов VI—II вв. до н. э., краснолаковой посуды I в. до н. э. и первых веков н. э., чернофигурной V в. до н. э. и эллинистической с накладной росписью, «мегарских» чаш, лепной посуды, кастрюля, светильника, грузила, куски боспорской черепицы и жженого сырца, железный гвоздь, кости животных, в том числе крупного рогатого скота, свиньи и собаки, а также раковины устриц.

Над четвертым слоем залегали строительные остатки, относящиеся к последним десятилетиям II или первым десятилетиям III вв. н. э. В западной половине раскопа на глубине 0,9 м открыта, видимо, часть цоколя стены № 13, состоявшего из рваных плитняковых камней. Он тянулся с восток-юго-востока на запад-северо-запад, ширина его — 0,6 м, высота 0,15 м. В северо-восточном углу раскопа на глубине 0,85—0,96 м обнаружена вымостка (№ 14), сложенная из грубо отесанных известняковых и рваных плитняковых камней, среди которых был обломок жернова. В длину она выявлена на 4,26 м, в ширину на 2,62 м. На юго-восток от описанной вымостки открыта другая, очень близкая по характеру и лежащая на том же уровне (№ 15). Очертания обеих вымосток допускают предположение, что они были разделены и обрамлены с юго-востока кладками, вероятно выбранными на камень до основания.

Выше лежали напластования III—IV вв. н. э., состоявшие из коричневатого гумированного суглинка. Отсутствие строительных остатков затрудняет более дробное членение; по всей видимости, они представляли собой два слоя: верхний залегал до глубины 0,38—0,52 м, а нижний — 0,70—0,85 м. Находки в обоих напластованиях III—IV вв. н. э. довольно близки по своему составу; преобладали черепки остродонных амфор, преимущественно I—II и III—IV вв. н. э., в том числе узкогорлых, с профилированными ручками, реберчатых, рифленых, больших позднеантичного времени; найдены также обломки амфор V—I вв. до н. э., в том числе бос-

<sup>8</sup> Со. В. Д. Блаватский. История античной расписной керамики. М., 1953, стр. 282 и сл.

порских, фрагменты посуды: простой тонкостенной (среди них чашки со следами ремонта), сероглиняной, лепной, чернолаковой VI—IV вв. до н. э., краснолаковой I в. до н. э.—I в. н. э., «мегарской» чаши, куски черепицы и жженого сырца, кости домашних животных, в том числе крупного рогатого скота.

Западный раскоп. Здесь самые ранние из отдельных находок относятся к VI в. до н. э., но наиболее древний культурный слой датируется IV—III вв. до н. э. Он состоял из слабо гумированной коричневатой супеси, заключавшей небольшое количество находок. Толщина слоя 1,20 м, он залегал в яме, глубиной 3,35 м. Находки близки материалу из одновременного слоя центрального раскопа. В их числе черепки хиосских, синопских и гераклейских амфор VI—III вв. до н. э., кухонной посуды из коричневой глины, керамическая пробка и сильно вытянутое пирамидальное, почти квадратное в основании грузило из коричневой глины, сильно обтертое, вероятно морским песком.

Следующий, третий, слой II—I вв. до н. э. состоял из коричневатой супеси с примесью золы, лежавшей на глубине от 2,15—2,20 м (подошва) до 1,78 м (верхний горизонт). Там найдены черепки амфор VI—I вв. до н. э. (боспорских, фасосских, родосских и др.), простой тонкостенной посуды, сероглиняной, лепной, покрытой эллинистическим лаком, краснолаковой I—II вв. н. э. Отметим обломок подвесной ноги терракотовой фигурки и фрагмент боспорской миски, украшенной красноватыми поясками.

Четвертый слой I—II вв. н. э., состоявший из коричневатой, слабо гумированной супеси, толщиной около 0,8 м, обнаружен в восточной части раскопа. В нем встречались обломки амфор с V в. до н. э. до II в. н. э., простой тонкостенной посуды, сероглиняной, кухонной, лепной, чернолаковой IV—II вв. до н. э., краснолаковой и «мегарских» чаш. Отметим конусовидное глиняное пряслице, бочковидную бронзовую бусину, осколки сосудов из бесцветного стекла и раковины мидий.

Выше, на глубине 0,97—1,10 м, лежала вымостка (№ 12) конца II — начала III вв. н. э. Она состояла из грубо обработанных известняковых и плитняковых камней. Толщина пласта их была около 0,20 м

Над вымосткой № 12 залегал пятый слой примерно III в. н. э. Он состоял из коричневатой супеси, простираясь от глубины 0,33—0,93 м до 0,95—1,10 м (местами до 1,43 м). В нем найдены черепки амфор I—III вв. н. э. (узкогорлых, с профилированными ручками, реберчатых) и V—I вв. до н. э., простой, сероглиняной, лепной, чернолаковой и краснолаковой посуды, куски сырца, а также черепицы боспорской и синопской.

Выше, почти по всей площади раскопа, наблюдались развалины сооружений последних десятилетий III в. н. э. или начала IV в. н. э. В западной четверти раскопа (с глубины 0,22—0,33 до 0,50 м) обнаружен развал вымостки (№ 1), состоящий из грубо обработанных плитняковых и известняковых камней различных размеров. На вымостке стояла, вероятно, одновременно с нею кладка (№ 3), тянувшаяся с запад-северо-запада на восток-юго-восток и образовавшая прямой угол со связанной с нею впереплет кладкой № 4. К кладке № 4, в свою очередь, примыкала, также под прямым углом, связанная с нею впереплет кладка № 5. К кладке № 3 примыкала под прямым углом кладка № 2, тянувшаяся с север-северо-востока на юг-юго-запад; она была приставлена впритык, в силу чего должна быть отнесена ко второму строительному периоду.

Перечисленные кладки, занимающие западную половину раскопа, сооружены из грубо отесанных или рваных камней плитняковых, известняковых или дикарных. Наружные панцыри стен выложены довольно тщательно, а внутреннее заполнение их более небрежное. Глубина подошвы кладок — 0,22—0,43 м, в высоту они сохранились на 0,14—0,26 м, ширина их обычно 0,5—0,6 м (только кладка № 5 имеет ширину до 1,05 м).

К востоку от развалин обнаружен угол здания, раскрытый по направлению к северо-востоку. Кладка № 6, представлявшая южную стену помещения, была связана в переплет с примыкавшей к ней под прямым углом западной стеной № 7. По технике сооружения обе эти кладки близки описанным нами. Ширина их 0,57—0,61 м, глубина подошвы 0,84—0,90 м, в высоту они сохранились на 0,33—0,44 м. Обе кладки стоят на вымостке № 20, заполняющей внутренний угол здания. Она сооружена в основном из плитняковых камней, толщиной всего 0,03—0,06 м. Вымостка сильно пострадала от вырытой к северу от нее ямы: камни сместились, часть их оказалась в наклонном положении, а один встал на ребро. Поэтому глубина поверхности вымостки колеблется от 0,88 до 1,50 м.

Еще дальше на восток открыт развал вымостки № 9, на котором находился развал кладки № 21, возможно — остатки угла постройки. Глубина верхней поверхности вымостки 0,41—0,61 м. Высота кладки № 21 — 0,44—0,60 м. Расположенный к северу развал кладки № 10 (ширина 0,61 м, глубина 0,62—0,95 м), возможно, является продолжением кладки № 21. Наконец, следует упомянуть еще о двух развалах вымостки № 8 и кладки № 11.

Открытые нами сооружения, несмотря на плохую сохранность, позволяют сделать некоторые заключения. Характерной особенностью многих кладок является общий строительный прием — сооружение их над вымостками. Постройки расположены более компактно, чем в других, ранее обследованных поселениях. Вместе с тем они связаны однотипной (или очень близкой) ориентацией: стены тянутся обычно с север-северо-востока на юг-юго-запад или с восток-юго-востока на запад-северо-запад. Эти особенности, относительно монументальный характер построек и обилие находок выделяют возможную Каракондаму среди других синдских поселений.

Верхний, шестой слой примерно IV в. н. э. состоял из коричневато-гумированной супеси, толщина пласта которой была 0,33—0,93 м. В нем найдены черепки амфор I—IV вв. (светлоглиняных, узкогорлых, с профилированными ручками, реберчатых; горло одной из поздних амфор, имевшее диаметр 0,31 м), а также амфор V—I вв. до н. э., обломки пифосов, простой тонкостенной посуды, лепной, в том числе с украшениями в виде шипов, чернолаковой, краснолаковой, «мегарских» чаш, куски черепицы, в том числе боспорской, сырцового кирпича и штукатурки с красной облицовкой. Отметим керамические пробки, конусовидное пряслице из коричневой глины, грузило из сырца, пластины из коричневой глины, близкие по типу прикубанским, обломки терракотовой фигурки: девочка с собачкой, протомы богини и ритуальной статуэтки с подвесными конечностями, бронзовый колокольчик, два осколка кремня и кости животных, в том числе крупного рогатого скота и собаки.

На последнем западном раскопе стратиграфия была проще, чем на двух предыдущих.

Обнаружено всего два слоя. Нижний I—II вв. н. э., состоявший из коричневато-белой супеси, лежал на материковой глине-белоглазке, на глубине от 1,30—1,47 м до 0,65—0,68 м. В слое встречались черепки остродонных амфор I—II вв. н. э. и IV—I вв. до н. э. и среди них боспорских, в частности с азиатского Боспора, обломки лепной посуды и кости животных, в том числе крупного рогатого скота.

На нижнем слое лежали развалины винодельни, сооруженной в конце II или в III в. н. э. (рис. 48). По устройству она аналогична поздним боспорским винодельням с тремя цистернами для сула и тремя давальными площадками, средняя из которых предназначена для рычажного пресса<sup>9</sup>. Ци-

<sup>9</sup> Ср. В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Мюмекия в 1935—1938 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 184 сл. См. также А. А. Миллер. Таманская экспедиция ГАИМК в 1931 г. «Сообщ. ГАИМК», 1932, №№ 7—8, стр. 68.

стерны довольно хорошо сохранились; в удовлетворительном состоянии была также центральная и одна из боковых площадок. Другая боковая площадка уничтожена при сооружении рва.

Цистерны для сусли, расположенные в ряд, вытянуты в широтном направлении. Давильные площадки устроены на восток от цистерн, причем средняя цистерна и центральная площадка находятся на одной оси, а на-

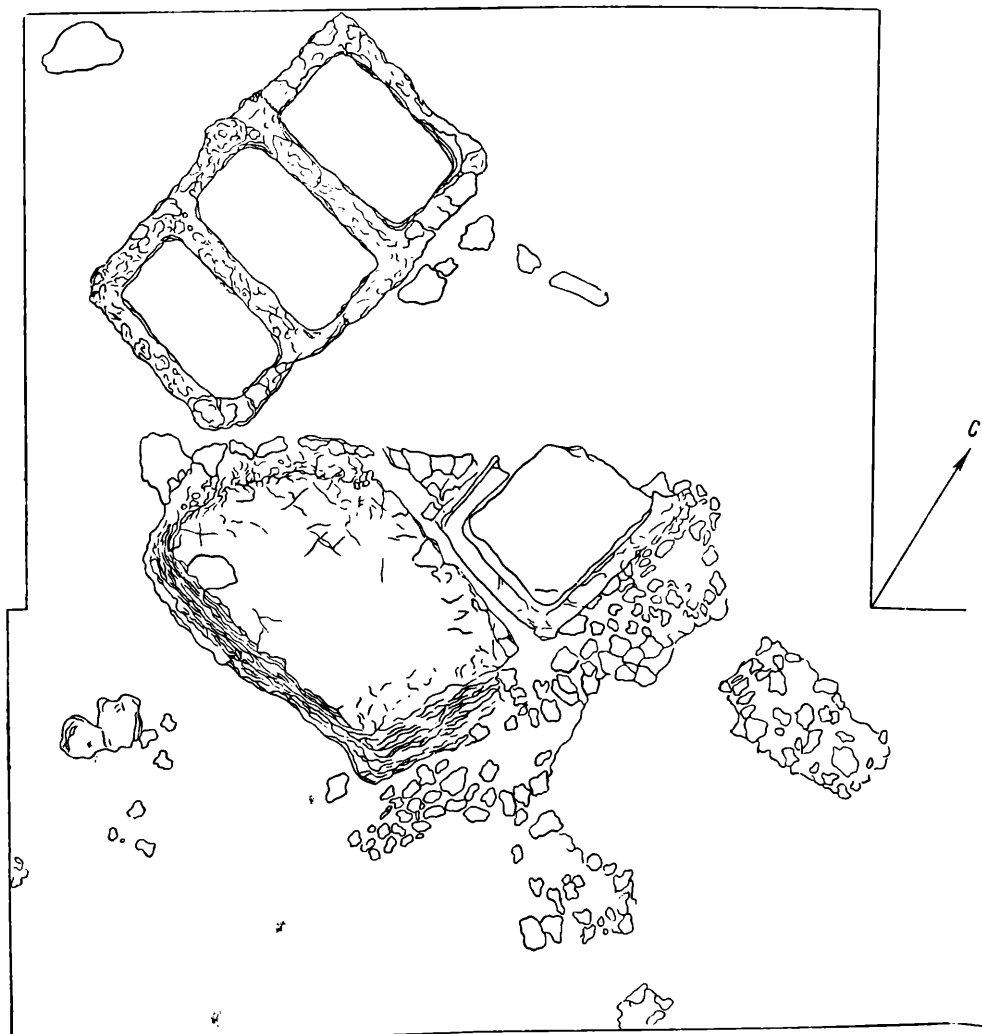


Рис. 48. Поселение Пятиколодезное. План винодельни.

ружная сторона южной площадки далеко выступает за линию соответственной стороны южной цистерны.

Южная площадка (№ 16), облицованная известковым раствором, была предназначена для давления винограда ногами. Длина площадки — 3,38 м, ширина — 2,08 м; нижняя ее поверхность залегала на глубине 0,38—0,87 м, а верхняя — 0,29—0,50 м, постепенно понижаясь по направлению к цистернам. Площадку покрывали 18 пластов известковой обмазки, толщина которых колебалась от 4 до 45 мм, но по большей части была около 10 мм.

Шесть нижних пластов состояли из розового или розовато-серого, очень крепкого раствора, выше были два слоя более рыхлого розовато-сероватого раствора, над которыми лежало восемь пластов раствора более крепкого состава беловатого, белого или бледнорозоватого цвета; наконец, сверху два слоя раствора, розового от примеси шамота. На верхней облицовке местами сохранились следы красной краски. Под нижними пластами обмазки находилась подушка из рваных известняковых камней толщиной около 4 см. Северо-восточная часть площадки уничтожена; облицовка местами растрескалась.

С востока к площадке (№ 16) примыкает центральная давяльная площадка (№ 17), служившая основанием рычажного прессы. Это большой, грубо отесанный камень, длиной 1,45 м, шириной 1,15 м и толщиной 0,48 м. Залегал он на глубине 0,3 м (до верхней поверхности). Верхняя поверхность камня неровная, в выбоинах видны следы раствора. Камень со всех сторон обрамляли желобки, облицованные известняковым раствором; ширина их 0,31 м, расстояние от краев желобка до поверхности камня 0,09 м, а глубина средней части желобка 0,14 м. Толщина известкового слоя в средней части желобка достигает 0,09 м, причем поверх основного слоя нанесено до пяти пластов розового раствора (толщиной 1—2 см).

К западу от камня (№ 17) сохранились незначительные остатки цементированной площадки, лежащей на 0,15—1,16 м ниже. Ее покрывают четыре слоя известкового раствора, общая толщина которых 6 см.

С востока к давяльным площадкам (№ 16 и 17), вероятно, примыкал мощный двор винодельни. Остатками его, видимо, можно считать две вымостки (№ 18 и 19), состоящие из неплотно уложенных мелких и средних камней. Первая из них сохранилась в длину на 4,7 м, в ширину — до 2,2 м и залегала на глубине 0,27—0,34 м.

Западнее находились цистерны для сула: северная (№ 22), средняя (№ 23) и южная (№ 24). Толщина их наружных стен 0,18—0,25 м, а внутренних перегородок 0,26—0,28 м. Цистерны несколько отличаются друг от друга по размерам:

Цистерны	Длина внутри	Ширина внутри	Наибольшая глубина от поверхности пло- щадки № 17	Наибольшая высота сохранившихся стен
22	1,55	0,90	1,86	0,95
23	1,68	0,94	1,95	1,01
24	1,48	0,84	1,78	1,10

В днищах цистерн устроены большие округлые углубления в западных частях их. Наружные стены сложены из бутового камня средних и мелких размеров на небрежно нанесенном известковом растворе. Внутренние перегородки сооружены из известняковых квадров и бутового камня.

Все цистерны внутри облицованы известковым раствором, белым, беловатым, розоватым и розовым, состоявшим из трех—пяти пластов, общей толщиной до 3,5 см. Углы цистерн несколько скруглены и слой раствора там достигал 7 см в толщину.

Сохранность облицовки не везде одинакова; в южной цистерне она хорошая, в центральной заметны довольно большие выбоины, в северной видны следы ремонтов — своего рода «заплаты» на поверхности облицовки.

В земле, заполнявшей цистерны, обнаружено много камня и кусков известкового раствора, а также другие находки. Так, в северной цистерне встречались черепки остродонных амфор I—II и III—IV вв. н. э., в том



числе с Боспора, в частности азиатского, встречались обломки хиосских амфор VI—V вв. до н. э., краснолаковой и лепной керамики, кости животных, а среди них — свиньи. Отметим обломок слива из известняка; длина его 0,30 м, ширина 0,15—0,18 м, высота 0,07 м; глубина канала 0,04 м, ширина канала 0,08—0,10 м.

В центральной цистерне, среди камней, найдено несколько обломков сливов, аналогичных обнаруженному в северной и профилированный блок, длиной 0,60 м, шириной 0,33—0,40 м и высотой 0,25 м. Там же встречены обломки амфор, краснолаковой и лепной посуды, а также кости животных, в том числе собаки.

В южной цистерне среди камней обнаружено несколько больших квадратных блоков, 0,49 м × 0,49 м, высотой от 0,22 до 0,27 м, и обломки квадров меньшей величины. Керамики там было мало.

Культурный слой, лежавший над развалинами винодельни, состоял из пласта супеси толщиной 0,29—0,68 м, заключавшей различные находки. Это были черепки остродонных амфор, преимущественно I—II и III—IV вв. н. э. (узкогорлых, реберчатых), в том числе с азиатского Боспора и пантикапейских (больших), амфор V—I вв. до н. э., в частности боспорских, хиосских и гераклеийских, простой тонкостенной и лепной посуды, куски жженой сырцовой обмазки и кости животных.

В результате работ на Пятиколодезном поселении, заключавшем шесть слоев, мы приходим к выводу, что оно возникло в VI в. до н. э. и существовало до IV в. н. э. Монументальный характер построек и вымоствок в поселении, а также довольно обильный инвентарь в могилах позволяют предполагать некоторую зажиточность его обитателей.

Постройки в значительной мере сооружались из камня, употреблялся и сырец; часто встречающуюся сырцовую обмазку, вероятно, следует считать остатками очагов или печей. Часть помещений была покрыта штукатуркой с красной облицовкой. Кровли крыты черепицей не только боспорской, но и привозной.

При сооружении винодельни и последующих ремонтах применялись известковые облицовочные растворы, к которым прибавлялись особые примеси, в частности шамот.

В расположении стен построек преобладала ориентация с север-северо-востока на юг-юго-запад и с восток-юго-востока на запад-северо-запад, что позволяет предполагать правильную планировку поселения, хотя бы в период сарматизации.

Обитатели занимались сельским хозяйством и обработкой его продуктов (находки обломка жернова, костей домашних животных — крупного и мелкого рогатого скота и свиньи). О виноградарстве и виноделии ярко свидетельствует винодельня III в. н. э.; о рыбной ловле — находки грузил; с морским промыслом связаны также раковины моллюсков. Куски керамического шлака, обнаруженные на поселении, начиная со слоев VI—V вв. до н. э., позволяют предполагать довольно раннее существование гончарного производства.

О торговых связях, осуществлявшихся, нужно думать, через Гермонассу, свидетельствуют находки глиняной тары — остродонных амфор: хиосских, фасосских, синопских, гераклеийских, косских, родосских и боспорских (европейских и азиатских), а также столовой посуды (простой, чернолаковой и расписной) ионийского, аттического, малоазийского и боспорского производства. Находка пластины из коричневой глины позволяет говорить о связях с Прикубаньем.

И. Т. КРУГЛИКОВА

## ПОСЕЛЕНИЕ ЗОЛОТОЕ ВОСТОЧНОЕ

Античные города Северного Причерноморья в течение многих десятилетий привлекают внимание исследователей. Археологи<sup>1</sup> успешно раскапывают целый ряд городов, расположенных главным образом по берегам Керченского пролива. Но сосредоточив силы на исследовании нескольких пунктов на восточной оконечности Керченского полуострова, археологи оставили без внимания обширную сельскохозяйственную территорию европейского Боспора и район Крымского побережья Азовского моря, значение которого в экономической жизни Боспорского царства было очень велико.

Задачей Восточно-Крымского отряда Причерноморской экспедиции ИИМК АН СССР, начавшего работать с 1953 г.<sup>1</sup>, было исследование сельской территории Боспора и, в связи с этим, малоизвестной ранее археологам территории Крымского побережья Азовского моря. В результате разведочных работ в 1953, 1954 и 1955 гг. открыто 16 прибрежных поселений. Особый интерес среди них вызывает поселение Золотое Восточное, расположенное на возвышающемся над морем плато, к северу от развалин деревни Сююрташ, около 5 км к северо-востоку от современного населенного пункта Золотое. С востока подножье холма, на котором расположено городище, омывается речкой, с северо-запада море подмывает обрывистый берег плато, с юго-запада небольшая ложбина отделяет его от гряды холмов, продолжающейся к югу и юго-западу.

Поселение занимает площадь около 1,5 га. Оно обнесено мощной оборонительной стеной, толщиной 2,5 м, сохранившейся протяженностью более чем на 400 м (рис. 49), причем уцелело от одного до трех рядов кладки на высоту в среднем от 0,5 м до 0,85 м. Стена сложена из двух рядов огромных плоских каменных глыб (до 2,35 м × 1,40 м), образующих внешний и внутренний панцырь, пространство между которыми заполнено бутом из мелких, неправильной формы, камней и земли. Наружный панцырь сложен из более крупных камней, чем внутренний. Стена лежит частично на материковой земле, но, в основном, на скале и перекрывается слоем II — начала I в. до н. э.

На городище заложено 4 раскопа.

Раскоп I (размером 247 кв. м) в юго-восточной части, на склоне плато. Здесь раскрыта оборонительная стена в длину на 31,7 м. В северо-восточном конце стена несколько оползла по склону холма (рис. 50—1),

<sup>1</sup> В составе отряда работали сотрудники ИИМК АН СССР; И. Т. Кругликова — нач. отряда, Т. М. Арсеньева, Т. Г. Оболдуева, Д. Б. Шелов, сотрудник Керченского музея им. А. С. Пушкина — В. И. Цехмистренко.

а на северо-западе к ее внутреннему панцирю примыкали остатки помещений (рис. 51—1).

Стены их сложены впритык к оборонительной. Стена 1 состояла из камней неправильной формы различных размеров и сохранилась плохо, в некоторых местах лишь на два ряда кладки, 0,4 м в высоту. На расстоянии 1,3 м от места соединения с панцирем камни выбраны, образуя проход 0,5 м шириной. Толщина стены от 0,5 до 0,9 м. Общая длина сохранившейся части около 4 м.

Стена 2 сложена из небольших камней неправильной формы. Длина ее 4,2 м, ширина — 0,6—0,8 м; сохранилась в высоту на 0,35 м. В наиболее сохранившейся части — четыре ряда кладки; СЗ конец несколько распался.

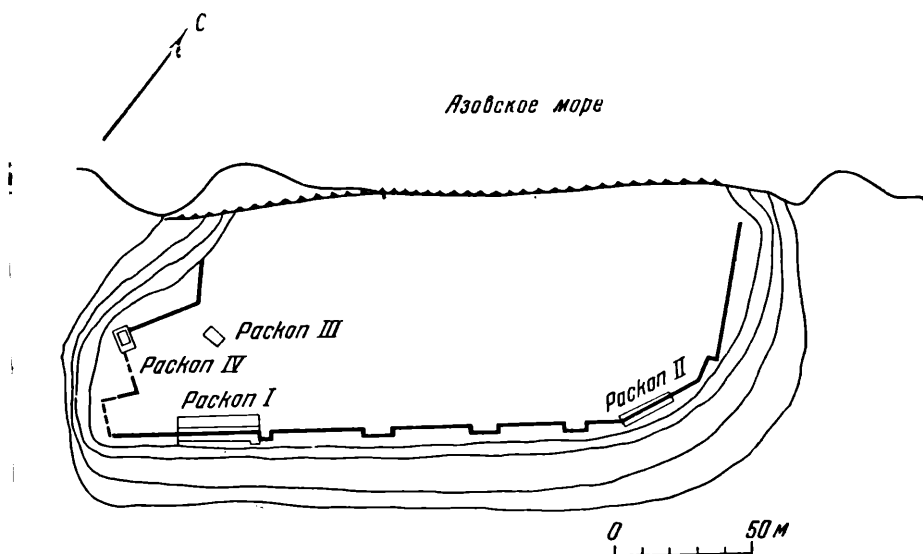


Рис. 49. Схема оборонительных стен городища.

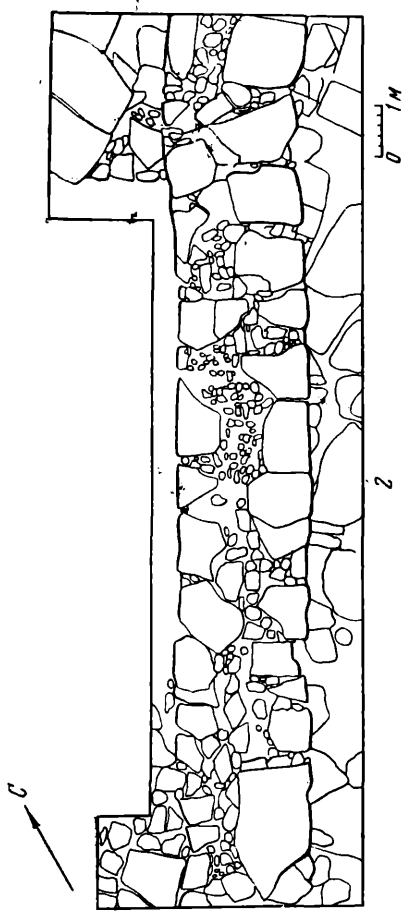
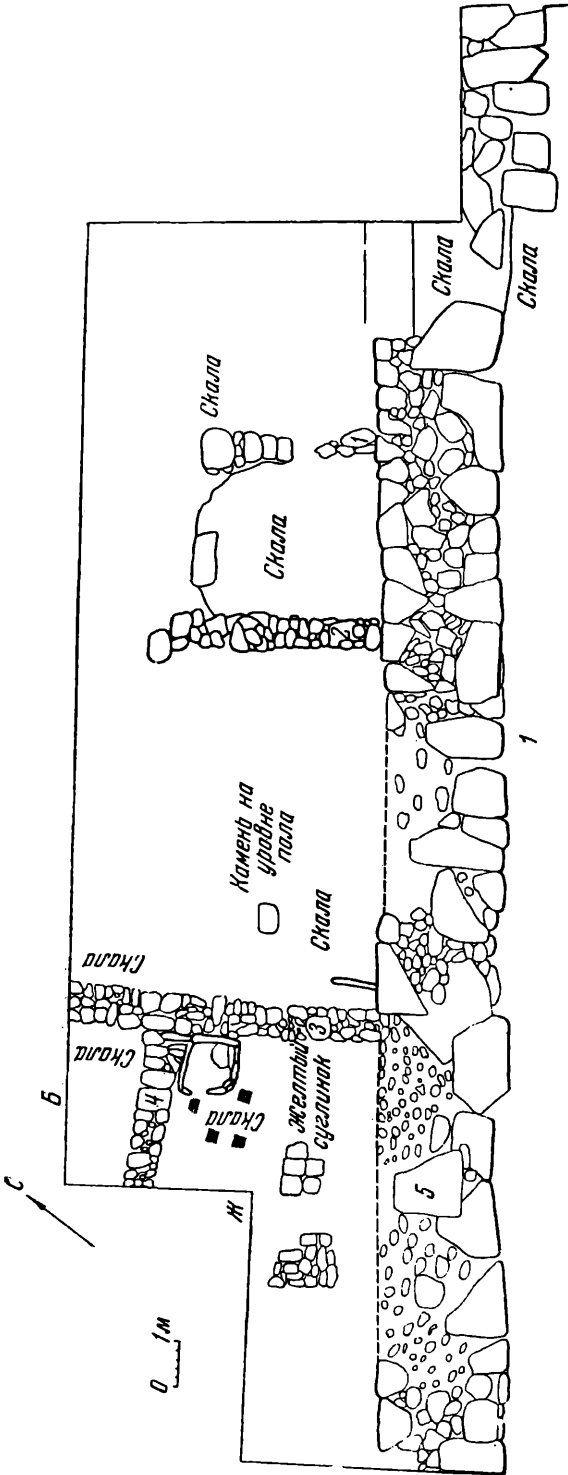
Стена 3 лежит на скале в северо-западной части и на желтом суглинке — в юго-восточной. Лучше сохранился ее средний отрезок; здесь пять рядов кладки, высотой 0,75 м. Сложена она из известняковых необработанных камней. Стена прослежена в длину на 6,6 м и уходит в северо-западный борт раскопа. Ширина ее 0,65 м, высота — 0,75 м. Наиболее крупный камень кладки достигает размера 0,48 м × 0,45 м.

Стена 4 сложена впритык к стене 3, лежит на скале. Сохранился лишь один ряд камней, не обработанных, неправильной формы. Наибольший камень кладки — 0,45 × 0,6 м. Ширина стены 0,6 м. В длину она прослежена только на 3,7 м и далее уходит в юго-западный борт раскопа.

В углу между стенами 3 и 4 стояли на ребре плиты, образующие сооружение, закругляющееся с одной стороны. Судя по большому количеству обожженной глиняной обмазки, найденной около него, это был очаг. Длина его (вдоль стены) 0,85 м, ширина — 0,9 м, наибольшая высота — 0,5 м.

У восточного угла стены 3 на расстоянии 0,5 от нее стоял на ребре, образуя нечто вроде закрома, камень, длиной 1 м, толщиной 0,08—0,1 м. Такого типа каменные загородки широко распространены в различных городах Боспора. Они встречались в Киммерике, в помещении V в. до н. э., и в Илурате, в помещениях III в. н. э.

Материк раскопа I находился на глубине 0,6—0,8 м от современной поверхности почвы; большей частью это скала, местами — плотный суглинок.



Культурный слой — гумированный суглинок, иногда с большим содержанием золы, как, например, на площади между стенами 1, 2 и 3, а также к северо-западу от стены 4 или с большим количеством камней, как, например, на юго-запад от стены 3.

Между стенами 2 и 3, на глубине 0,75 м, хорошо была заметна глиняная обмазка пола, под ней слой желтого суглинка без находок. Уровень пола хорошо прослеживался в обрезах северо-западного борта.

К северо-востоку от стены 3 лежала плоская каменная плита, к которой примыкают несколько слоев глиняной обмазки пола и покрывавший ее слой угольков. Обмазка не прослеживается до стены 3, но проходящая на уровне пола граница желтого суглинка и заполнившего помещение золистого грунта видна отчетливо.

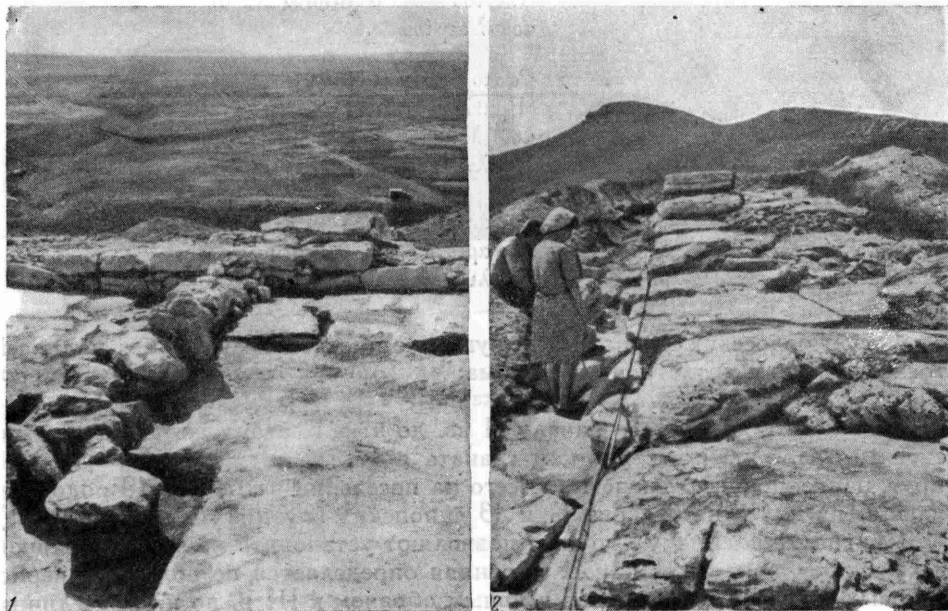


Рис. 51. 1 — стена 2, примыкающая к внутреннему панцирю оборонительной стены; 2 — оборонительная стена на раскопе II.

Вся толща культурного слоя от грунта, лежащего непосредственно над полом или на материке, до дернового покрова, однородна. Слой датируется находками родосских и синопских амфорных клейменных ручек, обломков чернолаковых и других сосудов. Клейма на ручках синопских амфор, относимые Б. Н. Граковым к VI хронологической группе<sup>2</sup>, т. е. к периоду от 121 до 70 г. до н. э., встречались на всей глубине культурного слоя.

Среди них были клейма:

1) [Ἰαστινόμου]  
Μνήσιος τοῦ  
Φορμίωνος  
Δημήτριος

Вероятно, Ника

<sup>2</sup> Б. Н. Граков. Древне-греческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1928, стр. 147 сл.

- |    |  |                  |
|----|--|------------------|
| 2) | ἄστυνόμου<br>Καλλιχόρου<br>[τοῦ] Προταγόρου            | Эмблема неясна   |
| 3) | ἄστυνομοῦντος<br>Ἀπολλωνίδου τοῦ<br>Ποσειδώνου<br>Θέων | Гроздь винограда |

Клейма V хронологической группы (150—49 и 122 гг. до н. э.) находили в верхних горизонтах. Среди них были:

- |    |   |                     |
|----|---|---------------------|
| 1) | ἄστυνόμου<br>Ἰκέσιου<br>τοῦ Σειμίου                   | Статуя<br>с рогом   |
| 2) | ἄστυνόμου<br>Ἡρακλείδου<br>τοῦ Μικρίου<br>Καλλισθένης | Статуя<br>с рогом   |
| 3) | ἄστυνόμου<br>Εὐχαρίστου τοῦ<br>Καλλισθένου            | Гроздь<br>винограда |

Среди родосских клейм были круглые с цветком граната, без надписей, трехстрочные и двухстрочные клейма: ἐπὶ Ἀριστράτου Ἀγριαίου; ἐπὶ Ἀρ[ισ]-το[γ]ένεος Ἀγριαίου; ἐπὶ Καλ[λ]ικ[ρ]ατε [υς]; ἐπ[ὶ] Ἰέρ[ων]ος Π[α].[άμου], относящиеся к концу III—началу II вв. до н. э. К этому же времени относится круглое клеймо с цветком граната в центре и именем Δαμόφιλος во-круг, найденное на раскопе III. Всего на поселении встречено 10 родосских клейм (из них 6 на раскопе I) и 13 синопских (из них 10 на раскопе I).

Синопские клейма VI группы позволяют установить наиболее позднюю дату культурного слоя; наиболее ранняя определяется по обломкам черно-лаковых сосудов, относящихся главным образом к III в. до н. э., а единичные, возможно, к концу IV в.

Таким образом, золистый слой, засыпавший развалины построек на раскопе I, был намыт с зольников, накапливавшихся на городище в течение всего периода его существования, т. е. с конца IV до начала I в. до н. э. В результате выборки камней из стен в позднейшее время слои, соответствующие времени существования помещений, перемешались с более поздними наслоениями.

Не противоречат датировке слоя концом IV—началом I в. до н. э. и другие находки: обломки родосских, херсонесских амфор и амфор так называемой «коричневой глины», «мегарские» чаши, флаконы, терракоты (рис. 52—2), обломки боспорской черепицы.

Необходимо особо отметить находку верхней части небольшого одноушного бронзового кельта и семи фрагментов чернолощеного сосуда с резным орнаментом в виде параллельных резных линий на плечах и вдавлен, сделанных заостренной палочкой внутри треугольников. Эти черепки находят прямую аналогию среди собранной О. Д. Дашевской на Симферопольском поселении в 1951 г. керамики так называемого кизил-кобинского типа.

Раскоп II разбит к северо-востоку от раскопа I, в том месте, где оборонительная стена поворачивает к северу. Эта часть стены, как и вскрытая раскопом I, сложена из больших плоских дикарных камней (рис. 50—2). Внешний пандыр расчищен на протяжении 17 м, внутренний — лишь на

4 м. Ширина стены 2,5—2,65 м. Камни внешнего панциря крупнее, чем внутреннего. Пространство между панцирями заполнено бутом. Стена лежит на материковой скале. Местами сохранилось три ряда кладки, высотой до 0,8 м.

Вскрыта часть стены, пристроенной впритык к оборонительной и перпендикулярно к ней. Ширина ее—0,5 м. Сохранилась она плохо, сложена прямо на материковой скале, которая находится на глубине 0,75 м от современной поверхности почвы.

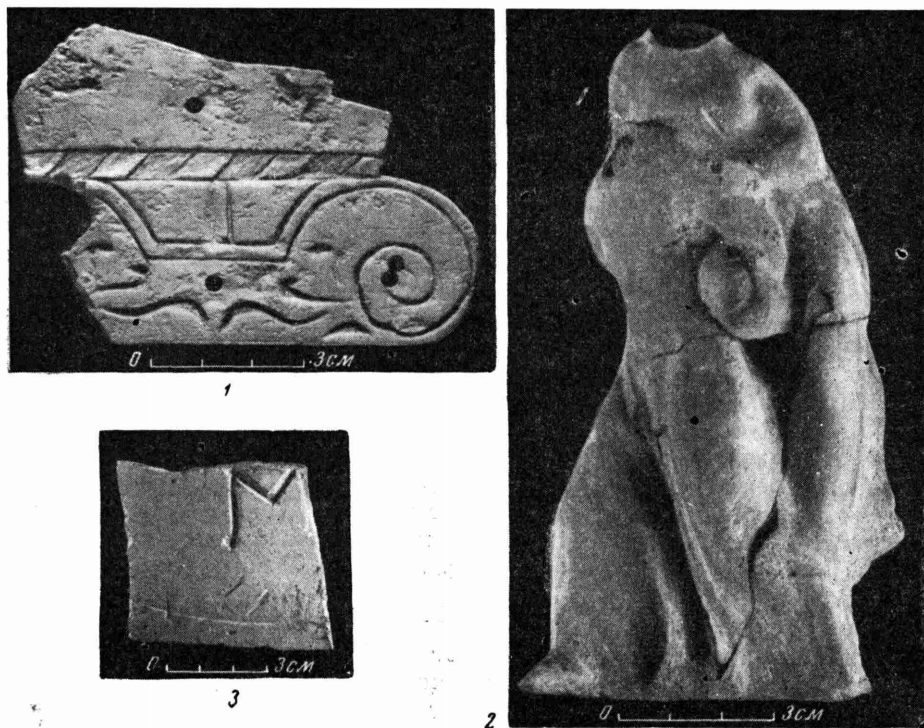


Рис. 52. Находки с поселения

1 — костяная пластинка; 2 — терракота; 3 — стенка амфоры с граффити.

Находки из раскопа II аналогичны найденным в I раскопе. Преобладает материал II в. до н. э., есть вещи III в. до н. э. и единичные — конца II—I вв. до н. э. Больше всего встречено обломков остродонных амфор, среди которых были синопские, родосские и др. Найлены ручки синопских амфор с астиномными клеймами:  $\alpha\sigma\tau\iota\nu\omicron\mu\omicron\upsilon\ \Gamma\eta\sigma\iota\omicron\upsilon\ \tau\omicron\upsilon\ \Sigma\iota\mu\pi\iota\omicron\upsilon$  150—122 г. до н. э. (по Б. Н. Гракову) и  $\alpha\sigma\tau\iota\nu\omicron\mu\omicron\upsilon\ \tau\omicron\varsigma\ \text{Μ}\iota\chi\rho\iota\omicron\upsilon\ \tau\omicron\upsilon\ \text{Π}\iota\delta\omicron\chi\rho\iota\tau\omicron\upsilon$  121—70 гг. до н. э. (по Гракову). Обнаружены обломки лепных и простых гончарных кувшинов, рыбного блюда, чернолаковых сосудов и «мегарских» чаш. Встречались кости животных<sup>3</sup>.

К северо-западу от стены грунт был золистым с большим количеством мелких камней и очень напоминал грунт между стенами помещений, пристроенными к оборонительной стене на раскопке I. По-видимому и здесь, около оборонительной стены, были такие же помещения.

<sup>3</sup> Среди костей животных, найденных на городище и определенных В. И. Цалкиным: крупного рогатого скота — от пяти особей; лошади — от двух особей; мелкого рогатого скота — от семи особей; свиньи — от четырех особей; собаки — от восьми особей; птиц — пять.

Раскоп III (4 м × 6 м) заложен в западной части городища, на довольно крутом, задернованном склоне холмообразной насыпи.

На материке (скала на глубине 1,2—1,4 м) вскрыты плохо сохранившиеся остатки каменных стен. Основания кладок и развалы камней лежали в желтом суглинке, сверху их покрывал золистый мусорный слой толщиной около 0,6 м, с прослойками створок мидий. Над ним залегал гумированный суглинок. На всю толщину культурного слоя встречались одинаковые находки, среди которых обломки родосских, гераклеийских, синопских и др. эллинистических амфор. Найдены клейма на одной стенке гераклеийской и двух ручках родосских амфор, обломки гончарных мисок, кувшинов, лутерия, флакона, лепных горшков, «мегарских» чаш, краснолаковых эллинистических сосудов, терракота, пряслице и др. Интересна костяная пластинка с резным орнаментом и отверстиями для прикрепления к деревянной основе (рис. 52—1).

Золистый слой относится ко II в. до н. э., когда развалы стен были засыпаны. Дату возведения стен установить не удалось в связи с незначительными размерами вскрытой площади, но может быть их надо связывать еще со слоем III в. до н. э., ибо материала более раннего времени в раскопе не обнаружено. Керамика же III и II вв. до н. э. встречается и в золистом грунте, и в слое желтого суглинка, и в верхнем гумированном суглинке.

Раскоп IV (5 м × 10 м) разбит к западу от раскопа I. Он перерезает оборонительную стену, которая здесь спускается к морю и поворачивает на СВ. На глубине около 1 м начался материк (желтая супесь), на глубине 1,5 м появилась скала.

От современной поверхности почвы до отметки 0,35 м идет каменистый грунт — суглинок с большим количеством щебня. В нем находок мало: обломки амфор, в том числе синопских, коричневой глины и др.; обломки простой мисочки на кольцевом поддоне, стенки лепных сосудов, ручка чернолакового сосуда.

Ниже грунт золистый, супесь. В юго-восточной части раскопа он продолжается до глубины 0,7—0,9 м. Этот слой насыщен черепками сосудов. Среди находок обломки синопских и неизвестного центра эллинистических остродонных амфор, синопского лутерия, лепной посуды, гончарных сосудов, покрытых коричневым эллинистическим лаком; найдены также расщепленные кости животных. Ниже идет слой коричневого суглинка, в котором почти не было находок, а с глубины 1 м находки больше не встречались.

Стена в высоту сохранилась лишь на один ряд кладки из крупных камней и подстилающих их более мелких. Расчищен юго-западный фасад, северо-восточного проследить не удалось, так как стена в этом месте утолщается и уходит в борт раскопа. Возможно, здесь сохранилось основание угловой башни; к нему с юго-востока примыкала стена 2, камни которой выступают из северо-восточного борта у угла раскопа. Слой щебенки и мелкого бутового камня перекрывал остатки кладки и, возможно, появился в результате выборки камней из стен башни. Золистый слой, засыпавший пустое пространство ворот, был намыт с вышележащей части городища. Он датируется тем же временем, что и на остальных раскопах, т. е. в основном III—II вв. до н. э. Находки в желтом суглинке невыразительны, но также не древнее III в. до н. э.

В результате исследования культурного слоя определены даты существования поселения: с конца IV по начало I в. до н. э. Наибольшее количество находок относится к III—II вв. до н. э. Слоя IV в. до н. э. выявить не удалось; встречаются лишь единичные находки этого времени.

Период расцвета поселения совпадает с эпохой расцвета Боспорского царства, со временем наибольшей активности боспорских купцов и ремес-



ленников. Встреченные в большом количестве обломки остродонных амфор свидетельствуют о тесных торговых связях с крупными боспорскими городами, где в это время среди импортных товаров, поступавших в обмен на боспорский хлеб, в большом количестве было вино и масло с островов Фасоса и Родоса, из Гераклеи и Синопы. Часть импорта через боспорские портовые города направлялась дальше, в небольшие глубинные поселения Боспора типа Золотого Восточного.

Удобное расположение холма, на котором находилось поселение — вблизи небольшой бухты, среди плодородных равнин, удобных и для земледелия и для скотоводства, рядом с речкой — привлекало поселенцев еще в начале первого тысячелетия до н. э., о чем свидетельствуют пока еще единичные находки, относящиеся к догреческому периоду. Природные условия способствовали расцвету поселения в период эллинизма. Жители могли заниматься здесь земледелием, рыболовством, скотоводством. Развита были и домашние ремесла, о чем можно судить, например, по находкам пряслиц. Обнаруженные терракоты, дорогая привозная посуда, употребление в быту преимущественно гончарной боспорской посуды, а не лепной, как обычно бывало в сельских бедных поселениях, свидетельствует об эллинизации населения городища, а возможно — и о наличии среди его обитателей греков. Найденное граффити на стенке амфоры (рис. 52 — 3) доказывает, что жители были знакомы с греческой письменностью.

Гибель поселения в начале I в. до н. э. связана с глубоким социально-экономическим кризисом, который переживало Боспорское царство и, возможно, произошла в результате нападения степных племен.

В это же время прекращает свое существование ряд других поселений Боспора: Порфмий и усадьба вблизи Мирмекия, Елизаветинское городище в азиатской части Боспора и др.

## III. МЕЛКИЕ ЗАМЕТКИ И СООБЩЕНИЯ

И. Г. НАРИМАНОВ

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ О ДРЕВНЕМ ПОСЕЛЕНИИ  
В ОКРЕСТНОСТЯХ г. КАЗАХА (АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ ССР)

В последние годы на территории Азербайджанской ССР, главным образом в западной части ее, зафиксировано несколько поселений. К числу этих памятников относится древнее поселение в окрестностях г. Казаха, на правом берегу р. Акстафачай, на большом холме, часть которого разрушена во время земляных работ.

В разрушенной части холма отчетливо выделяются кладки из речных камней и сырцовых кирпичей, возможно, стенки жилого сооружения. Здесь хорошо видны большие хозяйственные кюпы, вертикально врытые в землю и ямы хозяйственного назначения.

С холма сотрудниками Института истории и философии Академии наук Азербайджанской ССР и преподавателем с. Алибайрамлы Казахского района А. Касумовым собрана и доставлена в Музей истории Азербайджана коллекция каменных, керамических и бронзовых изделий. Собраны и кости мелкого и крупного рогатого скота.

Из каменных орудий обнаружены ладьевидная зернотерка со слегка приподнятыми концами, длиной 41 см, и меньшая половина плоской зернотерки, использованной впоследствии в качестве ступки, о чем свидетельствуют круглые углубления диаметром 7 см на ее верхней стороне. Кроме того найдены пестик цилиндрической формы со следами сработанности на обоих концах и несколько плоских дисковидных камней, диаметр которых колеблется между 14 и 17 см. Встречаются и отщепы из дымчатого обсидиана.

Особенно много собрано обломков керамических изделий, преимущественно сероглиняных и черноглиняных кувшинов с невысоким горлом и шаровидным корпусом (рис. 53—1, 2). Изготовлены сосуды на гончарном круге. Поверхность их украшена геометрическим орнаментом и залощена.

На трех кувшинах, в отличие от других, ручки были сделаны в виде фигур животных. На половине одной ручки сохранилась стилизованная головка животного. Глаза и пасть его были отмечены глубокими нарезками (рис. 53—3). На второй — изображена фигура собаки с опущенным хвостиком и ушами в виде выступа. Глаза ее отмечены точечными углублениями (рис. 53—4). Третья ручка, по-видимому, также представляет фигуру собаки (рис. 53—5). С верхней стороны ручка украшена наклепными пуговками, которыми иногда украшалась поверхность кувшинов.

Наряду с черепками горшков, мисок, кувшинов найдены обломки больших толстостенных сосудов, украшенных снаружи наклепными поясами и

нарезным геометрическим орнаментом. В глине хорошо различается примесь крупного зернистого песка. Толщина черепка достигает 3 см. Подобная керамика не встречается в обычных могильниках Азербайджана. Она обнаружена в Мингечауре, на территории поселения № 1, и около Ханлара в районе Ганджачая в поселении эпохи поздней бронзы.

Очень интересен фрагмент чернолощеного кувшина с наlepным изображением колеса. Это единственная находка среди древностей Азербайджана, свидетельствующая об использовании еще в первой половине I тысячелетия до н. э. колесницы, снабженной колесами о четырех спицах. Этот тип возникает под влиянием урартских образцов (рис. 53—6).

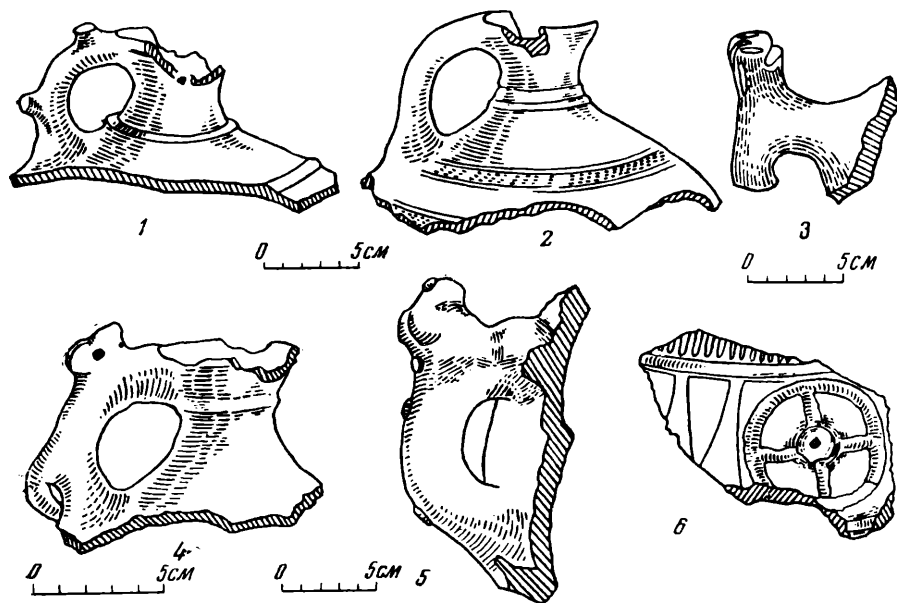


Рис. 53. Керамика Казахского поселения.

1—2 — верхние части кувшинов; 3—5 — ручки в виде животышек; 6 — налeп в виде колеса.

В могильнике Ахталы (Армянская ССР) обнаружен бронзовый пояс, на котором выгравирована двухколесная колесница переднеазиатского типа, имеющая, однако, четыре спицы в колесах. В это время в Ассирии и Урарту употреблялось колесо с шестью или восемью спицами<sup>1</sup>.

Следует отметить, что наряду с колесом на спицах в Азербайджане довольно долгое время сосуществует ранее известное массивное колесо. Так, например, в Мингечауре в погребениях с сильно скорченными костяками (в сопровождении керамики с белой инкрустацией, и иногда панциря черепахи) эпохи поздней бронзы, встречаются глиняные модели арбы на дисковидных колесах<sup>2</sup>. В катакомбном погребении № 8 этого же района Г. Аслановым обнаружена деревянная арба с дисковидным колесом, относящаяся к V—VII вв. нашей эры<sup>3</sup>. Подобные арбы эпохи бронзы найдены в Триаleti<sup>4</sup> и у с. Адиаман, на юго-западном побережье озера Севан<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> Б. Б. Пиотровский. История и культура Урарту, Ереван. 1944, стр. 207—208.

<sup>2</sup> С. М. Казиев. Археологические раскопки в Мингечауре. МКА, т. I, Баку, 1949, стр. 16, рис. 5-в.

<sup>3</sup> Экспонируется на выставке Музея истории Азербайджана.

<sup>4</sup> Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триаleti, т. 1. Тбилиси, 1941, стр. 95.

<sup>5</sup> Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 74.

Среди находок с поселения у г. Казаха интересны шесть глиняных штампов, редко встречаемых до настоящего времени на территории Кавказа. Они могут быть отнесены к двум типам: 1) круглые и 2) прямоугольные. К первой группе относятся два штампа. Один из них круглый, большого размера сероглиняный штамп с ручкой, на лицевой стороне украшен желобками в виде концентрических кругов, от которых лучеобразно расходятся также глубокие желобки, образуя рубчатую поверхность. На выпуклых частях нанесены косые штрихи. Часть штампа отломана. Диаметр 16 см, общая высота с ручкой 9 см (рис. 54—2).

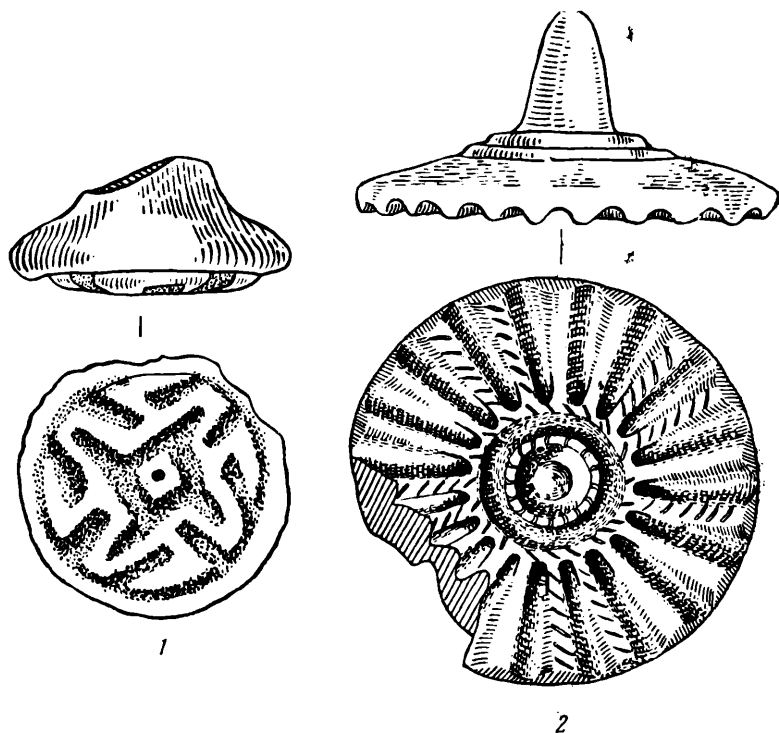


Рис. 54. Глиняные штампы и их отпечатки.

Второй круглый штамп меньше, чем первый. Края рабочей части и ручка обломаны. На лицевой стороне глубоко нарезаны четырехугольник с ответвлениями на каждом углу и желобок по краю с отходящими от него линиями (рис. 54—1). Диаметр 5,5 см, высота 2,5 см. Аналогичный штамп на территории Азербайджана найден в древнем мингечаурском поселении, на правом берегу р. Куры<sup>6</sup>.

Несколько таких же штампов происходит из Алхастинского поселения Грозненской области<sup>7</sup>.

В азербайджанских этнографических материалах можно найти весьма близкие по форме глиняные штампы для орнаментации хлебов в праздничные дни<sup>8</sup>. Например, в Халданском, Нухинском и других районах встречаются круглые штампы с ручкой и глубоконарезными украшениями на

<sup>6</sup> Г. М. Асланов. Об одной печати, найденной в Мингечауре. «Доклады АН Азерб. ССР», т. IX, стр. 561, рис. 1—2.

<sup>7</sup> Е. И. Крупинов. Археологические памятники Ассиинского ущелья. «Труды ГИМ», вып. XII, М., 1941, стр. 170, табл. IV, рис. 3—5.

<sup>8</sup> Штампы для этой цели в азербайджанской терминологии означают «Кулчбасан», по названию одного из видов хлеба.

лицевой стороне, которые могут быть сопоставлены по типу, а возможно и по назначению<sup>9</sup>, с первым штампом из Казахского поселения.

Штампов прямоугольной формы четыре. Первый штамп квадратного очертания размером 6,5 × 6,5 см, ручка частично отломана, на лицевой стороне изображение, врезанное глубокими линиями. Такое же изображение нанесено на плоскости грибообразного выступа на кувшине, обнаруженном в одном из домов Ханларского поселения, и на поверхности другого сосуда из большого кургана № 2, относящихся к эпохе поздней бронзы<sup>10</sup>.

На двух других штампах изображение сложнее, чем на предыдущих. Одно из них занимает четвертую часть общей величины штампа, рабочая часть которого была разделена на четыре ровных сектора, сообщающихся между собой глубоко врезанным проходом. В каждом секторе помещена часть изображения. Такой же прямоугольный штамп с четырьмя секторами найден в Абхазии, однако с иным рисунком<sup>11</sup>.

С Кавказа известны еще два прямоугольных штампа с подобным орнаментом

Один из них обнаружен в холме Тойра-тапа у с. Гокчели Акстафинского района<sup>12</sup>, другой найден при раскопке холма Муханнат-тапа у г. Еревана. Он обнаружен на земляном полу здания на территории крепостной стены. Здесь же встречены каменные зернотерки и бронзовое колечко<sup>13</sup>. Датируется эта находка началом I тысячелетия до н. э.<sup>14</sup>

Четвертый штамп второго типа состоит из половины также прямоугольного штампа с глубоко врезанным тем же знаком, в сильно стилизованном виде. Размеры оставшейся части 12,5 см × 8 см, общая высота с ручкой 9 см.

Глубина нареза на штампах достигает 1,5 см, что связано с их применением и очевидно необходимо для получения наиболее четкого оттиска.

Кроме указанных выше предметов на поселении обнаружены и другие предметы, в число которых входят костяное пряслице из распиленного эпифиза и три бронзовых, сделанных из круглого в сечении стержня, браслета с открытыми концами. Один из них — типа браслетов, снабженных львиными или змеиными головками (рис. 55). Головка его широкая с открытой частью, отмеченной глубоким нарезом. Глаза и ноздри выступают кверху в виде круглых шишечек. Этот браслет — единственный среди находок на территории Азербайджана. Аналогичные находки известны в Армянской ССР<sup>15</sup>, в могильнике Малакля, где они обнаружены вместе с другими предметами Ураотского происхождения<sup>16</sup>.

Отсутствие в обычных могильниках южного Кавказа подобных браслетов, очевидно, связано с вопросом их происхождения и указывает на особую переднеазиатскую культурную и художественную среду, с которой и следует связать их появление на данной территории, как это отмечал Б. А. Куфтин<sup>17</sup>.

По инвентарю поселение у г. Казаха может характеризоваться, как один из памятников ходжалы-кедабекской культуры, позднебронзового и древнежелезного периода.

<sup>9</sup> М. И. Атакишиева. Об утвари из окрестных сел г. Мингечаура. МКА, т. II, Баку, 1951, стр. 177, табл. V, рис. 5.

<sup>10</sup> J. Hummel. Zur Archäologie Aserbeidzans. ESA, Helsinki, 1933, стр. 231, рис. 26.

<sup>11</sup> Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев р. Терек и бассейна р. Сунжи. «Труды ГИМ», вып. XVII, стр. 18, рис. 107.

<sup>12</sup> Экспонируется на выставке Музея истории Азербайджана.

<sup>13</sup> СА, III, 1937, Археологическая хроника, стр. 264—265.

<sup>14</sup> Е. И. Крупнов. Указ. соч., стр. 18.

<sup>15</sup> Хранятся в Гос. музее Армении, инв. № 1333, 1469.

<sup>16</sup> Б. А. Куфтин. Ураотский «Колумбарий» у подошвы Арарата. «Вестник Гос. музея Грузии», т. XIII—В, Тбилиси, 1944, рис. 28.

<sup>17</sup> Там же, стр. 40.

Можно предполагать, что раскопки этого памятника дадут новые данные по древней истории Азербайджана и обогатят наши знания о культур-

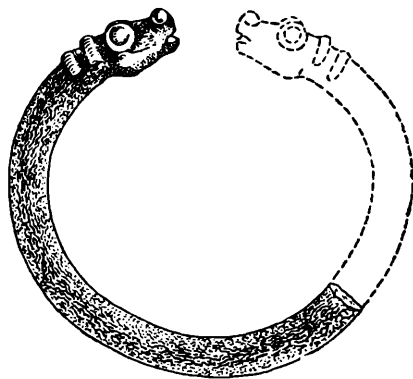


Рис. 55. Бронзовый браслет со змеиными головками.

ных связях обитателей этой территории с другими районами Закавказья и Передней Азии.

---

М. М. КОБЫЛИНА

## ФАНАГОРИЙСКИЙ СКЛЕП

Во время работ Фанагорийской экспедиции 1955 г. в яме большого карьера, близ линии железной дороги, не доходя хутора Трактового, обнаружена каменная кладка. Карьер находится в северо-восточной поле большого расплывшегося вследствие распашки кургана, перерезанного с северо-востока железной дорогой. Первоначальная форма кургана неясна; его юго-западная часть сливается с поверхностью соседних холмов, а северо-восточная деформирована при сооружении насыпи. Курган входит в цепь курганов, которая протянулась на юго-запад от фанагорийского городища.

Под руководством старшего научного сотрудника ИИМК В. В. Кропоткина произведена зачистка хорошо сохранившегося юго-западного борта карьера, а затем, с целью выявления кладки, разбит раскоп. Выяснилось, что кладка принадлежала склепу, полуразрушенному и ограбленному. Каменных склепов в фанагорийских курганах открыто немного. Поэтому исследование 1955 г. заслуживает внимания.

Хотя курган очень деформирован, все же ясно, что склеп находится не в центре, а в поле кургана и на 1,3 м впушен в материк.

Верхние камни наиболее хорошо сохранившейся западной стены залегали на глубине 0,85 м от поверхности кургана.

Склеп, по-видимому, был однокамерный и по плану более всего приближается к каменным склепам Б. Близницы<sup>1</sup>. Длина сохранившихся остатков сооружения 5,05 м, ширина — 3,60 м с наружной стороны и соответственно — 4,60 м × 2,80 м внутри. Склеп ориентирован с юг-юго-востока на север-северо-запад. Сохранились остатки трех стен и северо-западный угол. Наибольшая высота кладок с запад-юго-западной стороны — 1,3 м (пять рядов).

Вход в склеп был с север-северо-востока, но от этой стены уцелел лишь небольшой фрагмент кладки, длиной с внутренней стороны 0,2 м, высотой 1,3 м; собственно говоря, это северо-западный угол склепа (рис. 56) и вопрос о том, как был оформлен вход в склеп, остается открытым. Сохранившиеся кладки весьма небрежны: камни лежат неплотно, между ними есть пустоты. Обращают на себя внимание нестойкие углы сооружения; камни подтесаны только с внутренней стороны стен, притом довольно плохо. С этой стороны кладок камни более или менее правильной четырехугольной формы и приблизительно одинаковых размеров, но, если смотреть сверху или с внешней стороны стен, бросается в глаза разнообразие форм и размеров камней: есть длинные прямоугольные блоки известняка, тре-

<sup>1</sup> М. И. Ростовцев. Декоративная живопись на юге России. СПб., 1914, табл. IV.

угольные с острыми углами; местами промежутки между камнями заложены мелким бутом (рис. 57).

Склеп был заполнен перевернутой землей, при удалении которой обнаружены отдельные перевернутые камни, полностью соответствующие использованным в кладках стен. Размеры камней:  $0,46 \text{ м} \times 0,30 \text{ м} \times 0,28 \text{ м}$ ;  $0,50 \text{ м} \times 0,37 \text{ м} \times 0,20 \text{ м}$  и др. Выделяются две более тонкие, неправильной формы, сильно обитые и бесформенные плиты песчаника ( $0,40 \text{ м} \times 0,25 \text{ м} \times$

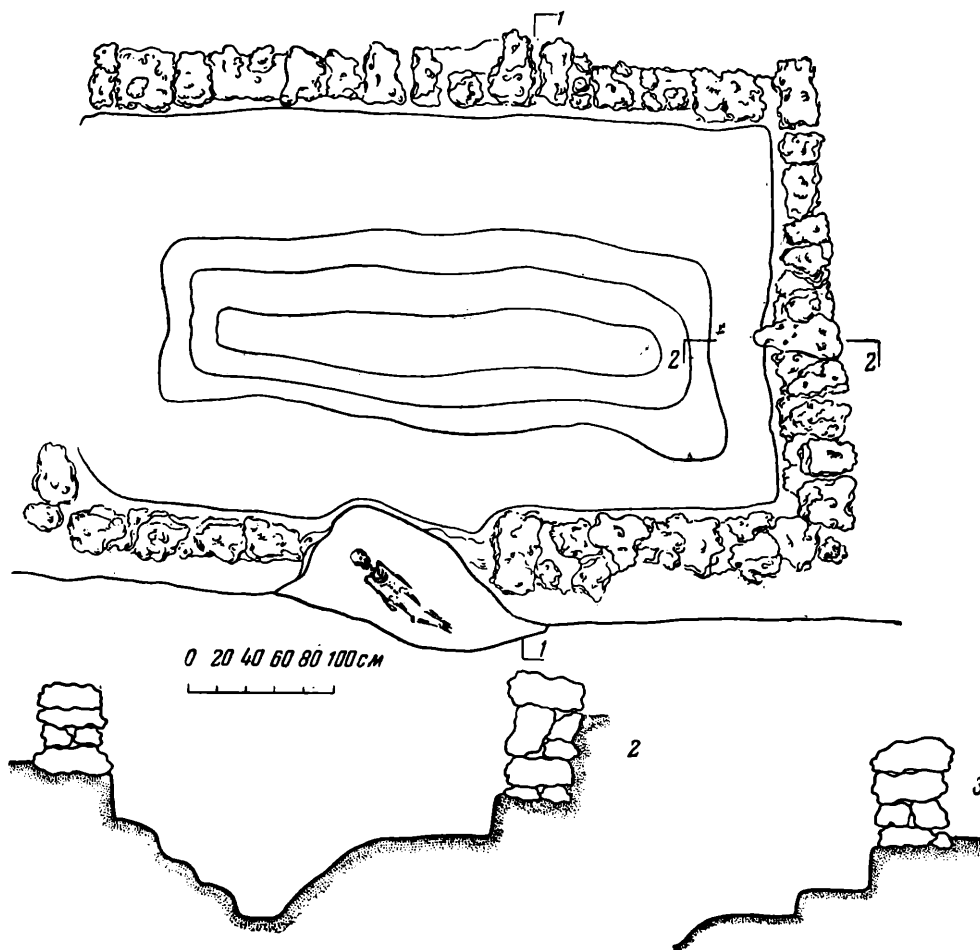


Рис. 56. План и разрезы склепа.

1 — план; 2 — разреза по линии 1:1; 3 — разрез по линии 2:2.

$\times 0,10 \text{ м}$  и  $0,31 \text{ м} \times 0,35 \text{ м} \times 0,10 \text{ м}$ ) (рис. 56 — 3). Остатков или следов штукатурки не обнаружено. Только при первоначальном обследовании карьера в районе склепа, на поверхности, был найден кусочек (длиной  $1 \text{ см}$ ) штукатурки белого цвета.

Склеп разрушен еще в античности. Это подтверждается тем, что на глубине  $0,09\text{—}1 \text{ м}$  от поверхности кургана, над остатками западной стены склепа, было обнаружено погребение. Форма могилы не прослеживалась. Костяк лежал в вытянутом положении, головой на север, с небольшим отклонением к востоку. Около левого плеча найден обломок лакрмария из прозрачного стекла II в. н. э. Часть стены склепа, находящаяся под могилой, была разрушена не при захоронении, а значительно раньше, так как



между могилой и остатками кладки имеется значительный слой земли (толщиною 0,6 м).

Вдоль склепа, в перерытом полу его, обнаружена яма; края ямы и дно — неровные. Длина ямы 3,9 м, ширина — 1,2 м, наибольшая глубина — 0,6 м; возможно, что здесь грабители искали сокровища; при расчистке ямы найдены незначительные остатки дерева, вероятно — от саркофага.

Основная масса находок, обнаруженная при расчистке склепа, относится к IV в. до н. э. Это фрагменты фассосских, хиосских, гераклейских и других амфор, обломки чернолаковых сосудов (килика, лекифа, светильника) и

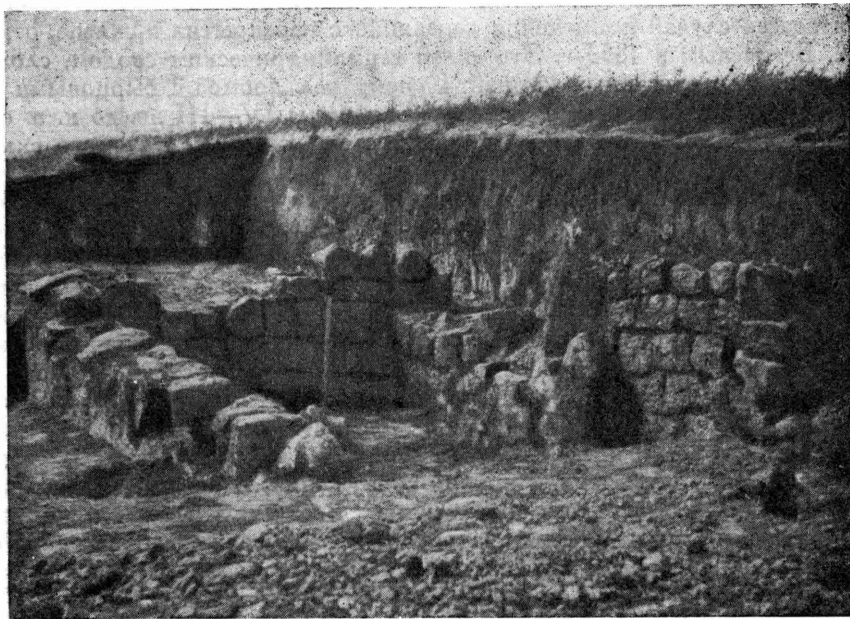


Рис. 57. Общий вид склепа.

фрагмент расписного аска; однако есть несколько чернолаковых черепков сосудов III в. до н. э. Склеп мог быть сооружен в IV в. до н. э.

Возникает вопрос о первоначальном виде склепа. Кладка стен не имеет ничего общего с великолепной кладкой погребальных сооружений IV—III вв. до н. э., открытых на Боспоре, в частности в Фанагории.

Неплохо сохранившиеся фанагорийские склепы IV—III вв. до н. э. сложены из хорошо отесанных правильных квадров и имеют сводчатое или ступенчатое перекрытие. Так, например, склеп, открытый генералом Вандервальде в конце XVIII в. в самом большом кургане в окрестностях Сенной<sup>2</sup>, сложен из белого керченского известняка, боковые камни все четырехугольные, отлично распиленные; перекрытие сводчатое. При входе в склеп с каждой стороны стояло по одному пилястру.

Склепы с уступчатыми сводами, сложенные из керченского «штучного» раковистого известняка, открыты близ Сенной в 1843 г.<sup>3</sup>, в 1845<sup>4</sup>, в 1846 г.<sup>5</sup>; каменная гробница из белых тесаных камней открыта в 1869 г.<sup>6</sup>.

<sup>2</sup> К. Герц. Исторический обзор археологических открытий на Таманском полуострове. СПб., 1876, стр. 6—7.

<sup>3</sup> К. Герц. Там же, стр. 22—23.

<sup>4</sup> ЖМВД, 1846., стр. 284.

<sup>5</sup> М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 270.

<sup>6</sup> Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1, Арх. № 4, 1869, лист 5—6.

Кладка стен исследованного нами склепа не только плоха, но и слишком хрупка, чтобы нести тяжесть большого полуцилиндрического или ступенчатого свода. К тому же нет никаких остатков, указывавших на существование ступенчатого свода. Возникло предположение о деревянном перекрытии, столь распространенном в фанагорийских погребальных сооружениях с сырцовыми стенами или с сырцовой обкладкой, особенно в могилах V—IV вв. до н. э. В курганах Фанагории открыты и каменные гробницы с деревянным перекрытием из дубовых брусьев или дубовой доски. Такие гробницы служили для помещения в них саркофагов и соответственно были продолговатой формы<sup>7</sup>. Кладка стен этих сооружений отличается такой же тщательностью, как и склепов с каменными сводами.

Интересен случай применения деревянного перекрытия в склепе, открытом К. Бегичевым в 1853 г. Это склеп с цилиндрическим сводом, сложенным из хорошо отесанных камней. К нему вел дромос с сырцовыми стенами, крытый деревянными брусьями. Гробницы IV—III вв. до н. э. с деревянным перекрытием и такой кладкой стен, как у исследуемого склепа, нам неизвестны.

Есть, однако, аналогии, заставляющие считать кладку Фанагорийского склепа, открытого в 1955 г., лишь каменной обкладкой совершенно расхищенного погребального сооружения. Это склепы IV—III вв. до н. э. Тарасовских курганов около Анапы<sup>8</sup>, сложенные из хорошо отесанных каменных квадратов и имеющие ступенчатое перекрытие. Они отличаются от других боспорских склепов тем, что их стены снабжены каменной обкладкой. По пропорциям наиболее близок Фанагорийскому склеп Старого Тарасовского кургана. Здесь одна камера, слегка вытянутая, со ступенчатым перекрытием, и небольшой дромос с плоским перекрытием<sup>9</sup>. Техника кладки внешних стен из камней различной величины, отесанных только с одной стороны, обращенной внутрь сооружения, и плохого связанных неустойчивых углов полностью аналогична. Внешняя кладка напоминает также кладку подпорных стен Пантикапея, выложенных из камней, отесанных с одной стороны и неровно выступающих с противоположной, обращенной к земле<sup>10</sup>. Фанагорийский склеп впущен в курган и углублен на 1,3 м в материк. Внешние стены служили и для заполнения пустого пространства, образовавшегося между стенками ямы и кладкой склепа.

Интересно сравнить следующие размеры: длина Фанагорийского склепа 5 м с наружной стороны и 4,5 м внутри. Длина каменной обкладки Тарасовского — около 6 м с наружной стороны и около 5 м с внутренней. Ширина Фанагорийского склепа 3,6 м, внутри — 2,8 м. Ширина каменной обкладки Тарасовского — 5 м и 4 м по внутренней стороне. Ширина наружной обкладки Тарасовского склепа 1 м, ширина стен Фанагорийского — 0,5—0,8 м. Размеры внутреннего пространства Тарасовского склепа: длина 4,25 м, ширина 2,25 м, ширина кладки из каменных квадратов 0,75 м. Если допустить, что такую же толщину имели расхищенные стены Фанагорийского склепа, то его внутреннее пространство должно быть следующее: длина 3,5 м (5 м минус 1,5 м), ширина 2,1 м (3,6 минус 1,5 м), т. е. размеры, приближающиеся к размерам внутреннего пространства Тарасовского склепа и нормальные вообще для склепа со ступенчатым перекрытием.

Если наше предположение правильно, то в Фанагорийском склепе, открытом в 1955 г., мы можем видеть новый вариант конструкции, еще не отмеченный в Фанагорийском некрополе.

<sup>7</sup> Архив ИИМК АН СССР, фонд № 1, Арх. № 19, 1880 г. лист 2, размер 3 м.

<sup>8</sup> М. И. Ростовцев. Декоративная живопись на юге России, стр. 109—111, табл. XXXV, XXXVI.

<sup>9</sup> М. И. Ростовцев. Декоративная живопись..., стр. 110 табл. XXXVI, 1—4.

<sup>10</sup> В. Д. Блаватский. Террасы Пантикапея. КСИИМК, XXI, 1947, стр. 93—94, рис. 30.

В. И. ЦЕХМИСТРЕНКО

ДВА КЕРЧЕНСКИХ СОСУДА С АКВАРЕЛЬНОЙ РОСПИСЬЮ

Среди коллекций Керченского музея особое место занимает собрание полихромных (акварельных) ваз. Это в основном пелики красной и серой глины, подражающие в большинстве своем по формам и росписи аттическим сосудам этого типа<sup>1</sup>. Такие сосуды стали изготовляться в Северном Причерноморье (Боспор, Ольвия) после того, как Афины прекратили экспорт краснофигурных ваз<sup>2</sup>.

В. Ф. Гайдукевич дает описание найденного в Керчи сосуда, относимого им к группе боспорских ваз<sup>3</sup>. Это одноручный сосуд с широким венчиком и узким длинным горлом; на передней части тулова изображена голова бородатого мужчины.

В Керченском музее хранится два сосуда такого же типа (рис. 58 — 1, 2), позволяющих уточнить место их изготовления, а вместе с тем поставить вопрос о существовании производства полихромных ваз и в других областях Причерноморья.

По форме сосуды из Керченского музея<sup>4</sup> ничем не отличаются от опубликованного В. Ф. Гайдукевичем и хранящегося в Одесском музее<sup>5</sup>. Они напоминают арибаллические краснофигурные лекифы<sup>6</sup>. Такое же шаровидно-приплюснутое тулово с плоским дном, такая же узкая высокая шейка с ободком в нижней части, на границе шейки и тулова. Венчики тоже имеют много общего. Сразу под венчиком в обоих случаях начинается ручка; только у краснофигурных арибаллических лекифов ручка небольшая и корень ее опирается на плечи сосуда, а у акварельных лекифов ручка толще и длиннее и заканчивается она в средней части тулова.

Размеры сосудов следующие (в мм):

	Одесский	1-й Керченский	2-й Керченский
Высота	170	176	150
Диаметр горла	55	52	43
Диаметр дна	55	58	58

<sup>1</sup> В. Д. Блаватский. Искусство Северного Причерноморья античной эпохи. М., 1947, стр. 88.

<sup>2</sup> В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 140.

<sup>3</sup> Там же, стр. 143, рис. 24.

<sup>4</sup> Инв. № К—8426 и К—8591.

<sup>5</sup> Инв. № 20825. Пользуюсь случаем, чтобы выразить сердечную благодарность сотрудникам Одесского музея С. Панасюк и Кравченко за любезное предоставление мне данных об одесском сосуде.

<sup>6</sup> В. Д. Блаватский. История античной расписной керамики. М., 1953, стр. 55, 122; табл. VIII, 122.

Как видно из таблицы, первый керченский сосуд аналогичен по размерам одесскому, второй же — несколько меньше. Все сосуды имеют по два пояса на шейке. Ручки профилированные, с легким утолщением по краям.

Лекифы расписаны акварельными красками. На одесском и втором керченском верхняя часть венчика покрыта красной краской на первом керченском — голубой. Шейка раскрашена тоже разными красками. На одесском сосуде красной краской покрыто расстояние между двумя поясами, на керченских — все пространство между верхним поясом и ободком, служащим границей шейки, покрыто голубой краской.

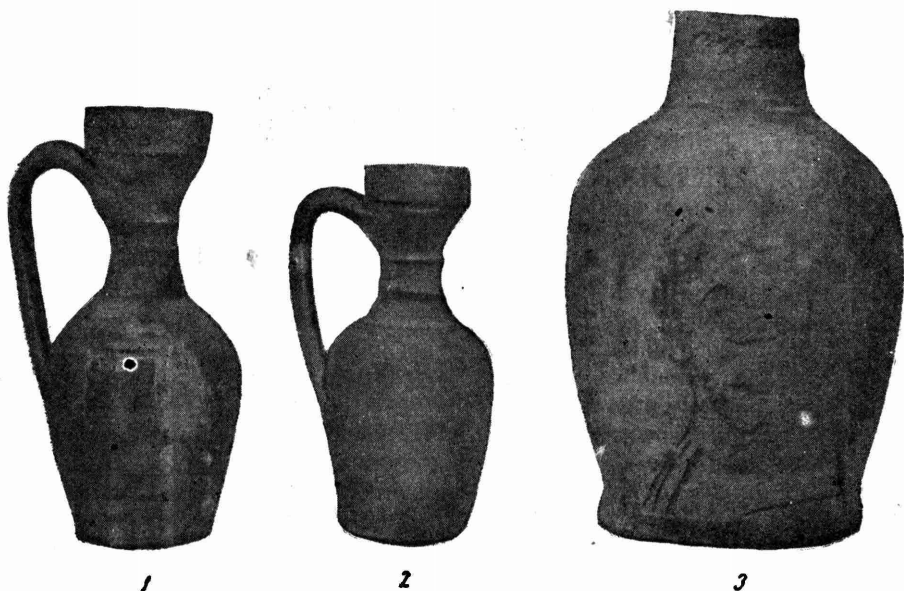


Рис. 58. Керченские лекифы с акварельной росписью.

1—2 — расписные лекифы; 3 — роспись на втором сосуде.

Ручки керченских лекифов и части тулова, примыкающие к ручкам, также окрашены в голубой цвет. У одесского в этом месте и на ручке нет краски, как нет ее и на плечах.

На передней части сосудов помещена роспись в виде бородатой головы *ep face*.

Роспись одесского сосуда достаточно хорошо описана В. Ф. Гайдукевичем<sup>7</sup>. На сосудах Керченского музея краски сохранились очень плохо, однако на втором лекифе можно различить части лица и шеи (рис. 58 — 3). Волосы на голове и борода написаны темносерой (может быть, черной) краской, лицо и фон вокруг головы — белой. Правое плечо больше левого, шея выделена на белом фоне двумя красными линиями. На боковых сторонах тулова окрашено в красный цвет, что служит своеобразной рамкой, определяющей границы основной росписи. Рамка эта повторяет линии головы и плеч на некотором расстоянии от них.

Роспись первого керченского лекифа сохранилась хуже. Здесь можно заметить только красные линии шеи и белый фон вокруг головы. Волосы были написаны темной краской, лицо — белой.

Глина одесского и первого керченского сосудов светло-коричневая, вто-

<sup>7</sup> В. Ф. Гайдукевич. Указ. соч., стр. 143.

рого керченского — лиловая. Во всех случаях она имеет включения мелкого черного кварца и напоминает глину, которую принято считать синопской.

Массовое изготовление сосудов с росписью в виде бородатой головы исключает предположение о портретных чертах изображения, а глина не позволяет говорить о производстве этого типа сосудов на Боспоре.

Производство акварельных ваз было не только в Северном Причерноморье и в Сицилии<sup>8</sup>, но и на южном берегу Черного моря, в Синопе. Расцвет торговли Синопы с Боспором падает на III—II вв. до н. э. К известным ранее видам синопского экспорта можно добавить и полихромные сосуды.

---

---

<sup>8</sup> В. Д. Блаватский. История античной расписной керамики, стр. 247.

Т. В. РАВДИНА

## НАДПИСЬ НА КОРЧАГЕ ИЗ ПИНСКА

В августе 1955 г. в Пинске (Брестской области) впервые произведены небольшие археологические раскопки под руководством автора этой заметки.

В центре города, недалеко от р. Пины, на Замковой горе, вскрыта площадь в 65 кв. м, из которых 36 кв. м пришлось на вал и ров древнего города. Здесь почти не было находок, и лишь на площади 29 кв. м вскрыта жилая часть древнего Пинска. Культурный слой здесь достигал мощности 3—3,2 м и оказался очень насыщенным находками и остатками сооружений, главным образом домонгольского времени.

Массовые находки стеклянных браслетов, характерных для древнерусских слоев до XIV в., шли в шестом — восьмом пластах раскопа, а к одиннадцатому прекратились. Шиферные пряслица, верхняя дата распространения которых — 1240 г., встречались в пластах с шестого по тринадцатый; больше всего их было в десятом пласте, где стеклянных браслетов немного (рис. 59). Следовательно, те пласты, где нет шиферных пряслиц, т. е. ниже тринадцатого, можно датировать временем не позже XI в. Вещей, характерных для X в., в раскопе не найдено. Пласты 6—13 относятся, следовательно, к домонгольскому периоду.

Датирующими вещами служат также обломки амфор-корчаг, «все находки которых при раскопках в ряде городов древней Руси относятся к домонгольской эпохе»<sup>1</sup>. В раскопе на Пинской Замковой горе найдены в восьмом — тринадцатом пластах, т. е. в домонгольском слое, обломки 13 красных амфор-корчаг, резко отличающихся по глине, технике изготовления и размерам от местной посуды из светлой глины. На двух обломках верхних частей рифленых корчаг обнаружены древнерусские буквы.

На одном обломке, толщиной 12—15 мм, найденном в тринадцатом пласте, видны части древнерусских букв, процарапанных по обожженной глине в одну строку (рис. 60—1). Можно разобрать букву Д, высотой 25 мм и шириной не менее 30 мм, завершающую какое-то слово. Стратиграфически этот обломок корчаги относится ко времени не моложе XI в. С точки зрения палеографии можно сказать лишь, что буквы прямоугольные кирилловские, грубо процарапанные.

На другом обломке корчаги, толщиной 10—14 мм, найденном в десятом пласте, одиннадцать древнерусских букв, расположенных в одну строку (рис. 60—2). Строка, длиной 110 мм, помещена ровно и строго между полосами рифления, отчего вид у надписи аккуратный. Буквы написаны чет-

<sup>1</sup> Б. А. Рыбаков. Надпись киевского гончара XI века. КСИИМК, XII, 1946, стр. 137.

ким уставом. Высота их 10—11 мм, ширина 6—7 мм. Сразу читаются десять букв: *дополчевнио*. Первая буква, очевидно *р*, ножка которой обломана, так что все одиннадцать букв можно прочесть как *рополчевнио*. Естественно восстановление надписи в *дрополчевнио* (Ярополче вино), т. е. «вино Ярополка». Может быть, это лишь часть надписи, подобной надписи на корчаге из Старой Рязани<sup>2</sup>, а возможно, это вся надпись. Буквы

*Стратиграфическая таблица датирующей вещи*

Пласты	Количества			
	Стеклянные браслеты	Шиферные пряслица	Обломки корчаг	
I				
II				
III				
IV	3			
V	4			
VI	Верхняя граница домонгольского времени (середина XIII в.)			
	18	2		
VII	25	1		
VIII	19	1	1	
IX	15	2	2	
X	10	5	3	<i>ДОПОЛЧЕВНИО</i>
XI	1	2		
XII	1	1	3	
XIII		2	4	<i>КАЛС</i>
XIV				
XV				
XVI				

Рис. 59. Стратиграфическая таблица находок в раскопе.

процарапаны по обожженной корчаге, и характерны для устава XI—XII вв.:<sup>3</sup> геометрически выписанные симметричные П, Л, В, Н, N; ч (ч) с округлой чашечкой, а не с треугольной, как в XIII в.; Н и N с прямыми симметричными перекладами.

Букв, отличающихся по написанию в XI и XII вв. (ять, омега, пси), в строке нет. По палеографическим данным надпись «Ярополче вино» можно датировать XI—XII вв. Видевший надпись в натуре академик М. Н. Тихомиров датировал ее XI—XII вв.<sup>4</sup> По стратиграфическим условиям мы датируем этот обломок концом XI — началом XII вв., т. к. он найден в десятом пласте, в котором мало стеклянных браслетов и больше всего шиферных пряслиц. Статистика находок стеклянных браслетов и ши-

<sup>2</sup> А. Л. Монгайт. Старая Рязань. МИА, № 49, 1955, стр. 188.

<sup>3</sup> Н. С. Чаев и Л. В. Черепнин. Русская палеография. М., 1947, стр. 136—138.

<sup>4</sup> Автор выражает благодарность М. Н. Тихомирову за консультацию по поводу надписи.

ферных пряслиц из раскопок в Новгороде, Старой Рязани, Смоленске показывает, что шиферные пряслица характерны для слоев XI—XII вв., а стеклянные браслеты для слоев XII—XIII вв. и что стеклянные браслеты появляются на границе XI—XII вв., тогда же наиболее широко были распространены шиферные пряслица. Стратиграфия небольшого раскопа на Пинской Замковой горе подтверждает эти наблюдения. Поэтому корчагу с древнерусской надписью, найденную в слое с наибольшим количеством шиферных пряслиц и первыми находками стеклянных браслетов, можно датировать концом XI — началом XII в.

Рассмотрим содержание надписи. Ясно, что в ней говорится о вине, принадлежащем какому-то Ярополку. Имя это чаще всего было княжеским<sup>5</sup>.

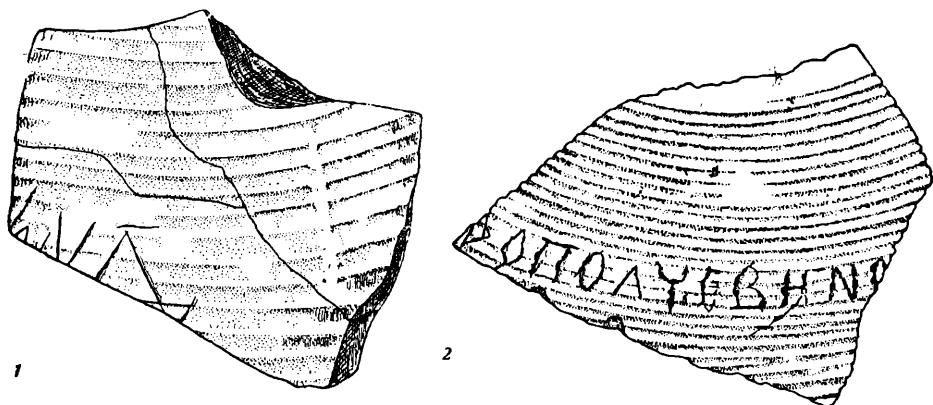


Рис. 60. Древнерусские надписи на корчагах из Пинска.

1 — обломок корчаги с древнерусскими буквами; 2 — обломок корчаги с надписью.

Древнерусские домонгольские письменные памятники упоминают вино в качестве особо ценного напитка преимущественно в перечнях продовольственных запасов богачей и князей (в медушах княжеских дворов), указывая, что вино хранилось в корчагах<sup>6</sup>. Обломок одной из таких корчаг с вином князя Ярополка и был найден в Пинске. Какой же это князь?

В «Повести временных лет» под 1078 г. есть такая запись: «Всеволод же съде Киевъ на столе отца своего и брата своего прием власть русьскую всю. И посади сына своего Володимера Черниговъ, а Ярополка Володимери (во Владимире Волынском. — *Т Р.*), придав ему Туров»<sup>7</sup>.

Ярополк — племянник Всеволода, сын Изяслава Ярославича, тоже правившего Туровом до смерти Ярослава Мудрого в 1054 г. Ярополк Изяславич погиб в 1086 г.<sup>8</sup>, следовательно, в годы 1078—1086 он имел в своем владении Турово-Пинское княжество, так как в XI в. Туров еще олицетворял собой все Турово-Пинское княжество. В «Повести временных лет» Пинск до 1097 г. не упоминался, говорилось лишь о Турове, которым после Ярополка Изяславича с 1086 г. владел его брат, Святополк Изяславич. В записи 1097 г. о Любечском съезде князей Пинск упоминается вместе с Берестьем (нынешний Брест) и Туровом в качестве владения Святополка Изяславича. Очевидно, что и Ярополк Изяславич владел вместе с Туро-

<sup>5</sup> Н. М. Тупиков. Словарь древнерусских личных собственных имен. ЗОРСА РАО, т. VI, СПб., 1903, стр. 514.

<sup>6</sup> Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 138—139; «История культуры древней Руси», т. I, М.—Л., 1948, стр. 270.

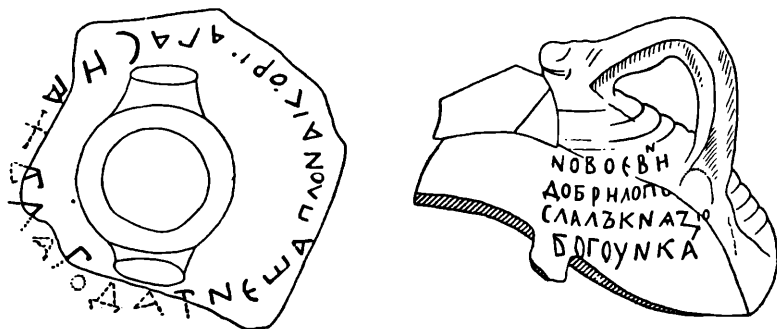
<sup>7</sup> «Повесть временных лет». М., 1950, стр. 135.

<sup>8</sup> «Повесть временных лет». М., 1950, стр. 136.



вом и Пинском, бывал в нем, о чем свидетельствует находка обломка корчаги с именем Ярополка.

Таким образом, вместе с пинской, в русской археологии известны четыре древнерусских надписи на амфорах-корчагах (рис. 61). Из них



киевская сделана гончаром по сырой глине до обжига корчаги<sup>9</sup>, а надписи старорязанская<sup>10</sup>, гнездовская<sup>11</sup> и пинская процарапаны по готовым сосудам. Это может служить косвенным доказательством того, что корчаги из Старой Рязани, Гнездова и Пинска — привозные (о привозе старорязанской корчаги говорит сам текст ее надписи). Из четырех перечисленных древнерусских надписей три связывают амфору-корчагу с вином; киевская (XI в.) «благодатнеша плона корчага сия», старорязанская (середина XII в.) «новое вино Добрило послал князю Богунка» и пинская (конец XI в.) «Ярополче вино». К ним нужно добавить надпись «вино» на обломке амфоры из Тамани, датированной XI в.<sup>12</sup> Известно, что термин «вино» применялся только к вину виноградному, привозимому с юга, древнейшее упоминание о котором относится к 907 г.<sup>13</sup>

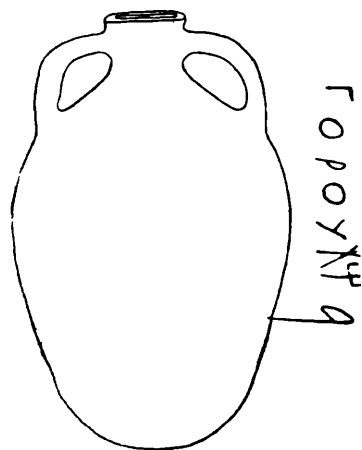


Рис. 61. Древнерусские надписи на корчагах.

Находка обломка корчаги с именем князя Ярополка свидетельствует о том, что где-то поблизости от раскопа находился княжеский дворец Ярополка. Об этом же говорит и наличие большого количества керамических поливных фигурных плиток, найденных при раскопках 1955 г. Такие плитки, вероятно, употреблялись для облицовки стен княжеского дворца.

<sup>9</sup> Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 134.

<sup>10</sup> А. Л. Монгайт. Указ. соч., стр. 188.

<sup>11</sup> Д. А. Авдусин и М. Н. Тихомиров. Древнейшая русская надпись. «Вестник АН СССР», 1950, т. IV.

<sup>12</sup> Сообщения об этой надписи и ее датировка были даны Б. А. Рыбаковым, за что автор приносит ему благодарность.

<sup>13</sup> «История культуры древней Руси», т. I, стр. 270.

## СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АС — Археологический съезд  
ВДИ — Вестник древней истории  
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры  
ЖМВД — Журнал Министерства внутренних дел  
ЗОРСА РАО — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества  
ИИМК — Институт истории материальной культуры АН СССР  
ИТОАЭ — Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии  
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии  
КАЭ — Камская археологическая экспедиция  
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН УССР  
КСИИМК — Краткие сообщения ИИМК  
КФ АН УССР — Крымский филиал Академии наук УССР  
ЛОИИМК — Ленинградское отделение ИИМК  
МАР — Материалы по археологии России  
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР  
МКА — Материальная культура Азербайджана  
ОАК — Отчет Археологической комиссии  
РАНИОН — Российская ассоциация научных институтов общественных наук  
РАО — Русское археологическое общество  
СА — Советская археология  
СЭ — Советская этнография  
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua

## КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

о докладах и полевых исследованиях  
Института истории материальной культуры

вып. 61—69

(Содержание)

Вып. 61

От редакции

### I. Статьи и доклады

- Памяти Александра Юрьевича Якубовского
- М. П. Грязнов. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников
- О. Г. Большаков. Заметки по исторической топографии долины Зеравшана в IX—X вв.
- А. М. Мандельштам. Отрывок из «Послания Фатху б. Хакану» ал-Джахиза (К истории культуры Средней Азии IX в.)
- Н. Н. Негматов. К вопросу об этнической принадлежности населения Усрушаны
- Ю. А. Заднепровский. Об этническом составе населения древней Ферганы
- В. В. Гинзбург. Антропологические материалы к этногенезу таджиков
- М. Э. Воронец. Каменное изображение змей из кишлака Сох Ферганской области
- А. М. Беленцкий. О некоторых сюжетах пянджикентской живописи
- Б. Я. Ставиский. О двух памятниках согдийского изобразительного искус-

ства (Всадник с мугского щита и конный воин из объекта VI древнего Пянджикента)

- И. Б. Бентович. Плетеные изделия из раскопок на горе Муг
- Г. А. Пугаченкова. Архитектурные памятники в селении Астана-баба (Из работ Южнотуркменистанской археологической комплексной экспедиции 1948 г.)
- А. Н. Бернштам. К происхождению мавзолея Бабаджи Хатун
- В. Л. Воронина. Резные колонны мечети Бокбонли в Хиве
- О. И. Смирнова. Неизданный фельс из раскопок на городище древнего Пянджикента
- Е. А. Давидович. Владетели Насрабада (По нумизматическим данным)
- Б. А. Литвинский. Северная надпись в Варухском ущелье (Опыт исторического исследования по данным нумизматики)

### II. Хроника

- Н. К. Лисицына. Археологические исследования в РСФСР в 1953 г. Список сокращений

Вып. 62

### I. Статьи и доклады

- В. Л. Янин. Княжеские знаки суздальских Рюриковичей
- Н. Н. Воронин. Археологические заметки
- С. А. Тараканова. Псковские городища
- И. Г. Спасский. Из истории древнерусского товароведения

- Л. А. Давид и Б. А. Огнев. Забытый памятник московского зодчества XV в.
- П. А. Раппопорт. Перси Псковского Крома
- В. В. Косточкин. О датировке крепостей Острова и Изборска
- М. А. Безбородов. Древнерусские стекла и огнеупорные изделия (Химико-технологическое изучение древнерусских стекол и огнеупоров из археологических раскопок)

## II. Полевые археологические исследования

- А. Н. Москаленко. Раскопки на Архангельском городище в 1952—1953 гг.  
Ф. Д. Гуревич. Археологические памятники Великолукской области  
В. В. Седов. Поселение XII—начала XV в. в Перыни  
П. А. Раппопорт. Обследование раннемосковских городищ в 1954 г.  
О. С. Хованская. Новые данные о крепостных сооружениях г. Болгара  
А. М. Ефимова. Новые данные о болгарской металлургии

## Вып. 63

### I. Статьи и доклады

- Проф. Ин Да (Китай). Достижения китайской археологии за 4 года  
Л. Р. Кызласов. Андроновские антропоморфные фигурки из Средней Азии  
Л. И. Тарасюк. Имена царей Малой Скифии на монетах из Добруджи

## II. Полевые археологические исследования

- И. Г. Шовкопляс. Раскопки Мезинской палеолитической стоянки (предварительное сообщение о раскопках 1954 г.)  
А. П. Черныш. Палеолитическая стоянка Вороновица 1 (по данным раскопок 1951—1953 гг.)  
Е. К. Черныш. Многослойное поселение у села Незвиско на Днестре  
И. К. Свешников. Могильник в селе Звенигород Львовской области (Культура ленточной керамики)  
А. И. Тереножкин. Раскопки курганов в долине реки Молочной в 1952 г.  
И. В. Синицын. Работы Заволжского отряда Сталинградской археологической экспедиции  
Б. Э. Гамбург и Н. Г. Горбунова. Могильник эпохи бронзы в Ферганской долине (Предварительное сообщение)

## Вып. 64

### I. Статьи и доклады

- С. С. Сорокин. О датировке и толковании Кенкольского могильника  
Б. А. Латынин. Вопросы истории ирригации древней Ферганы  
М. П. Грязнов. К вопросу о культуре раха эпохи поздней бронзы в Сибири

## II. Полевые археологические исследования

- С. С. Черников. О работах Восточно-Казахстанской экспедиции  
В. М. Массон. Поселения поздней бронзы и раннего железа в дельте Мургаба  
Б. А. Литвинский. Об археологиче-

- Т. А. Хлебникова. Древнерусское поселение в Болгарах

### III. Мелкие статьи и заметки

- Е. В. Махно. К вопросу о памятниках черняховского типа и прорезных выемчатых эмалях  
С. А. Тараканова. Каменные плитки с рисунками из городища Камно  
Б. А. Тимошук. Об инструментах для письма («стилях»)  
В. Ф. Генинг. Романовский клад  
Список сокращений

- Н. Н. Погребова. Погребение на земляном валу акрополя Камянского городища  
П. Д. Либеров. Курганы у села Черемушны  
Б. А. Шрамко. Курган и городище у села Циркуны  
В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея в 1953 году  
А. Н. Карасев. Основные результаты работ на Ольвийской агоре в 1953 году  
В. М. Скуднова. Комплекс находок из раскопок святилища кабиров в Нимфее  
Т. Н. Книпович. Исследования территории римской цитадели в Ольвии  
Ж. Вожарова (Болгария). Раннеславянская керамика из села Попина

### III. Мелкие статьи и заметки

- А. П. Черныш. Новые находки из раскопок стоянки Молодова 5 на Днестре  
А. А. Формозов. Доандроновское погребение в Казахстане  
К. В. Голенко. Херсонесская монета с боспорской надчеканкой  
К. В. Голенко. К датировке пантикапейских тетрадрахм  
Список сокращений

ских работах в Вахшской долине и в Исфаринском районе (в Ворухе)

- Е. Кузьмина и С. Б. Певзнер. Оборонительные сооружения городища Кей-Кобад шах  
Г. В. Юсупов. Археологические разведки в Башкирии  
М. Н. Комарова. Неолит верхнего Приобья  
Г. А. Чернов. Новые археологические находки в Печорском бассейне  
А. Н. Липский. Археологические раскопки в Хакассии  
III. Мелкие статьи и заметки  
В. П. Шилов. К изучению палеолита Нижнего Подонья

- О. В. Милорадович. Новые археологические находки в Грозненской области  
 Н. М. Егоров. Могильник у реки Эшакон  
 А. Е. Алихова. Абашевские курганы близ села Земского Рязанской области

*IV. Методика археологических исследований*

- Н. Н. Семенович. Реставрация

экспозиция большого войлочного ковра из Пазырыка

- А. И. Августиник. К вопросу о методике исследования древней керамики

*V. Хроника*

Памяти Марии Евгеньевны Фосс  
 Список печатных работ М. Е. Фосс  
 Список сокращений

**Вып. 65**

*I. Статьи и доклады*

- Е. И. Горюнова. Об этнической принадлежности населения Березняковского городища  
 А. Е. Алихова. К вопросу о датировке двух городищ у села Юхнова  
 В. Л. Янин. Печать Мстиславовой грамоты  
 А. Д. Варганов. Обжигательные печи XI—XII веков в Суздале  
 Н. Д. Мец. Монеты удельного княжества Кашинского (К истории борьбы за Кашин в период сложения Русского централизованного государства)

*II. Полевые археологические исследования*

- И. Г. Шовкопляс. Фастовская эднепалеолитическая стоянка  
 Д. Я. Телегин. Мезолитические стоянки в окрестностях Киева  
 Н. Я. Мерперт и А. П. Смирнов. Куйбышевская археологическая экспедиция 1954 г.  
 Н. В. Аяфимов. Могильники сармат-

ского времени в долине реки Урупа (По материалам экспедиции 1954 г.)

- С. Н. Орлов. Вновь открытый раннеславянский грунтовой могильник в Старой Ладоге  
 Э. А. Симонович. Погребения X—XI вв. Каменского могильника  
 В. А. Оборин. Памятники родановской культуры у села Таборы (Из работ Камской археологической экспедиции)  
 А. Ф. Дубынин. Археологические исследования в Зарядье (Москва)

*III. Мелкие статьи и заметки*

- Э. А. Симонович. О некоторых типах поселений первых веков нашей эры в Северном Причерноморье  
 В. Д. Баран. Бронзовая подвеска из села Черепино  
 В. В. Седов. Языческая братчина в древнем Новгороде  
 С. Н. Орлов. К вопросу о древнем пашенном земледелии Старой Ладоги  
 Список сокращений

**Вып. 66**

*I. Статьи и доклады*

- Д. Б. Шелов. Состояние работы в области нумизматики и ближайшие задачи  
 И. Г. Спасский. Алтын в русской денежной системе  
 В. Л. Янин. Алтын и его место в русских денежных системах XIV—XV вв.  
 М. П. Сотникова. К вопросу о технике чеканки русских монет в XV в.  
 Е. А. Давидович. Денежная реформа 1708 г. в Бухаре  
 Е. А. Пахомов. Борьба феодальных династий за Восточное Закавказье с половины XIV до начала XV в. по монетным данным  
 Г. А. Федоров-Давыдов. К вопросу о денежном курсе золота в Иране и Средней Азии в XIV в.  
 М. Ю. Брайчевский. К вопросу о происхождении Оболонского клада  
 В. М. Брабич. Особенности кризиса денежного обращения на Боспоре в III в. до н. э.

- П. О. Карышковский. О классификации серебряных статеров Ольвии IV в. до н. э.

*II. Сообщения и заметки*

- Л. Л. Полевой. Нумизматические данные к истории молдавского средневекового города Старого Орхья  
 Д. Г. Капанадзе. Изображения знаков власти на древнегрузинских монетах  
 Х. А. Мушегян. Монетные находки из раскопок Двина  
 О. И. Смирнова. Монеты городища Пянджикента (Краткая общая характеристика)  
 В. В. Кропоткин. О некоторых кладах римских монет, найденных в России (Из истории русской нумизматики)  
 К. В. Голенко. К некоторым вопросам ранней чеканки Рискупорида VI  
 Ю. С. Крушкoл. Патрэйский клад 1950 г.

Н. К. Лисицына. Археологические исследования в РСФСР в 1954 г. Список сокращений

Вып. 67

I. Статьи и доклады

- А. И. Тереножкин. Луницкая культура и культуры Среднего Поднепровья  
Б. А. Шрамко. Новые памятники предскифского времени на Северном Донце  
С. С. Березанская. Новые памятники эпохи бронзы и раннего железа в бассейне Сейма  
Т. А. Бунятов. Из истории хозяйства в древнем Азербайджане (К вопросу об изготовлении молочных продуктов)

II. Полевые археологические исследования

- А. П. Черныш. Многослойная стоянка Молодова 5  
И. И. Гохман. Палеолитическая стоянка «Пещера» на Бухтарме  
Г. Ф. Коробкова. Тарденуазская стоянка Гребеники в Нижнем Поднестровье  
Ф. М. Заверняев. Поселения мезолитического времени на Соже и Десне  
Ф. М. Заверняев. Неолитическая стоянка Черепеньки под Брянском  
Э. А. Абрамова. Неолитическая мастерская кремневых орудий на Волге близ Костромы  
В. И. Марковин, Р. М. Мунчаев. Неолитическая стоянка близ города Буйнакка (Дагестан)  
К. В. Сальников. Новые памятники абашевской культуры в Южной Башкирии  
А. А. Щепинский. Новые памят-

ники кизил-кобинской культуры в Крыму

- О. Г. Шапошникова. Поселение раннебронзового времени у с. Волошского  
Ю. Н. Захарук. Поселение культуры воронковидных фосудов на Волыни  
Г. И. Смирнова. Работы Западно-Украинской экспедиции в 1954 году  
А. М. Лесков. Седьмой симферопольский курган  
В. И. Марковин. Археологические находки с территории Тарнаира (Дагестан)  
М. И. Исаков. Талгинский могильник

III. Мелкие статьи и заметки

- А. П. Черныш. Новое изображение человека позднепалеолитического времени  
А. Х. Репман. Фигурный кремь с вышневолоцких неолитических стоянок  
А. А. Формозов. О датировке неолитических стоянок Черноморского побережья Кавказа  
И. К. Недоля. Орудия земледелия эпохи неолита из района Адлера  
В. И. Мошинская. Баландинский клад бронзовых инструментов

IV Хроника

- А. С. Мельникова. Клады монет (зарегистрированные Государственным Историческим музеем за 1952—1954 годы)  
Список сокращений

Вып. 68

I. Статьи и доклады

- И. И. Ляпушкин. О жилищах восточных славян Днепровского Левобережья VIII—X вв.  
Э. А. Симонович. Лепная посуда памятников черняховской культуры Нижнего Днепра  
В. В. Седов. К вопросу о жертвоприношениях в Древнем Новгороде. 1. Жертва строителей. 2. Новые материалы по языческой братчине  
В. Л. Янин. К вопросу о дате Лопатского креста  
В. В. Кропоткин. О производстве стекла и стеклянных изделий в средневековых городах Северного Причерноморья и на Руси

М. Г. Рабинович. Золотые украшения из Тушкова городка

II. Полевые археологические исследования

- Г. Б. Федоров. Лукашевский могильник  
И. К. Свешников. Могильники липицкой культуры в Львовской области. (Раскопки у сс. Звенигород и Болотное)  
Э. А. Рикман. Раскопки селищ первых веков нашей эры в Поднестровье  
Л. В. Артишевская. Разведка в верховьях Десны  
Ю. В. Кухаренко. Раскопки на городище и селище Хотомель (предварительное сообщение)

- Д. Б. Шелов. Раскопки средневекового поселения в Восточном Крыму  
 В. В. Седов. Археологические разведки древнерусской деревни в Смоленской области  
 А. В. Успенская. Успенское городище  
 А. Ф. Дубынин. К истории Московского посада

### III. Мелкие заметки и сообщения

- Д. Я. Телегин. Находки раннеславянского времени на Северском Донце

- Т. М. Минаева. Находка близ станции Преградной на р. Уруп  
 И. Г. Сахарова. О технике настила майоликовых полов  
 В. А. Мальми и М. В. Фехнер. Раскопки стекольного завода близ деревни Большое Буньково  
 М. А. Безбородов. Материалы из раскопок стекольного завода XVII в. Химико-технологическое исследование  
 Список сокращений

## Вып. 69

### I. Статьи и доклады

- А. П. Черныш. Проблема хронологии позднего палеолита Европейской части СССР  
 С. С. Черников. К изучению древней истории Восточного Казахстана  
 Э. А. Симонович. Стеклянная посуда середины I тысячелетия нашей эры с Нижнего Днепра

### II. Полевые археологические исследования

- Т. Д. Белановская. Трипольское поселение Красноватка  
 В. И. Спришевский. Чустское поселение эпохи бронзы (Из раскопок в 1954 г.)  
 Ю. А. Заднепровский. Дальверзинское селище  
 В. М. Массон. Изучение древнеземледельческих поселений в дельте Мургаба  
 В. М. Массон. Археологические работы на Мисрианской равнине

- В. И. Сариянди. Керамические печи древней Маргяны  
 Б. Э. Гамбург и Н. Г. Горбунова. Ак-Тамский могильник  
 В. В. Гинзбург. Антропологические материалы из Вуадильского и Ак-Тамского могильников  
 Л. П. Зяблин. Археологические работы на Иссык-Куле  
 Л. И. Ремпель. Некрополь древнего Тараза  
 Г. И. Пацевич. Печь для обжига кирпича в древнем городе Сарайчике  
 А. А. Иессен. Работы Азербайджанской экспедиции в 1953 году  
 К. Х. Кушнарева. Раскопки на холме Узерлик-тепе около Агдама (Из работ Азербайджанской экспедиции 1954 г.)

### III. Мелкие заметки и сообщения

- И. Н. Хлопин. Изображение коровы на сосуде из Кара-тепе (По материалам работ ЮТАКЭ 1955 года)  
 С. И. Макалатия. Погребение поздней бронзы из селения Двани  
 Список сокращений

## СОДЕРЖАНИЕ

### I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

<i>Б. А. Латынин.</i> К вопросу об уровне развития производительных сил в эпоху ранней бронзы	3
<i>В. А. Ильинская.</i> О происхождении культур раннежелезного века на Левобережье Среднего Днепра	14
<i>О. Н. Мельниковская.</i> Древнейшие городища южной Белоруссии	28
<i>Ф. Д. Гуревич.</i> К истории древних пруссов в I тысячелетии н. э.	40

### II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>О. Н. Бадер.</i> Камская археологическая экспедиция (Работы 1953 и 1954 гг.)	49
<i>А. Н. Липский.</i> Раскопки 1953 г. в Хакассии	72
<i>Т. С. Пассек.</i> Некоторые итоги раскопок в Молдавии в 1955 году	78
<i>Т. Г. Мовша.</i> Медные украшения из Киева	94
<i>Г. И. Смирнов.</i> Поселения позднебронзового века и раннего железа возле с. Магала Черновицкой области	99
<i>О. Д. Дашевская.</i> Скифское городище Красное (Кермен-Кыр)	108
<i>В. Д. Блаватский.</i> Четвертый год раскопок в Синдике	118
<i>И. Т. Кругликова.</i> Поселение Золотое Восточное	130

### III. МЕЛКИЕ ЗАМЕТКИ И СООБЩЕНИЯ

<i>И. Г. Нариманов.</i> Некоторые данные о древнем поселении в окрестностях г. Казаха (Азербайджанская ССР)	138
<i>М. М. Кобылина.</i> Фанагорийский склеп	143
<i>В. И. Цехмистренко.</i> Два керченских сосуда с акварельной росписью	147
<i>Т. В. Равдина.</i> Надпись на корчаге из Пинска	150
Список сокращений	154
Содержание КСИИМК, вып. 61—69	155

### Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры, вып. 70

Утверждено к печати  
Институтом истории материальной культуры Академии наук СССР

Редактор издательства М. Г. Воробьева. Технический редактор Ю. В. Рымина

РИСО АН СССР № 127—84В. Сдано в набор 14/X 1957 г. Подп. в печать 6/XII 1957 г. Формат бум. 70 × 108<sup>1/16</sup>. Печ. л. 10 = 13,70 + 2 вкладыш. Уч.-изд. лист. 13,1. Тираж 1600. Изд. № 2117. Тип. зак. 331. Т-10361. Цена 8 р. 65 к.



## ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
3	24 <del>ст.</del>	предшествуют	предшествует
9	4 <del>ст.</del>	и	в
25	6 <del>ст.</del>	Поволжье в	Поволжье и
33	26 <del>ст.</del>	владений	вдавлений
36	13 <del>ст.</del>	пшеницы	пшеницы
41	1 <del>ст.</del>	ökonomische	ökonomische
91	3—14 <del>ст.</del>	Флорешты	Флорештах
112	6 <del>ст.</del>	грузил	грузила

Краткие сообщения ИИМК, вып. 70